М. М. Покровскій.

СЕМАСІОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ

ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бул.
1895.

ПРОВ. 1956

Извлечено изъ XXIII тома Историко-филологическаго отдѣла Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета.

БИБЛИОТЕКА
3776
24

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Программа и задачи настоящаго изслѣдованія подробно выяснены мною во введеніи, и я пользуюсь этими строками лишь для разъясненія и улучшенія нѣкоторыхъ пунктовъ моей работы. Она возникла не случайно и не столько подъ вліяніемъ существующихъ сочиненій по семасіологіи, сколько въ связи съ моими старинными занятіями греко-латинской морфологіей сравнительно съ морфологіей другихъ индоевропейскихъ языковъ. Эти занятія постоянно приводили меня къ вопросу о психологическихъ явленіяхъ языка вообще и семасіологическихъ въ частности,—и напр. теорія, главнѣйшія основанія которой намѣчены на стр. 1—8 и 23—25, сложилась у меня уже 6 лѣтъ тому назадъ. Далѣе, спеціальное разсмотрѣніе исторіи значенія словъ, принадлежащихъ къ той или другой морфологической категоріи, постоянно ставило меня лицомъ къ лицу съ принципомъ семасіологической ассоціаціи или аналогіи, какъ съ основой раздѣленія извѣстной морфологической категоріи на спеціальныя, видовыя группы (ср. хотя бы тѣ примѣры, которые приведены на стр. 13 и 45—55); при этомъ приходилось наблюдать, что такое раздѣленіе извѣстной категоріи въ одномъ языкѣ въ общихъ чертахъ сходно съ раздѣленіемъ соотвѣтствующей категоріи въ другихъ родственныхъ языкахъ (ср. стр. 54—55 и др.); а это наблюденіе наводило на мысль, что семасіологическія явленія не отличаются большимъ произволомъ, но что наоборотъ за ними скрываются какіе-то законы; въ свою очередь, эта мысль подтверждалась чтеніемъ сочиненій, посвященныхъ исторіи индоевропейскихъ языковъ въ связи съ

исторіей индоевропейскихъ народовъ (стр. 15—19). Но дойдя до вопроса объ ассоціаціи словъ, сходныхъ или прямо-противоположныхъ по значенію, я встрѣтился со спеціальными работами, такъ или иначе затрогивающими этотъ вопросъ. Изученіе этихъ работъ поставило на очередь новыя затрудненія, которыя окончательно убѣдили меня въ томъ, что систематическое изслѣдованіе морфологическихъ категорій будетъ преждевременно до тѣхъ поръ, пока семасіологія вообще не станетъ на твердую научную почву: вотъ почему морфологическій отдѣлъ этой книги (главы 2-я и 3-я) является какъ бы приложеніемъ къ спеціально-семасіологическому (глава 1-я).

Такова первая особенность настоящей работы. Во-вторыхъ, поставивъ себѣ цѣлью усовершенствованіе методовъ семасіологическаго изслѣдованія, я, конечно, могъ исходить только изъ такого матеріала, который мнѣ представлялся болѣе или менѣе надежнымъ. Этимъ отчасти объясняется нѣкоторая неполнота данныхъ, употребленныхъ мною въ дѣло. Но есть, конечно, и другія причины: въ большинствѣ случаевъ приходилось создавать не только объясненіе матеріала, но и самый матеріалъ; чрезвычайныя затрудненія, связанныя съ подборомъ и группировкой данныхъ, а также съ самимъ изложеніемъ, естественно, могли привести къ тому, что нѣкоторые изъ фактовъ ускользнули отъ моего вниманія.

Основной цѣлью данной работы объясняется и еще одна изъ ея особенностей: главный матеріалъ для нея былъ подобранъ изъ обоихъ классическихъ языковъ, но я пользовался въ широкихъ размѣрахъ и другими индоевропейскими языками [1]). Въ этомъ

---

[1]) Я долженъ, однако, оговориться, что многимъ примѣрамъ изъ неклассическихъ языковъ я придаю только служебное значеніе: такъ напр., исторія германскихъ субстантивированныхъ причастій (стр. 72—76) интересовала меня не сама по себѣ (вполнѣ разобраться въ ней можетъ только германистъ по спеціальности), но какъ средство къ пониманію соотвѣтствующихъ причастій въ классическихъ языкахъ. Пользуюсь случаемъ сдѣлать другую оговорку — относительно непослѣдовательности въ транскрипціи словъ неклассическихъ языковъ: такъ, междузубное *t* я регулярно передавалъ черезъ *ϑ*, но германское междузубное *d* я сначала пробовалъ (стр. 17, прим. 1; стр. 38) передавать общепринятымъ способомъ (черезъ *d*, перечеркнутое наверху горизонтальной чертой), но такъ какъ знакъ, употребленный типографіей, очень походитъ на *cł*, то начиная со страницы 73 я предпочелъ для обозначенія этого звука—*đ*.

пунктѣ я расхожусь съ нѣкоторыми направленіями, существующими въ семасіологической литературѣ. Такъ, напр.. одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ семасіологовъ Heerdegen полагаетъ (Verhandlungen der 41. Versammlung deutscher Philologen und Schulmanner, pp. 210—211), что только послѣ созданія семасіологіи какъ грамматической дисциплины въ отдѣльныхъ языкахъ можно перейти къ индоевропейской дисциплинѣ этого рода; на ряду съ явленіями, общими всѣмъ языкамъ, каждый языкъ имѣетъ свои собственныя индивидуальныя стороны, и потому семасіологія, какъ спеціально латинская дисциплина, имѣетъ полное право на существованіе. На это мы замѣтимъ, что при занятіяхъ семасіологіей нельзя ограничиваться только древними языками, т.-е. такими языками, которыхъ мы, такъ сказать, не чувствуемъ; потому что при этомъ условіи мы никогда не застрахованы отъ искусственныхъ и мертворожденныхъ построеній; тѣмъ болѣе опасно ограничиваться какимъ-нибудь одним ъ древнимъ языкомъ. Въ частности, сравнительный методъ безусловно необходимъ при рѣшеніи вопроса о томъ, какія семасіологическія явленія извѣстнаго языка свойственны только ему одному. И вообще, если сравнительный методъ приноситъ большую пользу при занятіяхъ напр. фонетикой, то тѣмъ болѣе неизбѣжно его примѣненіе при занятіяхъ новообразованіями по аналогіи, синтаксисомъ и семасіологіей, такъ какъ эти послѣднія явленія несравненно труднѣе поддаются анализу, группировкѣ и объясненію, чѣмъ явленія фонетическія. Однимъ словомъ, если изслѣдователь синтактическихъ, семасіологическихъ и т. п. фактовъ извѣстнаго языка освободитъ себя отъ справокъ въ другіе языки, то онъ въ лучшемъ случаѣ можетъ представить тонкія наблюденія надъ отдѣльными подробностями, или интересное собраніе матеріала, но за то безъ общихъ выводовъ или же съ общими выводами сомнительнаго достоинства. Въ русской ученой литературѣ есть одна работа, принадлежащая профессору Ѳ. Е. Коршу («Способы относительнаго подчиненія»), которая ясно показываетъ, что при изслѣдованіи психологическихъ, въ частности синтактическихъ, явленій языка, необходимо привлеченіе къ дѣлу всевозможныхъ языковъ, не говоря уже о языкахъ родственныхъ.

Съ такой же оговоркой мы должны встрѣтить и соображенія

Мишеля Бреаля, который склоненъ считать сравнительную семасіологію дѣломъ преждевременнымъ; но за то нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ его взгляду, что исходнымъ пунктомъ для семасіолога долженъ служить его родной языкъ. Бѣда только въ томъ, что русскій семасіологъ поставленъ въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ, напр., его французскіе или нѣмецкіе товарищи, располагающіе такими превосходными историческими словарями, какъ словарь Литрé или словарь Гримма и его продолжателей. Съ своей стороны, я старался не упускать изъ виду родного языка, но я хорошо сознаю, какъ недостаточенъ и отрывоченъ русскій матеріалъ моей книги, и на случай, если ее прочтутъ наши слависты, я обращаюсь къ нимъ съ покорнѣйшей просьбой дополнить или, еще лучше, переработать тѣ данныя изъ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, которыми я пользовался.

Позволю себѣ еще нѣсколько словъ pro domo sua. Тезисъ, съ которымъ я выступаю, очень простъ a priori, но его практическое обоснованіе фактами языка представляетъ большія затрудненія. Я, конечно, хорошо понимаю, что собраннаго мною матеріала далеко недостаточно для этой цѣли; и я, можетъ быть, не рѣшился бы въ настоящее время опубликовать этотъ матеріалъ, еслибы меня не ободрялъ самый ходъ работы. Изслѣдованіе не прекращалось во все время печатанія книги (начавшагося съ двадцатыхъ чиселъ октября), и мнѣ нерѣдко удавалось, уже послѣ отпечатанія извѣстной главы или §, подобрать новыя данныя, которыми какъ нельзя лучше подтверждались предположенія, высказанныя въ этой главѣ или §: съ этой цѣлью я прошу читателя обратить особое вниманіе на приложенныя къ книгѣ «Дополненія». Съ другой стороны, этотъ дополнительный матеріалъ, не измѣняя по существу высказанныхъ мною предположеній, иногда позволялъ точнѣе формулировать ихъ, а иногда давалъ возможность устанавливать связь между такими фактами, которые до этого времени представлялись мнѣ обособленными (ср. особенно стр. 55—62 съ примѣчаніемъ на стр. 108 и съ соотвѣтствующимъ пунктомъ въ «Дополненіяхъ»). Такимъ образомъ, я убѣждался въ полной справедливости пословицы dies diem docet, и я увѣренъ, что одной изъ первыхъ поправокъ со стороны читателей,—особенно если они не ограничатся только тѣмъ матеріаломъ, который собранъ въ этой книгѣ,—будетъ обоб-

щеніе этого матеріала. Съ своей стороны замѣчу слѣдующее: распредѣляя слова по тѣмъ «сферамъ представленія», къ которымъ они относятся (этимъ, можетъ быть, нѣсколько неопредѣленнымъ терминомъ у меня обозначаются фактическія границы ассоціаціи словъ), я, конечно, не утверждаю, что языкъ состоитъ изъ множества ячеекъ, совершенно обособленныхъ другъ отъ друга: наоборотъ, гдѣ только можно, я отмѣчалъ сходныя явленія въ исторіи значенія словъ, принадлежащихъ къ различнымъ сферамъ представленій (ср. стр. 52, 104 и пр.). Прибавлю еще одно подобное замѣчаніе: со словами, обозначающими *мѣру*, мы соединяемъ представленіе не только объ измѣряющемъ инструментѣ, но и объ измѣряемомъ предметѣ, по крайней мѣрѣ о его количествѣ или величинѣ; далѣе, слова *столъ*, *блюдо*, *бутылка* употребляются нами въ смыслѣ «того, что находится на столѣ, на блюдѣ, въ бутылкѣ»; или, слово *кругъ* въ просторѣчіи употребляется какъ въ смыслѣ извѣстной кривой линіи («окружность», какъ говорятъ математики), такъ и въ смыслѣ пространства, заключеннаго въ ея предѣлахъ (ср. опредѣленіе нѣмецкаго *Ring* въ словарѣ Гримма: «der von Personen gebildete Kreis, sowie der von diesen eingeschlossene Raum», — ср. также соотвѣтствующія слова другихъ языковъ); равнымъ образомъ, словами, обозначающими зданія, частныя или общественныя, можетъ называться и то, что въ этихъ зданіяхъ находится (ср. *домъ* въ смыслѣ его обитателей, *Казенная Палата* въ смыслѣ засѣдающаго въ ней начальства); или, напр., слово *улица* въ народномъ языкѣ обозначаетъ не только пространство, но и обывателей, находящихся на этомъ пространствѣ («на пожаръ сбѣжалась вся улица») и т. д. Всѣ эти примѣры принадлежатъ къ различнымъ «сферамъ представленія», и тѣмъ не менѣе всѣ они проникнуты одной общей тенденціей—смѣшеніемъ содержащаго съ содержимымъ.

Мнѣ остается исполнить пріятную обязанность—выразить мою глубокую признательность моимъ уважаемымъ учителямъ профессорамъ Московскаго Университета Ѳедору Евгеніевичу Коршу и Филиппу Ѳедоровичу Фортунатову: ихъ лекціи, которыя я въ свое время слушалъ, бесѣды съ ними по поводу различныхъ вопросовъ языковѣдѣнія, между прочимъ, и вопросовъ семасіологическихъ, наконецъ, многія спеціальныя указанія

какъ фактическія, такъ и библіографическія,—все это, безъ сомнѣнія, могло выгодно отразиться на нѣкоторыхъ пунктахъ моей книги; но само собой разумѣется, что ни Ѳ. Е. Коршъ, ни Ф. Ѳ. Фортунатовъ не отвѣтственны за ея слабыя стороны. Итакъ, τύχῃ ἀγαθῇ!

Михаилъ Покровскій.

Москва, 1 декабря 1895 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ этомъ небольшомъ изслѣдованіи я рѣшаюсь поставить до сихъ поръ почти незатронутый, но очень важный какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи вопросъ о закономѣрности психологическихъ явленій языка. Если мы возьмемъ тѣ явленія, которыя связаны съ измѣненіями звуковъ языка, то закономѣрность этихъ явленій для насъ будетъ ясна уже эмпирически, хотя бы мы и не имѣли никакого понятія о языковѣдѣніи. Всякій знаетъ, что тотъ, кто произноситъ напр. *s* нѣсколько шепеляво, произноситъ его такимъ образомъ всюду, гдѣ оно попадется; мало того, соотвѣтственнымъ образомъ онъ произнесетъ и *z* и т. д. Это — явленія фонетическія. Но есть другія болѣе сложныя и болѣе субъективныя явленія въ жизни каждаго языка. Это, во-первыхъ, такъ-называемыя новообразованія по аналогіи. Что значитъ этотъ терминъ? Дѣло въ томъ, что формы языка объединяются въ нашей душѣ, независимо отъ нашего сознанія, въ различныя категоріи, въ связи съ ихъ взаимнымъ сходствомъ: таковы напр. категоріи именъ латинскаго 2-го склоненія, 4-го спряженія и т. д. Если есть пункты сходства между цѣлыми категоріями формъ, то и категоріи объединяются въ одну. Напримѣръ, какъ въ латинскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ, въ концѣ концовъ, смѣшались имена съ основой на *o*—и съ основой на *u*—; причиной для смѣшенія было, между прочимъ, то обстоятельство, что отдѣльныя падежныя формы и тѣхъ и другихъ именъ, въ данномъ случаѣ, совпали въ звуковомъ отношеніи. Именно въ латинскомъ языкѣ - *ŏ-s*, - *ŏm* (окончанія именительнаго и винительнаго падежей ед. ч. 2-го склоненія) съ теченіемъ времени фонетически обратились въ *ŭ-s*, *ŭ-m* и, такимъ образомъ, въ извѣстную эпоху языка ничѣмъ не отличались отъ окончаній соотвѣтствующихъ

падежей 4-го склоненія. Тоже было и въ славянскихъ языкахъ: здѣсь *ŏ-s*, *ŏ-m*, *ŭ-s*, *ŭ-m* одинаково обратились въ **ъ**; кромѣ того, *o-ns u-ns* (окончанія винительнаго падежа множ. числа) одинаково обратились въ **ы**: ср. ст. слав. **рабъ**, **рабъ**, **рабы** (основа на-*ŏ*-) **сынъ**, **сынъ**, **сыны** (основа на *u*-: ср. д. и *sūnu-s* и пр.); вслѣдствіе этого стали возможны такія формы, какъ напр. русскій родительный падежъ *сына* (ст. слав. **сыноу** = д. и sūnōs и пр.) по аналогіи род. пад. *раба* и мн. др. Это объединеніе двухъ первоначально различныхъ категорій, повторяю я, происходитъ безсознательно. Это видно изъ того, что въ данномъ случаѣ творчество можетъ совпадать съ ошибкой: ученики младшихъ классовъ гимназіи иногда образуютъ (‹по разсѣянности›) отъ *sentio* perf. *sentivi*, sup. *sentitum*, увлекаясь сходствомъ нѣкоторыхъ формъ этого глагола съ формами *munio* и др. и, такимъ образомъ, смѣшивая обѣ категоріи глаголовъ. Къ такому же результату пришелъ и латинскій языкъ передъ распаденіемъ на романскія нарѣчія: ср. франц. *senti*, итальянское *sentito* и пр. Позволю себѣ еще одинъ примѣръ: въ ученическихъ тетрадяхъ мы часто встрѣтимъ infinit. *moriri* отъ *morior* по аналогіи съ *orior*, *orīri*. Эта, безсознательно образованная ученикомъ, форма извѣстна намъ очень хорошо изъ Плавта (напр. *capt.* 732: non moriri certiust) и изъ Овидія (*met.* 14,215: mortemque timens cupiensque moriri); она же (точнѣе сказать, *morīre*) послужила образцомъ для соотвѣтствующихъ романскихъ формъ: фр. *mourir*, ит. *morire*, исп. *morir* и пр. Присматриваясь къ различнымъ новообразованіямъ этого рода въ различныхъ языкахъ, мы, конечно, на первый разъ будемъ поражены ихъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и причудливостью. Однако, несмотря на безсознательное и субъективное происхожденіе этихъ новообразованій, мы не можемъ утверждать, чтобы они зависѣли отъ простого случая; наоборотъ, если мы попытаемся ихъ классифицировать, то увидимъ въ нихъ нѣчто похожее на закономѣрность, на регулярность. Во-первыхъ, мы убѣждаемся въ томъ, что два (или болѣе) разныхъ языка могутъ, по отношенію къ одному и тому же данному случаю, выработать одинаковыя или сходныя новообразованія, если для этихъ новообразованій въ указанныхъ языкахъ были на-лицо одинаковые или сходные поводы. Мы уже успѣли привести одинъ примѣръ

подобнаго рода изъ латинскаго и славянскихъ языковъ. Приведемъ другой, не менѣе ясный.

Греч. ῦ-ς, лат. *sū-s* принадлежатъ къ той же морфологической категоріи, какъ напр. д. инд. *bhū-s*, *bhrū-s*. Какъ показываетъ д. индійскій языкъ, *ū* сохранялось только передъ такими суффиксами, которые начинались съ согласнаго, напр. *bhū-bhis*, *bhū-bhyas*, *bhū-šu*; а передъ суффиксами, начинавшимися съ гласнаго, оно разлагалось на *ŭ*+*u̯*: *bhŭv-as*, *bhŭv-i* и пр. Какъ въ латинскомъ языкѣ (послѣ *u*), такъ и въ діалектахъ греческаго языка (во всѣхъ положеніяхъ) это *u̯* исчезало. Благодаря этому, получились такія формы: gen-sing. ῦ-ός, dat. (loc.) ῦ-ί, nom. pl. ῦες, gen. ῦ-ῶν, dat. (loc.) * ῦσί; *sŭ-is*, *sŭ-ī*, *sŭe*, *sŭes*, *sūbus*. Подъ вліяніемъ формъ съ ŭ, въ греч. яз. * ῦσι и т. п. обратились въ ῦσί съ краткимъ υ. Нѣчто подобное было и въ латинскомъ языкѣ: такъ, у Лукреція, на ряду съ *sūbus* (1 разъ V 969) [1]), мы находимъ два раза *sŭbus*:

nam saetigeris *sŭbŭs* acre venenumst (VI 974).

Spurcities, eadem *sŭbŭs* haec iucunda videtur (VI 977).

Возьмемъ склоненіе βοῦς и ναῦς въ діалектахъ греческаго языка. Сравненіе этихъ словъ съ санскритскими *nāus* и *gāus* показываетъ,

---

[1]) Saetigerisque pares *sūbus*, silvestria membra... Чтобы привести этотъ стихъ въ соотвѣтствіе съ VI 974 и VI 977, Munro читаетъ его такъ: saetigerisque pares *sŭbŭ' sic* silvestria membra. Но это—совершенно ненужное измѣненіе. Новообразованія по аналогіи вообще характеризуются тѣмъ, что они въ первое время по возникновеніи не вытѣсняютъ коренной формы. Напр., нѣмецкій глаголъ *fragen* спрягается и по сильному и по слабому спряженію, т. е: *ich frage*, *du fragst*, *er fragt* или *frägst*, *frägt*. Вѣроятно, когда нибудь языкъ освободится отъ одной изъ этихъ формъ, но въ настоящее время одно и то же лицо употребляетъ тѣ и другія формы (напр. *es fragt sich nun* и *es fragt sich nun*). Это положеніе дѣйствительно для всѣхъ новообразованій, возникшихъ психологическимъ путемъ. Возьмемъ какое-нибудь синтактическое явленіе: напр. *exercere* (*se exercere*, *exerceri*) употреблялось съ творит. падежомъ, въ значеніи „упражнять или упражняться въ чемъ“. Въ классическую эпоху латинскаго языка появляется новая конструкція *in* aliqua re, но она пока не вытѣсняетъ старой, но употребляется съ нею параллельно, даже у одного и того же писателя. Напр., у Цицерона находимъ se vehementissime exercere *in* his subitis dictionibus рядомъ съ sese quotidianis commentationibus exercere. То же самое мы встрѣтимъ и въ семасіологіи: ниже (въ серединѣ 1-й главы) у меня приведенъ примѣръ, показывающій, какъ *lēvis* въ смыслѣ „благосклонный, мягкій“ (opp. *gravis* „жестокій, крутой“) было съ теченіемъ времени вытѣснено *facilis* и *lēnis*, но это вытѣсненіе состоялось не сразу: у Плавта (*Trinumm.* 684) *lēvis* еще сохранилось въ указанномъ значеніи.

что въ корнѣ ихъ были дифтонги *ō̯u*, *āu̯*; для ναῦς это засвидѣтельствовано, кромѣ того, какъ самимъ греческимъ языкомъ (напр., νῆες изъ * νᾱFες и др.) такъ и лат. *nāv-i-s*. Указанные дифтонги сократились въ греч. языкѣ передъ *s* въ *ŏu̯ ău̯*: ср. Ζεύς изъ * *di̯ēu̯s*=д. инд. *dyāus*; въ положеніи передъ *-m* и *-ns* (слѣдовательно, въ винит. ед. и множ. числа) дифтонгъ *ō̯u* еще въ индоевр. языкѣ потерялъ неслоговую часть: ср. др. инд. *gām gās* и и также *dyām dyās* (изъ * *di̯ēu̯m*, *di̯ēu̯ns*)=гр. діалект. Ζήν, лат. *diĕm* (изъ болѣе ранняго *diēm*), acc. pl. *diēs*. Такимъ образомъ, обще-греч. склоненіе βοῦς было слѣдующее: nom. sing. βοῦς, acc. βῶν, acc. pl. βῶς. Что касается ναῦς, то acc. sing. и plur. этого слова образовывались, какъ показываетъ др. инд. языкъ, не съ помощью суффиксовъ *-m* и *-ns*, но съ помощью суффиксовъ *ă̯n*, *ă̯ns* (*nāv-am*, *nāv-as*). Въ виду этого, обще-греч. склоненіе ναῦς было слѣдующее: nom. ναῦς, acc. νᾶFα, acc. pl. νᾶFας, откуда въ аттическомъ и іоническомъ діалектахъ получилось ναῦς νῆα νῆας (въ болѣе древній періодъ νῆFα νῆFας). Греческіе діалекты отдѣлались отъ такого несходства падежныхъ формъ; при этомъ въ аттическомъ діалектѣ въ *обоихъ* случаяхъ были измѣнены формы acc. sing. plur. подъ вліяніемъ nom. sing.: ναῦς ναῦν ναῦς, βοῦς βοῦν βοῦς. Въ другихъ діалектахъ наблюдается обратный процессъ: іон. νηῦς по образцу νῆα νῆας, дорич. βῶς по образцу βῶν βῶς.

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, что новообразованія въ языкѣ выражаются, можетъ быть, въ опредѣленныхъ формахъ, имѣютъ какъ бы опредѣленное направленіе. Въ этомъ отношеніи интересна исторія словъ Ζεύς, ἷς и τίς: она показываетъ, какъ одинъ и тотъ же процессъ распространился на эти три слова, вообще между собой не связанныя. А именно, ἷς, или лучше сказать Fἷς, имѣло основу *vī-* = лат. *vī-s*. Винит. ед. ч. долженъ былъ первоначально звучать какъ *Fῑ-ν = лат. *vim*; но онъ былъ распространенъ посредствомъ суффикса *-α*: Fἶνα. Разъ появилось въ языкѣ такое образованіе, то оно естественно стало пониматься какъ Fἶν-α, т. е. отсюда выдѣлилась основа Fἶν-, отъ которой далѣе образованы: nom pl. ἶνες (Fἶνες), гомеровскій dat. pl. ἶν-εσι и т. д. Равнымъ образомъ, наряду съ acc. Ζήν возникъ тѣмъ же путемъ accus. Ζῆνα, откуда далѣе gen. Ζηνός, dat. Ζην-ί (уже у Гомера). Далѣе, τίς = лат. *quis* имѣло первоначальную

основу *tĭ-* (изъ **qĭ-*: ср. лат. *quĭ-bus*, nom. pl. *quēs* изъ **quĕj-ĕs*, какъ *ignēs* изъ **ignĕj-ĕs*, д. и. *agnay-as*). Вмѣсто первоначальнаго винительнаго падежа *τί-ν въ языкѣ развился acc. τί-ν-α, откуда далѣе τίν-ος, τίν-ι и пр.

Выше мы сказали, что dat. (loc.) plur. *ὗσί былъ вытѣсненъ ὑσί подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Такую же судьбу имѣетъ этотъ падежъ и во многихъ другихъ основахъ: напр. πόλεσι вм. πόλισι возникло по аналогіи *πόλεες, gen. πόλεων; ср. ἡδέσι (вм. *ἡδύσι, ср. д. и. *svādu-šu*) подъ вліяніемъ *ἡδέ-ες, ἡδέων. Не лишено вѣроятности предположеніе (G. Meyer Griech. Gramm.², p. 355), что подъ вліяніемъ gen. pl. τοκέων acc. τοκέας возникли и dativ'ы на-έσι (вм.—εῦσι): τοκέσι (на одной поздней аттической надписи), δρομέσι (у Каллимаха) [1]).

Съ такимъ же процессомъ мы встрѣчаемся и при именахъ съ основой на *on*, *en*. Эти имена, какъ извѣстно (см. хотя бы Brugmann Griech. Gramm.² § 71), склонялись съ чередованіемъ сильныхъ и слабыхъ видовъ основы, напр. *ōn ēn*, *ŏn ĕn*, *n* и *n̥* (точнѣе, *a̯n̥*): послѣдній видъ основы (по греч. α и по др. инд. *a*) употреблялся въ такихъ формахъ, падежные суффиксы которыхъ начинались съ согласнаго, напр. др. инд. loc. plur. *takšasu* (изъ **tekta̯n̥su*) при nom. pl. *takšānas*. Въ виду этого, въ греч. яз. мы ждали бы при nom. pl. φρένες ποιμένες τέκτονες—dat. (loc.) plur. φρασί (изъ *φρα̯n̥σί), *ποιμάσι, *τέκτασι. Первая изъ этихъ формъ, дѣйствительно, извѣстна изъ Пиндара и изъ одной аттической надписи 6-го вѣка до Р. Х. (G. Meyer Gr. Gr.², p. 354) Какъ извѣстно, слабый видъ *n* и *a̯n̥* въ греческомъ склоненіи этихъ

---

[1]) Ср. у того же Г. Мейера очень важное подстрочное примѣчаніе: „δρομέσι ex Simonide affertur in libro pseudepigrapho· Ἡρωδιανοῦ περὶ ζητουμένων κτλ. An. Oxon. 3, 254, 21. Lentz zu Herod 2. 638,9».—Обыкновенно эти формы (напр. у Бругмана) объясняются аналогіей со стороны ἡδέσι: ср. ἡδεῖς-βασιλεῖς, ἡδέων-βασιλέων. Для поздне-атт. τοκέσι и Каллимаховскаго δρομέσι такое объясненіе, конечно, вполнѣ возможно (хотя и не обязательно): дѣло въ томъ, что въ аттич. склоненіи словъ βασιλεύς и т. п. уже съ 324 г. до Р. Х. окончательно утвердился nom. pl. на -εῖς, который вскорѣ (около 300 года) сталъ замѣнять собою и старый acc. на -έας (Meisterhans Gramm. der attisch. Inschriften², p. 110): такимъ образомъ, въ 3-ьемъ вѣкѣ до Р. Х. склоненіе βασιλεύς во множ. ч. совпадало съ склоненіемъ множ. числа отъ ἡδύς въ трехъ формахъ: nom., accus., genit.—Но по отношенію къ Симониду эти соображенія врядъ ли имѣютъ силу.

именъ, за двумя—тремя исключеніями (вродѣ gen. sing. ἀρν-ός при nom. ἀρήν), исчезъ и замѣнился въ косвенныхъ падежахъ среднимъ видомъ -ŏn, -ĕn: τέκτονος, ποιμένος, τεκτόνων, ποιμένων. Посмотримъ мы теперь на новообразованія φρεσί, ποιμέσι, τέκτοσι: изъ *-ονσι, *-ενσι ихъ вывести нельзя, потому что эти сочетанія дали бы напр. по аттически -ουσι, -εισι съ долгими закрытыми ō и ē,—ср. τούς изъ τό-νς (еще сохранилось въ критскомъ діалектѣ), εἰς изъ ἐνς (засвидѣтельствовано грамматиками для того же критскаго діалекта). Какъ понять данныя формы? Во всѣхъ этихъ случаяхъ гласный α въ dat. (loc.) plur. былъ замѣненъ гласнымъ ο или ε, находившимся въ косвенныхъ падежахъ, напр. въ τεκτόνων φρενῶν; ср. еще dat. (loc.) κῠσί при gen. κυνῶν, acc. κύνας: этого κῠσί точно также нельзя понять, по вышеуказанной причинѣ, изъ *κυνσί. Этотъ послѣдній примѣръ интересенъ въ томъ отношеніи, что склоненіе κύων κυνός стояло особнякомъ отъ ποιμήν; а между тѣмъ, дѣйствіе аналогіи выразилось здѣсь въ совершенно такой же формѣ, какъ и въ примѣненіи къ ποιμήν φρήν τέκτων и пр. Кромѣ того, всѣ эти явленія совершенно аналогичны съ выше разобранными dat. (loc.) pl. ὑσί, πόλεσι, ἡδέσι и м. б. δρομέσι, съ которыми они и подавно не имѣли прямой связи. Наконецъ, фактъ вытѣсненія въ dat. pl. α, являющагося параллельно съ ο, ε, ω, η другихъ падежей, находитъ себѣ полную аналогію въ соотвѣтствующемъ явленіи, наблюдаемомъ въ спряженіи глаголовъ на -μι (τίθημι ἵημι δίδωμι). Спряженіе это въ нашихъ памятникахъ, даже древнѣйшихъ, представляется сильно отступившимъ отъ первоначальнаго образца, и въ большинствѣ діалектовъ, не исключая гомеровскаго, эти глаголы мало по малу переходятъ въ такъ называемое тематическое спряженіе, въ спряженіе на ω. Въ чемъ же состояли особенности первоначальнаго спряженія этихъ глаголовъ? Какъ показываетъ др. индійскій и отчасти даже латинскій языкъ, въ слабомъ видѣ основы этихъ глаголовъ являлось такъ называемое schwa indogermanicum,—звукъ, который въ индоиранскихъ нарѣчіяхъ совпалъ съ ĭ, а въ языкахъ европейскихъ и армянскомъ—съ ă. Въ видѣ α звукъ этотъ обыкновенно является и въ греческомъ языкѣ (см. Brugmann Griech. Gramm.[2] § 11): напр. στᾰτός στάσις ср. съ д. и. *sthitás sthitis*, лат. *stătus* и *stătiō*. Та-

кимъ образомъ, въ прагреческомъ языкѣ основы θη-, ἡ-, στᾱ-, δω- чередовались съ *θα-, ἁ-, στᾰ-, δα- (ср. д.и. *hi-ta s*, лат. *să-tu-s*, *stă-tu-s*, *dă-tu-s*, гр. сущ. δά-νος). Кромѣ того, еще въ обще-греческомъ языкѣ появился, при особыхъ фонетическихъ условіяхъ, третій видъ основы θε-, ἑ-, δο-, στα-,—именно въ томъ случаѣ, когда первоначальные θη-, ἡ- и пр. приходились передъ ντ- (напр. въ причастіи): долгіе гласные въ этомъ положеніи сокращались (ср. aor. pass. 3 л. мн. ч. ἔμιγεν изъ *ἐμιγηντ: Brugmann ibid. §§ 11 и 26 [1]). Такимъ образомъ, уже обще-греч. языкъ имѣлъ три вида основы θη- θε- θα-, δω- δο- δα-, и очень можетъ быть, что еще въ обще-греч. языкѣ третій видъ былъ утраченъ; этому могло благопріятствовать то обстоятельство, что въ глаголахъ, исходившихъ на *ā* (напр. въ ἵστᾱμι), и 2-й и 3-й видъ фонетически совпадали. Но, разумѣется, процессъ вытѣсненія третьяго вида могъ произойти и на почвѣ отдѣльныхъ діалектовъ: дѣло въ томъ, что въ отдѣльныхъ діалектахъ 2-ой (новый) видъ могъ находить себѣ большее примѣненіе, вслѣдствіе новыхъ сокращеній первоначально-долгаго гласнаго—напр. въ conjunctiv'ахъ (первоначальныя θή-ω, δώ-ω могли въ отдѣльныхъ діалектахъ обращаться въ *θέω *δόω и пр.) Какъ бы то ни было, общіе результаты ясны: изъ трехъ видовъ основы θη- θε- θα-, δω- δο- δα-) третій видъ, не соотвѣтствующій по своей вокализаціи первымъ двумъ, былъ вытѣсненъ вторымъ,—фактъ, совершенно аналогичный съ вытѣсненіемъ слабѣйшаго вида основы въ склоненіи именъ на *-on -en* [2]).

---

[1]) ἔμιγεν особенно ясно указываетъ на то, что это сокращеніе долгихъ гласныхъ передъ ντ принадлежитъ обще-греческой эпохѣ: въ данномъ случаѣ сокращеніе долготы можно понять только въ положеніи передъ ντ-; но конечное τ въ діалектахъ уже отсутствуетъ, слѣдовательно, оно существовало только въ общегреческую эпоху и при этомъ въ обще-греч. языкѣ, какъ показываетъ ἔμιγεν и т. п., отпало уже послѣ сокращенія долгихъ гласныхъ передъ ντ-.

[2]) Съ этимъ греческимъ новообразованіемъ можно сопоставить одно новонѣмецкое новообразованіе, распространяющееся какъ на склоненіе, такъ и на спряженіе. Еще въ средне-нѣмецкомъ существовало общегерманское чередованіе звуковъ, соотвѣтствующихъ ново-нѣм. *h* и *ch*, въ силу котораго первый звукъ стоялъ въ началѣ слога, а послѣдній въ концѣ слога и передъ согласнымъ: напр, *sehen- ich sach—wir sahen*, *Schuoch—schuohes*, *rūch* (*rauh*)—gen. *rūhes*. Какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи *ch* одинаково вытѣснено черезъ *h*: *ich sah*: *wir sahen*, *Schuh*—gen. *Schuhes* и т. д. Старое *ch* осталось въ *hoch* (при *hoher*) и, вообще говоря, въ та-

Укажу еще на слѣдующіе факты изъ греческаго языка: такъ какъ *m* въ концѣ словъ и въ положеніи передъ *s* еще въ общегреч. языкѣ перешло въ *n* (ν- ср. τόν изъ **tom*), то тѣ немногія имена, основа которыхъ оканчивалась на первоначальное *m*, совпали въ именительномъ падежѣ и, отсюда далѣе въ косвенныхъ падежахъ, съ именами на *n*: таково χθών χθονός (изъ *χθωμ *χθομος—ср. χθαμ-αλός); χιών χιόνος (изъ *χιωμ *χιομος—ср. лат. *hiem-*); εἷς, крит. ἕνς, сред. р. ἕν, косв. падежи ἑνός и пр. (изъ *ἑμ-ς *ἑμ *ἑμος—ср. ὁμ-ός, лат. *sem-el*). Всѣ эти три слова получили въ косвенныхъ падежахъ одинаковое новообразованіе, а между тѣмъ одно изъ нихъ—εἷς стояло особнякомъ отъ двухъ другихъ [1]).

Во-вторыхъ, отмѣтимъ одну общую особенность въ слитномъ склоненіи именъ на *o-* и на *os-es-* въ аттическомъ діалектѣ. Сложныя имена, вродѣ περίπλοος περιπλόου, pl. περίπλοοι περιπλόων, склоняются по аттически такъ: περίπλους περίπλου (вм. *περιπλοῦ), περίπλοι περίπλων (вм. *περιπλῶν)—ср. въ сигматическомъ склоненіи gen. pl. συνήθων (вм. *συνηθῶν изъ συνηθέων *συνηθέσων). Такимъ образомъ, одинаковое новообразованіе распространилось на двѣ различныя категоріи именъ. Судьба первой категоріи въ аттическомъ діалектѣ поучительна еще въ одномъ отношеніи: если съ одной стороны сложныя περίπλους *περιπλοῦ стали склоняться какъ περίπλους περίπλου, то съ другой стороны несложныя *χρύσους χρυσοῦ, *κάνουν κανοῦ (изъ χρύσεος χρυσέου, κάνεον κανέου) склоняются какъ χρυσοῦς χρυσοῦ, κανοῦν κανοῦ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, я думаю, уже достаточно выяснился тотъ фактъ, что новообразованія по аналогіи прежде всего поддаются классификаціи; далѣе, что тѣ психическія

кихъ формахъ, которыя стояли особнякомъ: предл. *nach*, *Geschichte* при *geschehen flucht* при *fliehen*, *Rauchwerk* при *rauh* и пр. То есть, и въ этомъ случаѣ новонѣмецкій яз представляетъ аналогію греческому, въ которомъ *α* изъ **ə* удержалось лишь тогда, когда слово, заключающее это *α*, находилось внѣ связи съ извѣстными категоріями: таково δά-νος (даръ) при δο-τός и др.

[1]) Съ этимъ оригинальнымъ греч. новообразованіемъ въ косвенныхъ падежахъ я рѣшаюсь сопоставить одно явленіе французскаго языка. Собств. имена *Серафимъ*, женск. *Серафима* звучатъ по французски *Séraphin Séraphine*. Это *n* въ женскомъ имени (вм. *m*) объясняется, можетъ быть, аналогіей со стороны формы мужского имени, гдѣ конечное *m* фонетически обратилось въ призвукъ тембра *n*.

силы, которыми вызываются эти новообразованія, подчиняются довольно опредѣленнымъ направленіямъ и выражаются въ языкѣ въ опредѣленныхъ формахъ. Въ третьихъ, два или нѣсколько языковъ могутъ въ одномъ и томъ же случаѣ придти къ одинаковому новообразованію, если для этого новообразованія въ данныхъ языкахъ есть одинаковые поводы.

Однако не эти явленія будутъ занимать насъ въ предѣлахъ настоящаго изслѣдованія. Есть еще одна группа явленій также психологическаго характера — явленія семасіологическія, къ которымъ мы и перейдемъ окончательно. Если мы и отвели много мѣста новообразованіямъ по аналогіи, то сдѣлали мы это по той причинѣ, что исторія новообразованій по аналогіи во многихъ пунктахъ сходна съ исторіей значенія словъ. Обращаясь спеціально къ семасіологіи, мы однако не будемъ останавливаться на сущности семасіологическихъ явленій: эта задача хорошо исполнена нашими предшественниками Паулемъ, Вегенеромъ, Бреалемъ, А. Дармстетеромъ и др. [1]) Ясно одно, что эти явленія чрезвычайно сложны и, съ перваго взгляда, чрезвычайно прихотливы. Прежде всего насъ иногда можетъ поражать та масса значеній, которую пріобрѣтаютъ отдѣльныя слова: напр. лат. *judicium* значитъ «судъ» въ смыслѣ судопроизводства, «судъ» какъ приговоръ судебнаго учрежденія, «судъ» въ смыслѣ совокупность судей, «судъ» какъ мѣсто отправленія судопроизводства; далѣе, слово это употребляется въ смыслѣ «сужденіе о чемъ», «способность судить о чемъ» и пр.—Затѣмъ удивительны на первый взглядъ несоотвѣтствія значеній первоначально одного и того же слова въ разныхъ языкахъ: напр. у французовъ *touche*

---

[1]) Hermann Paul Principien der Sprachgeschichte², 1886. Michel Bréal L'histoire des mots, 1887. Ph Wegener Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens, 1885. Arsène Darmesteter La vie des mots étudiée dans leurs significations ², 1893 Von der Gabelentz Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, 1891. F. Heerdegen Semasiologie (переработка Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft Рейзига, т. 2), 1890. Max Hecht Die griechische Bedeutungslehre, 1888. Friedrich Schroeder Zur griechischen Bedeutungslehre, 1893 (Gebweiler, progr.). Karl Schmidt Die Grunde des Bedeutungswandels, 1894 (Berlin, progr—ср. по поводу этой брошюры статью Неу'я въ 9-мъ томѣ Archiv f. latein. Lexicographie) и др.

значитъ не только «муха», но и «шпіонъ»: въ другихъ языкахъ слово *муха* этого второго значенія не имѣетъ.—Или: лат. *saeculum* (*sēculum*) значитъ «поколѣніе», «время дѣятельности этого поколѣнія», «вѣкъ», «сто лѣтъ» и пр., между тѣмъ какъ несомнѣнно родственное съ нимъ литовское *sėklà* значитъ «посѣвъ».

Эти примѣры взяты на удачу, и число ихъ могло бы быть увеличено во много разъ. Разберемъ однако тотъ матеріалъ, который мы привели.

Значеніе «шпіонъ» во французскомъ *mouche* объясняется тѣмъ, что съ *mouche* ассоціировалось (Volksetymologie!) сходное по звукамъ *mouchard* (отъ глаг. *moucher*) соб. «тотъ кто пронюхиваетъ, проныра». (Körting Lat. roman. Wörterb., № 5497). Въ другихъ языкахъ подобной ассоціаціи не было, и поэтому слово *муха* не получило въ нихъ такого вторичнаго значенія.

Если мы теперь внимательно разсмотримъ исторію латинскаго *saeculum* (*sēculum*), то мы увидимъ, почему его можно сопоставлять съ литовскимъ *sėklà* и какимъ путемъ оно получило свои значенія.

У всѣхъ народовъ очень распространено сопоставленіе явленій міра растительнаго съ явленіями міра животнаго: ср. русское *плодъ* въ двухъ значеніяхъ 1) плодъ дерева 2) зародышъ ребенка («вытравленіе плода» и т. п.), или напр. *сѣмя*; греч. καρπός въ выраженіи τοῖς καρποῖς τοῖς γιγνομένοις ἐκ τῶν ἀγελῶν (Xen. *Cyr.* 1, I, 2); или напр. выраженіе ἐπὶ παίδων γνησίων ἀρότῳ, или напр. σπέρμα, σπορά, σπείρω σπερμαίνω (γενεήν Hesiod. *Op.* 736) φύω (ср. ὁ φύσας «родитель») и т. п. Въ латинскомъ яз. извѣстно употребленіе *satus* (отъ *serere*) въ смыслѣ сынъ или *prōles* (изъ * *pro-oles*), *suboles* о потомствѣ, о дѣтяхъ (отъ корня * *ol*—ср. *ad-olesco*—«расти»), ср. еще *semen*, *seminium*, *propāges* въ примѣненіи не только къ растительному, но и къ животному міру и мн. др. [1]). Въ этой обстановкѣ намъ понятно, какимъ образомъ *sēculum*, собственно «посѣвъ, посѣянное», стало обозначать «потомство, поколѣніе». Интересно, что *seculum*, наряду съ *proles* и *genus*, употребляется у Лукреція какъ дополненіе къ глаголу

[1]) Въ связи съ этимъ можно понять сходное значеніе словъ *prōles*, *progenies*, *propages*, а также *ind-oles* и *ingenium*.

propagare, который собственно восходитъ къ растительному міру (propagare saecla I 20, II 173; p. animantum genus I 195; propagando procudere prolem V 856). Что касается значеній «вѣкъ» и т. п., то они, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ греч. γενεά,— произошли изъ значенія «поколѣніе» [1]). Ничего необычнаго эти значенія не представляютъ, такъ какъ отчасти они наблюдаются и у синонимическихъ съ *saeculum* словъ *genus* и *proles*: ср. для перваго примѣра у Georges'a Ausführl. lat.-deutsch. Handwörterbuch [7], p. 2707 II A a подъ рубрикой *ein Geschlecht, Zeitalter, Menschenalter* (anticum genus, *Lucr.*; tertium sollers genus, *Sen. poët.;* Pyrrhae genus, *Val. Flacc.*); для второго выраженія ferrea, argentea, aenea proles (ср. aureum saeculum). Остается только вопросъ объ утратѣ у *saeculum* его перваго значенія «посѣвъ, посѣянное»: эта утрата могла наступить путемъ дифференціаціи *saeculum* съ *semen, satio, sementis.*

Переходимъ къ *judicium.* Переносныя значенія «сужденіе о чемъ» и т. п. очень ясны и наблюдаются въ различныхъ языкахъ: ср. наше *судить и рядить*; *судить* о комъ, о чемъ; нѣм. *Urtheil*, собственно «судебное рѣшеніе», значитъ также «мнѣніе» и т. д. Что̀ касается различныхъ значеній *judicium* въ судебномъ юридическомъ языкѣ, то такую же совокупность значеній имѣетъ напр. *consilium* («совѣщаніе», «совѣтъ», «мѣсто совѣщанія» въ выраженіи in consilium venire. «совѣщающіеся»); тоже самое мы найдемъ и въ соотвѣтственныхъ русскихъ словахъ *судъ*, *совѣтъ*; ср. греч. βουλή, нѣм. *Rath* и др.

Уже этотъ бѣглый разборъ въ значительной степени прояснилъ тотъ хаосъ, въ которомъ могли представляться значенія данныхъ словъ. Въ связи съ французскимъ *mouche* выдвигается правило элементарное, но очень существенное — а именно: при изслѣдованіи исторіи значеній извѣстнаго слова въ различныхъ языкахъ надо каждый разъ откидывать тѣ спеціальныя условія каждаго отдѣльнаго языка, которыя благопріятствовали появленію въ словѣ новаго значенія; послѣ этой работы окажется, что семасіологическія измѣненія, которымъ это слово подверглось въ разныхъ языкахъ, приблизительно одинаковы. Далѣе, изъ разбора

[1]) Ср. Bréal et Bailly Dictionnaire étymologique latin., p. 231, 244, 317.

словъ *judicium* и *saeculum* ясно, что исторія значеній извѣстнаго слова будетъ для насъ только тогда понятной, когда мы будемъ изучать это слово въ связи съ другими словами, синонимическими съ нимъ, и, главное, принадлежащими къ одному и тому же кругу представленій. Мы видимъ изъ этого параллельнаго разсмотрѣнія группы словъ со сходными значеніями, что въ семасіологіи нѣтъ, такъ сказать, νόμοι ἐπ'ὀνόματι; наоборотъ, семасіологическій процессъ распространяется на цѣлыя категоріи словъ. Принципъ взаимной ассоціаціи словъ, выдвинутый особенно энергично французскими семасіологами и главнымъ образомъ Мишелемъ Бреалемъ (ср. его статью L'histoire des mots въ Revue des deux mondes за 1887 г. или, въ болѣе полномъ видѣ, въ Mémoires et documents scolaires; см. также только что цитированный этимологическій словарь латинскаго языка), взятъ за исходный пунктъ настоящаго изслѣдованія, и поэтому во введеніи мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ, при томъ такихъ, которыми мы не пользуемся въ изслѣдованіи. Возьмемъ напр. греческій военный языкъ: почти всѣ слова, обозначающія какое-нибудь оружіе, могутъ употребляться для обозначенія войска, носящаго это оружіе. Таково τα ὅπλα у Xenoph. *Anab.* II 2 § 4: ἕπεσθε τῷ ἡγουμένῳ τὰ μὲν ὑποζύγια ἔχοντες πρὸς τοῦ ποταμοῦ, τὰ δὲ ὅπλα ἔξω. Ibid. III 2 § 36: ἀσφαλέστερον πορεύεσθαι πλαίσιον ποιησαμένους τῶν ὅπλων. Ср. ἀσπίς въ выраженіяхъ ὀκτακισχιλίη ἀσπίς (Herod. V 30), μυρία ἀσπίς (Xenoph. *Anab.* I 7 § 30), πολλὴν ἀθροίσας ἀσπίδ' Ἀργείων ἄγει (Eurip. *Phoen.* 78). Πέλτη у Эврипида *Rhes.* 410: ἀρίστοις ἐμπεσὼν κατὰ στόμα ἔρρηξα πέλτην. Можетъ быть, δόρυ въ выраженіи συμμάχῳ δορί у Эсхила *Eum.* 773. Наконецъ, у Геродота VI 118 и у Плутарха *Pyrrh.* 21 ἀκόντισμα и τόξευμα употребляются въ смыслѣ ἀκοντισταί и τοξόται.

Въ особенности интересно приложеніе принципа взаимной ассоціаціи словъ сходныхъ по значенію къ морфологическимъ категоріямъ. Нѣсколько примѣровъ, которые мы сейчасъ приведемъ, покажутъ, что здѣсь принципъ ассоціаціи самъ собою навязывается.

Возьмемъ категорію nominum actionis на *-ti-s*, *-tu-s*, *ti-ō* въ лат. языкѣ. Основное значеніе именъ, принадлежащихъ къ этой категоріи,—процессъ дѣйствія. Но часть изъ нихъ можетъ обозначать также результатъ дѣйствія, часть орудіе дѣйствія, часть

мѣсто дѣйствія. Какъ распредѣляются такого рода оттѣнки? Это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій: *vestitus* значитъ не только процессъ одѣванія, но и одежда (nom. instrum.); такія же значенія раздѣляютъ съ нимъ *amictus*, *ornatus* и *indutus*, причемъ послѣднее можно разсматривать не только какъ nomen instrumenti (въ виду конструкціи indui aliqua re), но и какъ nomen acti (въ виду конструкціи induere aliquid). *Aratio* значитъ не только паханіе, но пашня (nomen acti): ср. *satio* и *messis*. Или, напр., мы наблюдаемъ пассивное значеніе у nomina actionis, произведенныхъ отъ глаголовъ «говорить, думать, видѣть, слышать»: *visio* (такъ Цицеронъ переводитъ φάντασμα), *visus* (ср. visus nocturni у Ливія, inopino territa visu у Овидія *Met.* IV 232), *auditio* (fictae auditiones у Cic. *Planc.* 23, 56; rumoribus atque auditionibus permotus у Caes. *b. G.* IV 5), *auditus* (prior auditus у Tacit. *h.* I 76); *cogitatio* (уже у Цицерона, напр. reticere cogitationes suas); *cantio* — ср. уменьшительное *cantiuncula* «пѣсенка», *narratio* — ср. *narratiuncula*, *dictio* (объ изреченіи оракула, еще у Пакувія); сюда же принадлежатъ — можетъ быть, *editio* (сообщеніе источника—у Ливія IV 23) и *traditio* въ смыслѣ «преданіе», «разсказъ» (у Геллія XIII 22, 14: eam quoque traditionem fuisse). Въ послѣднихъ двухъ словахъ пассивное значеніе развилось подъ вліяніемъ такихъ словъ какъ *dictio*: дѣло въ томъ, что сами глаголы *edere* и *tradere* въ классическомъ языкѣ уже приняли, между прочимъ значеніе «сообщать»; напр. quibus editum erat у Ливія XXI 62 (объ отвѣтѣ оракула) и пр. и пр. [1]).

Итакъ, мы видимъ, что семасіологическія явленія поддаются классификаціи и объясненію. Этого мало. Наблюденія показываютъ, что одинаковыя, довольно оригинальныя, значенія въ цѣломъ рядѣ языковъ, независимо другъ отъ друга, вырабатываются однимъ и тѣмъ же путемъ. Напримѣръ, многія конкретно-индивидуальныя имена, отчасти nomina agentis, произошли изъ именъ, обозначающихъ свойство предметовъ, или изъ nomina actionis— черезъ посредство собирательнаго значенія, развившагося въ этихъ послѣднихъ. Такъ, лат. *magistratus*, *imperium*, *po-*

[1]) О переходѣ nominum actionis въ nomina loci я говорю ниже, въ концѣ I-й и въ концѣ III-й главъ.

testas, собственно «отправленіе должности, власть», могли употребляться для обозначенія одного лица, облеченнаго властью: напр., a magistratu aut ab aliqua potestate evocatus (Cic.); erat plena lictorum et imperiorum provincia (Caes.); divum hominumque potestas (Вергилій о Юпитерѣ — ср. итал. *podestà*); промежуточнымъ значеніемъ являлось собирательное, которое, можетъ быть, только случайно засвидѣтельствовано въ языкѣ сравнительно поздно: in conspectu summi imperii говорится о совокупности властей у Валерія Максима IX 12 ext. 1; въ томъ же смыслѣ употреблено *magistratus* у Непота *Them.* 7 § 4, *Lys.* 4 § 3 и, кажется, *potestas* у Амміана (см. словарь Georges'a). Греч. ὁμηλικίη «одинаковый возрастъ» употребляется въ собирательномъ значеніи, напр. Iliad. III 175: θάλαμον γνωτούς τε λιποῦσα παῖδά τε τηλυγέτην καὶ ὁμηλικίην ἐρατεινήν,—и отсюда для обозначенія отдѣльнаго лица—ὁμηλικίη δέ μοι ἐσσί (Odyss. XXII 209). Συγγένεια, собственно «принадлежность къ одному и тому же роду», затѣмъ «совокупность συγγενεῖς» (Eur. *Or.* 733: τί πράσσεις φίλταθ' ἡλίκων ἐμοὶ καὶ φίλων καὶ συγγενείας), отсюда — въ смыслѣ συγγενής: ὦ συγγένεια πατρὸς ἐμοῦ, κἀμὰς λιτάς, Ἀγάμεμνον, εἰσάκουσον (ibid. 1233). Латинское *custodia* «охрана», затѣмъ «совокупность стражей», употреблено Овидіемъ *Met.* VIII 674 объ одномъ стражѣ: unicus anser erat, minimae custodia villae. Средневерхне-нѣмецкое *dienest* обозначало «служба» (dienst), «слу́ги» (gesinde), «слуга». Русское *прислуга*, первоначально, вѣроятно, nomen actionis (ср. *заслуга*, *у-слуга*), употребляется не только въ собирательномъ, но и въ индивидуальномъ значеніи. Черезъ такія же стадіи прошло, можетъ быть, и *слуга* (ср. А.И. Соболевскій Фил. Обозр. III, 2, 159). Англійское *youth* значитъ «юность», «юношество» (собир.), «юноша» (по происхожденію—это такое же слово, какъ гот. *junda*, нѣм. *jugend*, лат. *juventa*): ср. старо-слав. **юнота** (соб. «юность»), которое употреблялось какъ въ собирательномъ значеніи, такъ и объ отдѣльномъ лицѣ. Русское и чешское *сирота* первоначально значило «сиротство» (это значеніе еще сохранилось въ чешскомъ языкѣ); промежуточная ступень—собирательное значеніе—сохранилось въ литовскомъ заимствованіи изъ славянскаго—*siratà* и т. п. (Johannes Schmidt Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, pp. 24—26).

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи будутъ подвергнуты анализу и другіе примѣры, подтверждающіе эту мысль: такъ будетъ показано, что значеніе «рѣчь» въ гр. *ἀγορά* лат. *contio* и т. п. выработалось однимъ и тѣмъ же путемъ, черезъ посредство политическаго языка. Еще примѣръ: русское *столъ*, нѣм. *Tisch* и мн. др., при основномъ значеніи «предметъ обѣденной утвари», въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ употребляются на правахъ nominum actionis («процессъ ѣды»): переходной ступенью къ этому употребленію во всѣхъ данныхъ языкахъ является одна и та же метонимія — «столъ, какъ то, что̀ на немъ стоитъ» и т. д. Третій примѣръ: слова, обозначающія «путь, дорогу, пространство, по которому происходитъ движеніе», могутъ въ разныхъ языкахъ принимать значеніе «движеніе по пути, по пространству»: это новое значеніе всюду вырабатывается однимъ и тѣмъ же путемъ, изъ однихъ и тѣхъ же неясныхъ синтактическихъ сочетаній и т. д. и т. д.

Наконецъ, на цѣломъ рядѣ примѣровъ можно показать, какъ въ различныхъ языкахъ извѣстныя слова либо получаютъ одно и то же новое значеніе, либо теряютъ одно изъ значеній—въ томъ случаѣ, если для того и другого факта въ данныхъ языкахъ были на лицо одинаковые поводы. Примѣры эти будутъ взяты изъ исторіи культуры. Успѣхи цивилизаціи вводятъ въ сознаніе народа новыя понятія, новыя представленія. Эти новыя пріобрѣтенія народъ очень часто обозначаетъ въ языкѣ новыми словами, или, въ случаѣ если представленія эти пришли со стороны, словами, заимствованными изъ другого языка. Но въ большинствѣ случаевъ народъ не увеличиваетъ своего лексикона и, несмотря на измѣненія, которымъ подверглись извѣстные предметы и понятія, продолжаетъ обозначать ихъ прежними терминами. Понятное дѣло, что новое содержаніе представленій, связанныхъ съ подобнымъ терминомъ, будетъ существенно разниться отъ стараго. При этомъ весьма интересно, что соотвѣтствующія слова разныхъ языковъ подвергаются сходнымъ семасіологическимъ измѣненіямъ, если культурно-историческія измѣненія въ жизни нѣсколькихъ народовъ были сходны.

1. Возьмемъ слова *алтынъ*, *грошъ* и т. п. Каждое, въ особенности серьезное, колебаніе денежнаго курса непремѣнно отзовется

на содержаніи представленій, связанныхъ съ этими словами. Въ настоящее время словомъ *грошъ* мы нерѣдко обозначаемъ нѣчто совершенно ничтожное; или, напр., *алтынникомъ* мы называемъ человѣка, стремящагося къ мелкой прибыли или наживѣ. А между тѣмъ, напр., во времена царя Алексѣя Михайловича (Уложеніе, гл. 24) поросенокъ однолѣтній или баранъ стоили по пяти алтынъ, а за двадцать алтынъ можно было купить годового теленка или свинью или кормленаго борова. Сходную исторію имѣло латинское *as*. Будучи первоначально фунтомъ мѣди, *as* въ древнія времена разсматривался за солидную денежную единицу, и, напр., 25 ассовъ были, по закону 12 таблицъ, серьезнымъ денежнымъ штрафомъ. Но въ концѣ республиканскаго періода, послѣ различныхъ реформъ въ монетномъ дѣлѣ, словомъ *as* обозначалась самая ничтожная цѣнность: rumoresque senum severiorum omnes unius aestimemus assis, говоритъ Катуллъ и др. Ср. также франц. *sou*.

2. Извѣстно далѣе, что переходъ отъ вѣсовой системы къ денежной оставилъ сходные слѣды въ различныхъ языкахъ, особенно въ греческомъ и латинскомъ. Прежнія единицы вѣса съ этого момента становятся вмѣстѣ съ тѣмъ и денежными единицами; таковы лат. *libra*, *as*, греч. τάλαντον, δραχμή, ὀβελός, στατήρ.

3. Въ первобытныя времена человѣчества на чужестранцевъ [1]) смотрѣли какъ на враговъ, и ξενηλασία или ἀξενία свойственны всѣмъ варварамъ, какъ замѣтилъ еще Эратосоенъ. Съ теченіемъ времени этотъ обычай, можетъ быть по торговымъ соображеніямъ—у различныхъ народовъ начинаетъ уступать мѣсто гостепріимству, которое почти всюду выражается въ сходныхъ формахъ, а именно въ установленіи культа божествъ—покровителей иностранцевъ (напр. Ζεὺς ξένιος и т. д.), въ подаркахъ, которыми обмѣниваются гость и пріютившій его хозяинъ и т. д. Этотъ культурный переворотъ привелъ къ тому, что въ языкѣ данныхъ народовъ термины, обозначавшіе «иностранца», въ древнюю эпоху даже «оскорбителя», стали обозначать гостя, посѣщеніе котораго можетъ быть пріятнымъ для хозяина. Таковы

---

[1]) Примѣры для этого и нижеслѣдующихъ пунктовъ заимствованы главнымъ образомъ у Шрадера (Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, pp. 1—12, 113—117, 35—38).

наше *гостъ*, обще-нѣм. *gasts*, греч. ξένος; въ латинскомъ *hostis* это значеніе не выработалось, но ср. *hospes*, *hospitium*. А между тѣмъ эти слова связаны по корню съ д. и. *ghas-* или *kšan-* (гр. слово изъ * ξενFος — ср. іон. ξεῖνος, эол. ξέννος, дор. ξῆνος) «оскорблять, убивать». Тотъ же семасіологическій процессъ мы находимъ и въ древне-ирландскихъ словахъ *oegi* «гость», *ôegedaht* «гостепріимство», словахъ, которыя по корню обозначали «врага», «вражду» и проч. [1]) Этотъ примѣръ, какъ и предъидущіе, ясно показываетъ, какъ одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ.

4. До введенія металлической денежной системы единицей цѣнности у многихъ народовъ служатъ домашнія животныя. Понятія «деньги, собственность» и «скотъ» въ это время являются синонимами: ср. греч. κτῆνος при κτῆμα, κτάομαι, ст. сл. **скотьница** при *скотъ* (то же въ герм. яз.), лат. *pecunia*, гот. *faihu* «деньги» при н.-нѣм. *vieh* «скотъ». По отношенію къ слову * *реки* можно допустить, что оно имѣло оба эти значенія уже въ индоевропейскую эпоху и что, такимъ образомъ, язз. лат. и германскіе не вновь выработали въ этомъ словѣ значеніе «деньги»; но значеніе это, какъ новое, надо подчеркнуть въ κτῆνος и *скотъ* [2]).

5 Изъ той же торговой сферы мы возьмемъ обозначенія понятій «ярмарка», «рынокъ». У весьма многихъ народовъ былъ обычай пріурочивать ярмарки къ празднествамъ и праздничнымъ днямъ. Со словами «празднество», «праздничный день» поэтому соединялось и представленіе о торгѣ. Это привело къ тому, что слово «праздникъ» въ данныхъ языкахъ получило значеніе «ярмарка».

Такова судьба лат. *feriae* въ средне-лат., романскихъ (ит. *fiera*, исп. *feria*, порт., пров. *feira*, фр. *foire*), англійск. (*fair*) и въ нѣкоторыхъ кельтійскихъ діалектахъ. Въ класс. лат. языкѣ такую же

---

[1]) *Fick-Stokes* Vgl. Wörterb. der indogerm. Spr. II p. 47 подъ ⟨*p*⟩*oiko-s* Feind: ⟨*p*⟩*oikit*-Gast: „ir. *oech* Corm.: *oegi*, Gen. *oeged* Gast. ahd. *gi-fêh*, ags. *fâh* feindlich, *gefá* Feind, engl. *foe*, ahd. *fêhida*=ags. *faehđ* Feindschaft, Fehde.—lit. *pìktas* böse, *pýkti* böse werden, *peikti* tadeln".

[2]) Вообще, переходъ отъ одного изъ этихъ понятій къ другому настолько легокъ, что исходнымъ пунктомъ можетъ служить какъ понятіе „скотъ", такъ и понятіе „собственность": ср. для послѣдняго — польское *bydlo* „имущество" (первоначальное зн.), „скотъ", старо-слав. **добытъкъ** то же.

судьбу имѣло *nundinus* съ его производными. *Nundinus* собственно значитъ «девятидневный», и *nundinae* первоначально считались за *dies nefasti* и *feriae* (7 рабочихъ дней помѣщались между двумя nundinae). Такъ какъ въ этотъ день деревенскіе жители съѣзжались въ Римъ для торговли, [Fest. Thewr de Ponor 180: nundinas feriarum diem esse voluerunt antiqui, ut rustici convenirent mercandi vendendique causa, eumque nefastum, ne liceret cum populo agi, interpellarentur nundinatores], то *nundinae* могло значить «торгъ»: ср. Cic. *Phil.* 5, 4, 11 (totius rei publicae) Id. ib. 2, 36, 92 (domesticae), ib. 2, 14, 35. *Nundinō* и *nundinor* «заниматься торговлей, продавать»: rustici nundinandi causa in urbem veniebant (Macrob. *Sat.* I 16); jus ab aliquo (Cic. *Acc.* I 46, 119), imperium (Id. *Phil.* 3, 4, 10), nundinari praemiarique и пр. Ср. далѣе нѣмецкое *Messe* ярмарка (изъ *missa* «обѣдня, праздникъ»); баварское *Dult* «ярмарка» при средне-нѣм. *tult* «Jahrmarkt, kirchliches Fest, Kirchweih», гот. *dulds*, д. вр. нѣм. *tuld* «праздникъ».

Совершенно такое же явленіе представляютъ ирл. *óenach* «праздничное собраніе, торгъ» и *nassad* «праздникъ, собраніе, ярмарка».

Итакъ, мы видимъ, что, по культурно-историческимъ причинамъ, понятіе «ярмарка, торгъ» могло выражаться словомъ, обозначавшимъ «*время* торга».

Другой рядъ терминовъ «торгъ» заимствованъ отъ обозначеній *мѣста* торга. Въ высшей степени интересно то, что торгъ у многихъ древнихъ народовъ происходилъ на тѣхъ же открытыхъ мѣстахъ или площадяхъ, на которыхъ совершались важнѣйшія отправленія общественной жизни—засѣданія вѣча, судъ и пр. Поэтому для обозначенія «торга» употреблялись слова, обозначавшія вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто народныхъ собраній, суда и т. д. Таковы: гр. ἀγορά, лат. *forum*, гот. *maðl* (Marc. VII 4 употреблено для перевода греч. ἀγορά въ смыслѣ «рынокъ»—но въ другихъ германскихъ языкахъ сохранилось старое значеніе «народное собраніе»); д.-нѣм. *hring* (по корню родственно съ ст. сл. **кржгъ**), нов. н. *ring*, также имѣло оба эти значенія [1]). Тоже, можетъ быть,

[1]) *Grimm* Worterb. VIII, 991—993 (новое изданіе Морица Гейне 1893): „der von Personen gebildete Kreis, sowie der von diesen eingeschlossene Raum; ein *Ring* wurde in alter Zeit gebildet bei öffentlichen Rechtsgeschäften wie Verlobung, Trauung,

надо сказать и о русскомъ *торгъ*: судя по оборотамъ «*торговая казнь*», *торжественный*, т. е. публичный и т. п., слово это въ древнемъ языкѣ могло обозначать не только рынокъ, но и публичное мѣсто.—Такъ было въ древности. Въ новое время оба учрежденія разъединены, и одно изъ нихъ функціонируетъ не на площади, а въ зданіи; сообразно съ этимъ, и наши термины утратили одно изъ значеній: такъ *ring* можетъ употребляться только о рынкѣ (преимущ. въ Силезіи) и лишь случайно уцѣлѣло для обозначенія мѣста народнаго собранія въ Швейцаріи (въ одномъ уже не новомъ текстѣ *ring* противополагается *rathhaus*—см. *Grimm* l. c.) *Торгъ* употребляется только о рынкѣ, *forum* въ романскихъ яз. сохранилось лишь въ значеніи «судъ, судопроизводство», а въ значеніи «рынокъ» вытѣснено словомъ *mercatus* (фр. *marché*, итал. *mercato* и пр.) и т. д.

Сопоставляя все выше сказанное, мы видимъ, что какъ новообразованія по аналогіи, такъ и семасіологическія явленія представляютъ много сходства другъ съ другомъ: и тѣ и другія поддаются классификаціи; подобно тому какъ сходныя формы объединяются въ одну категорію и затѣмъ имѣютъ одинаковую морфологическую судьбу, такъ и слова со сходнымъ значеніемъ проходятъ сходную семасіологическую исторію. Два или болѣе языка получаютъ одинаковое морфологическое новообразованіе при наличности одинаковыхъ поводовъ къ нему; при томъ же условіи возникаютъ и одинаковыя семасіологическія новообразованія въ различныхъ языкахъ.

Такова наша точка зрѣнія, которая проходитъ черезъ все это изслѣдованіе. Въ общемъ оно распадается на слѣдующія части. Въ первой главѣ подвергается подробному обсужденію вопросъ о взаимной ассоціаціи словъ, сходныхъ или противоположныхъ по значенію; въ виду важности этого принципа, для его подтвержденія приводятся какъ прямые, такъ и косвенные аргументы: къ

Zweikampf, bei öffentlicher Gerichtsverhandlung, Hinrichtung, gemeinsamer ernster Berathung. In den Landknechtsheeren des 16. Jahrh. ist der *Ring* noch ganz in dieser alten Bedeutung gewahrt... In der Schweiz wird die Mitte, der kreisformige Platz einer Landgemeinde, wo der Magistrat sitzt, *Ring* genannt... Der Marktplatz in schlesischen, böhmischen, auch deutsch-ungarischen Städten wird *Ring* genannt (slav. *rynek*).

числу послѣднихъ принадлежатъ указанія фонетики, морфологіи и синтаксиса. При переходѣ къ прямымъ аргументамъ разобрана та формулировка принципа ассоціаціи, которая дана у Дармстетера и у Шредера; этотъ разборъ вызвалъ необходимость въ методологическихъ поправкахъ. Въ силу важнѣйшей изъ этихъ поправокъ, въ качествѣ примѣровъ приводятся не отдѣльныя слова, сходныя или противоположныя по основному значенію, но группы словъ, принадлежащихъ одной и той же сферѣ представленій:

1. Слова *собираться* и *собраніе* и ихъ судьба въ политическомъ языкѣ.

2. Слово *языкъ* въ различныхъ языкахъ.

3. Глаголы и имена *мѣры* и *вѣса.*

4. Слова, принадлежащія къ языку игръ и зрѣлищъ. Слова *путь, дороги* въ различныхъ языкахъ.

5. Слова, принадлежащія къ языку обѣдовъ, пировъ и т. д.

Во второй половинѣ изслѣдованія принципъ ассоціаціи словъ, сходныхъ или прямо противоположныхъ по значенію, прилагается къ морфологическимъ категоріямъ. Эта вторая половина работы дѣлится на двѣ главы. Во второй главѣ разсматриваются: 1) латинскія существительныя на *tā*— (типа *iuventa*), *tāt*—, *tūt*— параллельно съ нѣмецкими существительными на — *schaft* и пр.; 2) participia praes. act. и nomina agentis; 3) nomina agentis въ ихъ отношеніи къ nomina instrumenti.

Третья глава посвящена nomina instrumenti и ихъ переходу 1) въ nomina acti, 2) въ nomina actionis, 3) въ nomina loci; въ связи съ послѣднимъ пунктомъ подвергаются анализу первоначальныя nomina actionis, переходящія въ nomina loci. — Дѣленіе второй половины изслѣдованія на двѣ главы обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что не во всѣхъ случаяхъ можно было ограничиться принципомъ ассоціаціи сходныхъ или противоположныхъ по значенію словъ; именно, при изслѣдованіи исторіи nominum instrumenti пришлось выдвинуть и другіе семасіологическіе факторы, напр. синтактическія сочетанія и ихъ вліяніе на измѣненіе значенія словъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ассоціація словъ, сходныхъ или прямо противоположныхъ по значеченію. Вліяніе однихъ изъ этихъ словъ на другія.

Согласно съ планомъ, намѣченнымъ во введеніи, мы займемся въ настоящей главѣ тезисомъ, который можетъ быть формулированъ въ слѣдующей формѣ: слова и ихъ значенія живутъ не отдѣльной другъ отъ друга жизнью, но соединяются въ нашей душѣ, независимо отъ нашего сознанія, въ различныя группы, причемъ основаніемъ для группировки служитъ сходство или прямая противоположность по основному значенію. Понятно уже a priori, что такія слова имѣютъ сходныя или параллельныя семасіологическія измѣненія и въ своей исторіи вліяютъ одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются въ сходныхъ синтактическихъ сочетаніяхъ. Какъ ни простъ такой тезисъ, но онъ можетъ вызвать нѣкоторыя затрудненія. Такъ напр., хотя извѣстное слово можетъ имѣть очень много значеній, но въ отдѣльной фразѣ и говорящій и его слушатель приписываютъ ему *одно* опредѣленное значеніе, не думая при этомъ не только о синонимическихъ словахъ, но и о другихъ значеніяхъ даннаго слова. Напр., «если мы хотимъ выразить мысль, что *tel élève est à la tête de sa classe*, то слова *tête* и *classe* явятся къ услугамъ нашей мысли непосредственно въ томъ спеціальномъ значеніи, въ которомъ мы ихъ здѣсь употребимъ» (A. Darmesteter La vie des mots, p. 38). Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть по этому поводу, надо строго отличать понятіе жизни словъ отъ понятія ихъ употребленія. Извѣстныя слова и ихъ значенія могутъ жить вмѣстѣ, но употребляться отдѣльно другъ отъ друга. Къ такому же различію обоихъ понятій насъ обязываютъ, напр., и факты морфологіи. Когда мы употребляемъ въ одной, опредѣленной фразѣ

дательные падежи *слову*, *дѣлу*, то мы, разумѣется, для этого единичнаго употребленія выдѣляемъ эти формы изъ тѣхъ морфологическихъ категорій, къ которымъ онѣ принадлежатъ; ни о другихъ словахъ этихъ категорій, ни о другихъ падежныхъ формахъ этихъ словъ мы при этомъ не думаемъ. Но что слова, принадлежащія къ той или другой морфологической категоріи, *вообще*, независимо отъ единичнаго употребленія, живутъ вмѣстѣ другъ съ другомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мало того, въ данномъ случаѣ обѣ категоріи, первоначально различныя (основы на *o-*, какъ *дѣло*, и основы на *-os es-*, какъ *слово*, ср. κλέϜος), въ ново-славянскихъ языкахъ объединились и образуютъ одну категорію и т. д. Но есть и болѣе серьезныя затрудненія, которыя будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ подтвердить теорію ассоціаціи словъ, сходныхъ или прямо противоположныхъ по значенію, не только прямыми, но и косвенными доказательствами. Начнемъ съ послѣднихъ.

Прежде всего, очень интересныя указанія мы получаемъ изъ нѣкоторыхъ фактовъ фонетики и морфологіи. Именно, слова, сходныя или прямо противоположныя по значенію, могутъ имѣть свои собственныя формальныя особенности; далѣе, одно изъ нихъ можетъ даже передать нѣкоторые изъ своихъ звуковъ другому; наконецъ, если слово, принадлежавшее къ извѣстной семасіологической категоріи, почему либо выходитъ изъ нея, то оно можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ утратить и формальныя особенности этой категоріи. Въ виду принципіальной важности этихъ явленій для семасіологіи, мы посвятимъ имъ особый, можетъ быть, нѣсколько длинный экскурсъ.

Такъ напр., почти во всѣхъ романскихъ языкахъ *grăvis* замѣнялось **grĕv-is* по аналогіи съ *lĕvis*: ит. *greve*, фр. *grief*, прованс. *greus* и пр.; или, напр., по аналогіи ит. *destro*, исп. *diestro* явились ит. *senestro* (съ открытымъ *e* передъ *s*), исп. *siniestro* и др. [1]). Подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно

---

[1]) Körting Lat.-roman Wörterb. 3761 и 7489. Meyer-Lubke Roman. Gramm. I p. 118 и 230; другіе примѣры этого рода можно найти у него же по Sachverzeichniss къ обоимъ томамъ (подъ рубрикой Angleichung gegensätzlicher Begriffe).

изъ разнообразныхъ индоевропейскихъ языковъ, но для насъ еще интереснѣе—группы словъ, къ которымъ мы и переходимъ.

1. *Имена родства* и *nomina agentis*. И тѣ и другія имѣютъ общій суффиксъ *tor- ter* и т. д. Какъ извѣстно, въ этомъ суффиксѣ различались три вида: сильный *-tōr- -tēr*, средній *-tor- ter-* и слабый *-tr- tr̥*. Но самое чередованіе видовъ суффикса и распредѣленіе ихъ по падежамъ у именъ родства въ отдѣльныхъ языкахъ иное, чѣмъ у nomina agentis: ср. напр., склоненіе греч. πατηρ и δοτήρ; или лат. *pater*, *mater*, *frater* съ *dator* и др: въ то время какъ первыя провели въ склоненіи слабѣйшую форму основы *-patr-*, послѣднія, сохранивъ изъ двухъ видовъ суффикса *-tōr* и *-tēr* только *-tōr*, склоняются съ сильнѣйшимъ видомъ *-tōr-* [1]). Интересно при этомъ, что гр. φράτηρ «членъ фратріи», отдѣлившись по значенію отъ πατήρ, μήτηρ, получило новое склоненіе: dat. φράτερσι.

Или возьмемъ *несреднія имена съ основой на en* въ латинскомъ языкѣ. Въ проведеніи по падежамъ видовъ основы здѣсь прямо обнаружилась семасіологическая группировка этихъ именъ. Nomina agentis (*edō*), nomina actionis (*ratiō*) и деноминативныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя также приняли значеніе nominum agentis (*fabulō*, *pērō*, *Rūfō*), провели сильный видъ основы: *edōnis* и пр.; остальныя, какъ *virgō*, *compāgō*, *margō*, *grandō*— средній *-in-* (**-en-*): *virgĭnis* и пр.; а слово *carō*, стоящее внѣ обѣихъ категорій, склоняется съ слабѣйшимъ видомъ: *carnis* и т. д.

Интересна исторія *homō*: по своему происхожденію это—деноминативное имя, какъ *pontō*, (ср. гот. *gum-a*, др. лит *žm-ů* «человѣкъ», собственно «земной»), образованное отъ того слова, которое въ др. инд. языкѣ является въ видѣ *kšam-*, греч. χθών, лат. *hum-u-s* (Brugmann II p. 325). Въ древне-латинскомъ языкѣ оно склонялось, какъ *pontō*: ср. *homōnem hemōnem*; но какъ только перестало сознаваться его первоначальное значеніе, оно перешло отъ *ōn-* къ *-ĭn-* (Brugmann ibid. p. 331—ср. гр. φράτηρ).

---

[1]) Это объединеніе-суффикса *-tōr-* состоялось въ очень древнюю, м. б. еще общеиталійскую эпоху: напр. слово *auctōritas* (уже въ XII tab.) могло образоваться лишь тогда, когда соотвѣтствующее ему *auctor* уже имѣло косвенные падежи въ родѣ *auctōris* (точнѣе *auctōrĕs*) и пр. Повидимому, точно также склоняются nomina agentis и въ другихъ италійскихъ языкахъ.

2. *Имена родства въ ихъ отнотеніи другъ къ другу и къ другимъ именамъ.* Еще въ индо-иранскую эпоху основа *napāt- napt-* (ср. лат. *nepōt-*, *nepti-s*) получила нѣкоторыя формы по аналогіи другихъ именъ родства, какъ *pitar- mātar svasar*: ср. асс. д. инд. *náptāram*, авест. *naptārem* при *napātem*, dat. abl. pl. др. инд. *náptr̥bhyas* при *ná(b)dbhyas*. Также объясняется др.-инд. genit. *pátyur* «мужа», *ǧányur* «жены» (ср. *pitúr*, *mātur*); характерно при этомъ, что какъ только слово *patis* значитъ «господинъ», а не «супругъ», то оно склоняется правильно: gen. *pates* (Wackernagel Kuhn's Zeitschrift XXV 289).

Не менѣе интересна исторія именъ родства въ *готскомъ* языкѣ. Одно изъ этихъ именъ, засвидѣтельствованное во всѣхъ падежахъ, именно *broϑar* «братъ», во множественномъ числѣ склоняется въ трехъ падежахъ по образцу именъ съ основой на *-u-*: nom. *broϑrjus*, acc. *broϑruns*, dat. *broϑrum*, ср. *sunjus sununs sunum* (осн. *sunu-* «сынъ»). Этотъ переходъ въ другое склоненіе можно понять, исходя изъ винит. пад. *broϑruns* изъ **bhrātrᵃ̯n̥s* *). Значитъ, во множ. числѣ, въ склоненіи основъ *broϑr-* и *sunu-* фонетически совпали формы винительнаго падежа, что̀ и было причиной смѣшенія остальныхъ формъ. При этомъ, однако, характерно, что сохраненіе старой формы согласнаго склоненія и переходъ въ парадигму основъ на *-u-* наблюдается только въ именахъ родства (ср. dat. pl. *dauhtrum* отъ *dauhtar* «дочь», nom pl. *svistrjus*, acc. *svistruns* отъ *svistar* «сестра»): въ другихъ же согласныхъ основахъ ничего подобнаго нѣтъ. Итакъ, здѣсь можно допустить семасіологическую аналогію со стороны *sunu-s*; вмѣстѣ съ тѣмъ, на этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ извѣстныя окончанія и вообще морфологическіе признаки становятся принадлежностью одной опредѣленной семасіологической [1]) группы.

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія интересно распространеніе окончанія *-rnus* въ латинскихъ прилагательныхъ, обозначавшихъ время. Выдѣлившись изъ *veternus* и др., оно присоединилось къ *noctū* и образовало прилагательное *nocturnus*; ср. также *hodiernus* при *hodie*; по аналогіи *nocturnus* образовалось далѣе *diurnus* (*diū*: *noctū*) и *somnurnus* Varro *sat. Men.* 427 (здѣсь играла роль очевидная ассоціація представленій „сна“ и „ночи“: ср. д. инд. *svapnayā* по аналогіи *naktayā́*); далѣе, къ *diurnus* примыкаетъ позднѣйшее *mensurnus* (Solmsen Studien zur latein. Lautgesch. p. 100 и Ioh. Schmidt Pluralbild. der indogerm. Neutra p. 207 и 212).

3. *Nomina agentis и причастія.* Причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога могутъ субстантивироваться и переходить въ разрядъ nomina agentis. Какъ ни близки по значенію обѣ эти сферы, но переходъ изъ одной въ другую всегда сопровождается новымъ семасіологическимъ оттѣнкомъ (ср. лат. vir amans patriam и amans patriae). И вотъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ это семіологическое измѣненіе первоначальныхъ причастій связывается съ измѣненіями морфологическими. Такъ, въ германскихъ языкахъ субстантивированныя причастія сохранили слѣды стараго согласнаго склоненія, между тѣмъ какъ собственныя причастія въ однихъ изъ діалектовъ (между прочимъ, въ готскомъ) распространяются черезъ *-en-*, а въ другихъ (именно въ западногерманскихъ) черезъ *-io-* (Sütterlin Geschichte der Nomina agentis im Germanischen, p. 25).

Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для подтвержденія нашей мысли. Если слова, принадлежащія къ извѣстной семасіологической категоріи, способны пріобрѣтать—всѣ вмѣстѣ—свои особыя формальныя черты, если, далѣе, они могутъ даже передавать одно другому свои звуковыя и формальныя особенности, то для насъ вполнѣ ясно, что слова эти въ нашей душѣ дѣйствительно ассоціируются другъ съ другомъ.

Но есть и еще очень важное побочное доказательство—именно исторія падежей въ ихъ зависимости отъ глаголовъ. Въ любомъ языкѣ намъ приходится чрезвычайно часто встрѣчаться съ перемѣной конструкціи при одномъ и томъ же глаголѣ. Это зависитъ отъ того, что данный глаголъ въ позднюю эпоху языка можетъ ассоціироваться по значенію съ иными глаголами, чѣмъ въ эпоху древнюю; понятно, что благодаря этой новой ассоціаціи глаголъ можетъ потерять свою прежнюю конструкцію и пріобрѣсти конструкцію, которую имѣютъ его новые сосѣди; кстати сказать, при подобнаго рода перемѣнѣ конструкціи весьма часто наблюдается и пріобрѣтеніе новаго оттѣнка въ значеніи самаго глагола; въ виду этого изученіе даннаго синтактическаго явленія въ разныхъ языкахъ въ высшей степени интересно для семасіолога: въ этой области какъ нельзя болѣе ясны тѣ послѣдствія, къ которымъ приводитъ ассоціація словъ сходныхъ по значенію. Приведу нѣсколько первыхъ попавшихся примѣровъ.

Изъ нѣмецкаго языка мы заимствовали глаголъ *симпатизировать*; въ моментъ заимствованія и нѣкоторое время спустя русскіе писатели сохраняли нѣмецкую конструкцію этого глагола,—а именно «симпатизировать *съ* кѣмъ».—Мало по малу глаголъ этотъ привился какъ къ литературному письменному языку, такъ и къ разговорному языку образованнаго общества и ассоціировался съ русскимъ глаголомъ «сочувствовать»—отсюда его новая конструкція «симпатизировать *кому*».

Интересна исторія греческаго глагола δαίνυμι δαίνυμαι. По своему корню этотъ глаголъ находится въ родствѣ съ др.-инд. *dáyate* «онъ дѣлитъ», *dātram* (серпъ, раздѣленіе), *dātu* «часть», ст. слав. дѣлъ «часть» (ср. *удѣлъ*, *надѣлъ*), ср. еще д. инд. *dāti*, *dyati* «онъ отсѣкаетъ». Итакъ, первоначальное значеніе глагола—«отсѣкать», затѣмъ «дѣлить». Слѣды такого значенія сохранились не столько въ δαίνυμι, сколько въ δαίω, δαίομαι (напр., κρέα Od. 15, 140) и въ производныхъ δαιτρεύω (о мясѣ, напр. Od. 14, 433, а затѣмъ о такихъ предметахъ, которые при дѣлежѣ не разсѣкались: Il. 11, 688), δαιτρός «тотъ, кто дѣлитъ мясо между участниками обѣда» (напр. Od. 17, 331).

Въ общемъ надо замѣтить, что глаголъ δαίνυμι и производныя отъ него имена начинаютъ въ гомеровскомъ языкѣ терять образное значеніе «разсѣкать» и пріобрѣтаютъ болѣе блѣдное значеніе «дѣлить», ср. особ. δαιτρόν о порціи вина (δαιτρὸν πίνειν, Iliad. 4, 262). Но и это значеніе мало по малу исчезаетъ, въ виду того, что глаголъ этотъ и производныя отъ него имена постепенно переходятъ въ узкую сферу обѣдовъ и пировъ. У Гомера, правда, еще сохраняется старая конструкція τί τινι, напр. δαίνυ δαῖτα γέρουσι Il. 9, 70; но уже у него возможны такіе обороты, какъ δαίνυμι γάμον (Il. 19, 291), τάφον (Il. 23, 29; Od. 3, 309), гдѣ даже вторичное значеніе «дѣлить» отсутствуетъ. Въ среднемъ залогѣ эта идея окончательно исчезаетъ: δαίνυμαι значитъ [1]) «угощаюсь», «ѣмъ», напр. δαῖτα Il. 24, 802; κρέα Od. 9, 162 и т. д. Такимъ образомъ, уже въ гомеровскомъ языкѣ этотъ

[1]) Нелегко разъяснить, какимъ образомъ возникло такое значеніе, но параллель привести можно. Это—именно νέμω: ср νέμω μοίρας, κρέα, σῖτον; νέμειν τί τινι и въ medium'ѣ Il. 5, 577: τοῖσι δ' ἀμβροσίην Σιμόεις ἀνέτειλε νέμεσθαι и пр.

глаголъ началъ пріобрѣтать значеніе «угощаю», pass. «угощаюсь» и, слѣдовательно, становиться синонимомъ къ ξενίζω ξεινίζω, различаясь отъ него главнымъ образомъ по конструкціи (ξεινίζω τινά, напр. τοὺς δ'ἐγὼ ἐξείνισσα καὶ ἐν μεγάροισι φίλησα Il. 3, 207). Позднѣе, въ языкѣ Геродота и трагиковъ, оба глагола уже вполнѣ совпали какъ по конструкціи, такъ и по значенію: напр. Her. I 106: τούτων μὲν τοὺς πλεῦνας Κυαξάρης τε καὶ Μῆδοι ξεινίσαντες καὶ καταμεθύσαντες κατεφόνευσαν. I 162: Ἅρπαγος... τὸν ὁ Μήδων βασιλεὺς Ἀστυάγης ἀνόμῳ τραπέζῃ ἔδαισε. Cp. Soph. *frg.* 579: σίτοισιν ἐξενίζομεν; ζῶν με δαίσεις Aesch. *Eum.* 305. Eur. *Or.* 15.

Этотъ примѣръ, по скольку дѣло касается перемѣны конструкціи, поучителенъ, какъ доказательство ассоціаціи словъ сходныхъ по значенію; съ другой стороны, онъ свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, которое оказываютъ другъ на друга ассоціируемыя слова.

Не одно только δαίνυμι ассоціировалось съ ξενίζω и пріобрѣло его конструкцію: то же надо сказать и относительно δέχομαι. Первоначально глаголъ значилъ «принимать что-либо отъ кого либо» (τί τινος или παρά τινος: χρυσὸν Ἀλεξάνδροιο δεδεγμένος Il. 11, 124); далѣе, «принимать кого-либо въ гости», напр. δεξάμενος δέ με κεῖνος ἐν ὑψηλοῖσι δόμοισιν ἐνδυκέως ἐφίλει Od. 17, 110; ср. ξεινίζειν τινά; затѣмъ, по аналогіи ξενίζειν τινά τινι, такая же конструкція выработалась и при δέχομαι, напр., Soph. *Oed. C.* 3:

τίς τὸν πλανήτην Οἰδίπουν καθ' ἡμέραν
τὴν νῦν σπανίστοις δέξεται δωρήμασιν;

Ср. еще λαμπροῖς δείπνοις δέξομεθ' ὑμᾶς Anaxand. Ath. IV 131 (v. 2) [1]).

Въ двухъ выше приведенныхъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ глаголами, сходными по значенію; но переходъ извѣстнаго глагола отъ одной конструкціи къ другой можетъ состояться также по аналогіи такихъ глаголовъ, которые противоположны съ нимъ

[1]) Возможно также, что δέχομαι совпало съ δέκνυμαι τινά τινι „привѣтствую„ (формы съ ει надо, вѣроятно, объяснять метрическимъ протяженіемъ), напр. δεπάεσσι Il. 4, 4, κυπέλλοις Il. 9, 671 и пр. (ср. д. и. *dāçnoti* „онъ служитъ, почитаетъ", *dāçati* тоже – см. Prellwitz Etymol. Worterb. der griech. Sprache). Но и такое объясненіе, конечно, не подрываетъ выставленной нами теоріи.

по значенію. Такъ напр., извѣстно употребленіе инструментальнаго падежа послѣ глаголовъ, обозначающихъ «быть вмѣстѣ», «сходиться», «соединяться» и т. д.: по латыни при *misceo* и *mixtus*, ст.-слав. «ꙗко оженисѧ ѥѭ» и пр. По аналогіи этихъ глаголовъ, такую же конструкцію (вмѣсто коренного аблатива) пріобрѣтаютъ въ языкахъ арійскихъ и славянскихъ и глаголы «разлучать(ся), расходиться»: д. и. *strībhír vyā́ vartate* «онъ отворачивается отъ женщинъ», ст.-сл. старою не распустивь сѧ «не разлучившись со старухой» и т. д. (Delbrück Vergleichende Syntax § 110; ср. Нетушилъ Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса лат. языка т. II, 268 sq.) [1]).

И такъ, еще не вступая въ область семасіологіи, мы уже убѣдились, что слова, сходныя или прямо противоложныя по значенію, другъ съ другомъ ассоціируются и проходятъ сходную или параллельную исторію. Такое положеніе вполнѣ согласуется съ психологическими наблюденіями не надъ однимъ языкомъ, но надъ представленіями человѣка вообще: именно, представленія наши могутъ ассоціироваться другъ съ другомъ какъ по сходству, такъ и по противоложности. Къ чему однако понадобился такой длинный рядъ аргументовъ для защиты столь простого и естественнаго положенія? Дѣло въ томъ, что этотъ плодотворный принципъ семасіологической ассоціаціи словъ недостаточно разработанъ и оцѣненъ семасіологами. Наши собственныя занятія семасіологіей начались съ изученія морфологическихъ категорій: въ этой области сила ассоціаціи и аналогіи слишкомъ ясна и наглядна, для того чтобы вызывать какія либо сомнѣнія; но наши предшественники работали исключительно надъ отдѣльными словами и поэтому встрѣчались съ различными затрудненіями, мѣшавшими имъ воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ принципомъ аналогіи и ассоціаціи; мало того, въ общихъ заключеніяхъ объ ассоціаціи у нашихъ предшественниковъ есть пробѣлы, которые необходимо устранить теперь же.

Данному вопросу посвящена цѣлая глава въ книгѣ А. Дармстетера La vie des mots подъ заглавіемъ Comment les mots vi-

---

[1]) Вообще обѣ эти работы могутъ дать обширный матеріалъ для подобнаго рода изслѣдованій. Ср. еще Paul Principien d. Sprachgesch². p. 196 sq.

vent entre eux (123—148). Несмотря на очень тонкія замѣчанія по поводу отдѣльныхъ явленій, существенная мысль главы осталась невыясненной. Авторъ прежде всего говоритъ (123): «les mots ne vivent pas isolés, dans notre pensée et sur nos lèvres. Ils sont en commerce réciproque les uns avec les autres» etc. Приводимые вслѣдъ за тѣмъ примѣры вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Напр. (мы беремъ наиболѣе достовѣрные случаи) «*perles orientales* славятся своей красотой; отсюда *perle orientale* принимаетъ смыслъ *perle brillante;* когда *oriental* приходитъ къ значенію *brillant*, то и *orient* получаетъ сходный смыслъ: ср. *l'orient d'une perle...*» «Въ прошломъ вѣкѣ употребляли прилагательное *noble* для обозначенія хищныхъ птицъ, предназначенныхъ для охоты, какъ забава знати (noblesse); по антитезѣ, остальныя хищныя птицы получили названіе *ignobles*» (p. 129). Или напр. Дармстетеръ очень ясно указалъ, какъ *dans* мало по малу приняло функціи *en*, и *avec* (первоначально употреблявшееся только въ комитативномъ смыслѣ) приняло всѣ функціи вытѣсненнаго имъ *od* или *o* (135, 136). Чрезвычайно хорошо изложена у него же исторія глаголовъ *natare* и *navigare* во французскомъ языкѣ (137): «*natare* «nager» обратилось въ древне-французскомъ языкѣ въ *nouer*, *navigare* въ *nager*. Когда *nouer* стало исчезать, то его замѣстило *nager*, которое стало значить сразу и *nager* (новый смыслъ) и *naviguer* (первоначальный смыслъ)» Съ теченіемъ времени въ языкъ снова вошло, уже въ латинской формѣ, *navigare;* «и тамъ, гдѣ говорили *nager*, стали говорить *naviguer*. Смыслъ *navigare* до такой степени съузился въ *nager*, что, за исключеніемъ одного только выраженія *les rameurs nagent*, оно имѣетъ въ современномъ языкѣ только значеніе *natare*».

Но и въ другихъ мѣстахъ книги Дармстетера можно найти много примѣровъ, которые подтверждаютъ его мысль: ср. напр. субстантивированное *blanche* «c'est à dire note de musique blanche» и *noire* «c'est à dire note de musique noire» (p. 55). Или напр. на стр. 97 мы читаемъ: «*bec jaune* ou *béjaune*, jeune oiseau qui a encore le bec jaune; au fig.: jeune homme encore inexpérimenté, sot». Ср. p. 98: *niais*, oiseau qui est encore au nid; au fig.:*c'est un niais*» (т. е. глупецъ, простакъ). Очень хорошимъ примѣромъ можетъ далѣе служить исторія *dextre* и *senestre*, изложенная на

167 страницѣ: «*dextre* et *senestre* (main) ont vécu jusqu'en plein moyen français; puis ils tombent. Quels substituts leur donner? L'idée de *gauche*, *peu vif* (cf. *gauchir*, ne pas aller en ligne droite, incliner), dont les préjugés d'alors caractérisaient la main senestre, la font appeler *main gauche*. En revanche, la main *dertre* recevra par contraste le nom de *main droite*».

Въ книгѣ Дармстетера есть и еще одинъ примѣръ (p. 93), показывающій, какъ цѣлая группа словъ, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу представленій и слѣдовательно ассоціируемыхъ другъ съ другомъ, подверглась однородным семасіологическимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ перемѣнъ въ культурно-исторической жизни народа: «Toute la royauté antique et guerrière des Mérovingiens paraît dans la *cour*, c'est à dire la *court*, la *cortem* [1]) mérovingienne, la *cohortem* ou basse-cour des Romains; dans ses *connétables* [2]), chefs des écuries, et dans ses *maréchaux* [3]), gardiens des chevaux, valets de ferme, et dans la *ville*, c'est à dire la *villa* [4]), la métairie» etc.

Несмотря на такое значительное количество примѣровъ, Дармстетеръ однако не настаиваетъ на выше процитированномъ положеніи. Насъ даже поражаетъ та рѣшительность, съ которой онъ ограничиваетъ это положеніе и, такимъ образомъ, какъ бы противорѣчитъ самому себѣ. Именно, на стр. 132 онъ говоритъ: «Il ne faut pas croire que ces faits de réaction jouent un rôle très considérable dans la vie du langage. Les aspects que présente cette vie sont si multiples qu'on ne doit pas être surpris de les rencontrer; mais, quelque nombreux qu'ils puissent être, on ne doit les signaler qu'à l'état d'exception. Le plus ordinairement les mots suivent chacun leurs destinées, indépendants les uns des autres; et les pertes, les faits de pathologie qu'ils peuvent éprouver ne rejaillissent pas sur les mots qui leur sont apparentés». Напр. «*avaler* se réduit à *faire descendre dans la gorge*, sans conséquence pour

---

[1]) „En latin mérovingien *curtem*, c'est à dire *cortem*, de *cohortem*, basse-cour".

[2]) „*Connétable*, *conestabulus*, altération de *comestabulus*, c'est à dire *comes stabuli*, comte ou chef de l'écurie".

[3]) „*Maréchal*, de l'ancien haut allemand *marscalc*, valet (*calc*) de cheval (*mars*)".

[4]) „*Villa*, en latin, encore aux temps mérovingiens, signifie *ferme*, *métairie*. La ville s'est développée autour de la ferme, ou autour du château".

aval, ravaler, ravalement». Съ другой стороны, *aigre* по своему употребленію шире, чѣмъ *aigrement*. Наконецъ, исчезновеніе извѣстнаго слова необязательно влечетъ за собою исчезновеніе его производныхъ: напр. *duire* и *soudre* исчезли, но ихъ производныя *conduire réduire séduire* etc., *résoudre, absoudre* etc. сохранились. Сюда же относится примѣчаніе на 133 стр.: «Les relations entre un radical et les dérivés qu'il peut produire n'existent, pour la conscience du langage, qu'à l'époque de la création de ces dérivés. L'usage graduellement détache ces dérivés de leurs primitifs et les en rend indépendants».

Къ такому же нерѣшительному заключенію приходитъ и другой семасіологъ Friedrich Schröder въ своей интересной брошюрѣ Zur griechischen Bedeutungslehre p. 14 (Progr. Gebweiler 1893). Онъ вообще признаетъ большое дѣйствіе аналогіи на семасіологическія измѣненія. Если напр., говоритъ онъ, извѣстный предметъ названъ именемъ какой нибудь части тѣла, то образуется тенденція примѣнять такой же способъ названія и къ другимъ предметамъ того же рода (ср. κάρα, πούς, ῥάχις, κέρας о частяхъ горы и λόφος, μαζός о холмахъ). Тотъ же Schröder указываетъ на примѣрѣ μοῖρα и αἶσα, какъ два синонимическихъ слова, родственныя не по корню, но по значенію, проходятъ параллельную семасіологическую исторію (часть, доля, должное, жребій, судьба, богиня судьбы). Весьма важны также его замѣчанія относительно словъ съ одинаковымъ окончаніемъ (напр. греч. -τις, -σις и пр.) и словъ съ разными, но родственными по значенію суффиксами (гр. -σια и -σις). При всемъ томъ, Schröder не рѣшается говорить о семасіологическихъ «законахъ». Мы видимъ, что затрудняетъ Шредера. Именно, онъ поставилъ, между прочимъ, такое положеніе: «если слово измѣнило свое значеніе, то ему обыкновенно слѣдуютъ слова, родственныя съ нимъ по корню и по значенію; при этомъ, естественно, какъ разъ производныя слѣдуютъ первичному, а не наоборотъ. ποιέω въ послѣгесіодовскія времена обозначаетъ, между прочимъ, поэтическое творчество, и такое же значеніе принимаютъ, наряду съ основнымъ, ποιητής, ποίησις, ποίημα. Но нерѣдко бываетъ такъ, что слово, вслѣдствіе удержанія стараго значенія, отдѣляется семасіологически отъ словъ родственныхъ съ нимъ по корню. Такъ, слова *ora-*

tor и *oratio* нисколько не были задѣты семасіологическимъ измѣненіемъ въ первичномъ *orare* (говорить—просить)». «Попробуемъ теперь поставить законъ», говоритъ ниже Шредеръ: «если слово измѣнило свое значеніе, то подобное измѣненіе будетъ распространяться какъ на родственныя по корню, такъ и на просто—синонимическія слова»—и этому закону будетъ недоставать самаго главнаго—всеобщности (Allgemeingültigkeit)».

Разберемъ теперь эти затрудненія. Понятное дѣло, что поставленный Шрёдеромъ законъ не имѣетъ всеобщности, но именно потому, что такого закона не слѣдовало ставить. Слова производныя или сложныя, правда, нерѣдко слѣдуютъ словамъ первичнымъ, но ждать, чтобы ихъ семасіологическая судьба была всегда параллельна судьбѣ словъ первичныхъ, мы не имѣемъ права. Новый суффиксъ или аффиксъ, который получаютъ производныя или сложныя слова, можетъ сильно видоизмѣнить значеніе корня, вошедшаго въ составъ производнаго или сложнаго слова, и такимъ образомъ разорвать семасіологическую связь между первичнымъ и пропзводнымъ. Итакъ, съ методологической точки зрѣнія, сложныя и производныя слова должны разсматриваться отдѣльно отъ первичныхъ [1]) Это—первая существенная методологическая оговорка. Далѣе, присматриваясь къ словамъ, дѣйствительно ассоціированнымъ другъ съ другомъ, мы часто замѣчаемъ, что значенія этихъ словъ идутъ параллельно лишь до извѣстнаго пункта, что исторія одного изъ такихъ словъ можетъ быть шире или у́же исторіи другого. Возьмемъ слова *тяжелый* и *легкій*: кромѣ основного значенія *тяжелый*, *легкій* по вѣсу, намъ извѣстны и производныя значенія, напр. *тяжелая* ∾ *легкая работа*, съ кѣмъ нибудь *тяжело* ∾ *легко* жить и пр.; но называя одного человѣка *тяжелымъ* (по характеру), мы не назовемъ человѣка противоположныхъ качествъ—*легкимъ* и т. д. Можно ли разсматривать подобное несоотвѣтствіе въ исторіи двухъ завѣдомо ассоціированныхъ словъ какъ исключеніе изъ закона ассоціаціи? По нашему мнѣнію, нельзя. Здѣсь снова необходимы слѣдующія существенныя оговорки.

---

[1]) Ср. нашу статью въ „Фил. Обозр." VIII 2 стр. 173 и приложеніе къ 1-й главѣ настоящей работы.

1. Возможны такіе случаи, когда наша мысль, употребляя одно слово для выраженія извѣстнаго представленія, не нуждается въ выраженіи представленія противоположнаго: ср. оборотъ *смотрѣть свысока*, при которомъ нѣтъ оборота, противоположнаго по значенію [1]). Мы, впрочемъ, только намѣчаемъ этотъ пунктъ, предоставляя его обработку, за недостаткомъ собственныхъ примѣровъ, будущимъ изслѣдователямъ.

2. Производнымъ значеніемъ одного изъ двухъ ассоціируемыхъ словъ можетъ быть обозначено такое представленіе, которое уже имѣло въ языкѣ болѣе опредѣленное, техническое выраженіе. А при столкновеніи двухъ словъ со сходными значеніями возможны два выхода: либо дифференціація значеній, либо исчезновеніе одного изъ нихъ. Такимъ образомъ, въ одномъ изъ двухъ ассоціируемыхъ словъ, при особыхъ историческихъ условіяхъ, можетъ наступить утрата одного изъ производныхъ значеній, въ то время какъ другое изъ ассоціируемыхъ словъ не испытываетъ подобной утраты. Возьмемъ лат. *grăvis* и *lĕvis*.

Въ общемъ оба слова имѣли параллельную семасіологическую судьбу: напр., они могли употребляться α) о климатѣ, ср. особ. Varro *r.r.* 1, 4, 4: ita enim *salubritas*, quae ducitur e caelo ac terra, non est in nostra potestate, sed in naturae, ut tamen multum sit in nobis, quo *graviora* quae sunt ea diligentia *leviora* facere possimus.

β) о движеніи [2]): inter domesticas quadrupedes levissima suilla est, gravissima bubula. *Cels.* 1, 18.

γ) Очень хорошо извѣстны значенія: «серьезный, важный, цѣнный» и противоположныя имъ: «легкомысленный, ничтожный»;

δ) *gravis* «враждебный, крутой», *levis* «благосклонный»: nunquam erit alienis *gravis* qui suis se concinnat *levem*. Plaut. *Trin.* 684 и пр.

---

[1]) Ср. еще „легокъ на поминѣ“.

[2]) Я не рѣшаюсь категорически назвать это значеніе вторичнымъ для основъ *garu-* и *langu-*: оно очень хорошо представлено во всѣхъ языкахъ, особенно для второй основы (ср. *levis*, ἐλαθρός, д. и. *laghus*). Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что это значеніе было даже основнымъ: по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что различные языки для представленія „вѣсить“ выбирали предпочтительно слова, обозначавшія движеніе; см. объ этомъ ниже.

Если мы присмотримся повнимательнѣе къ этимъ рубрикамъ (а матеріалы для подобнаго анализа дастъ любой большой словарь), то увидимъ, что *gravis* въ значеніи β гораздо рѣже употребляется, чѣмъ *levis*; наоборотъ, значенія α и $\hat{o}$, обычныя для *gravis*, чрезвычайно рѣдко наблюдаются въ *levis*. Такое неполное соотвѣтствіе объясняется тѣмъ, что какъ *gravis*, такъ и *levis* связаны не только другъ съ другомъ, но и съ другими синонимическими каждому изъ нихъ словами; а именно, *gravis* въ пунктѣ β уступало мѣсто *lentus* и *tardus*, а *levis* въ пунктахъ α и $\hat{o}$ соприкасалось съ *facilis* и *lēnis* и было вытѣсняемо этими словами. Отсюда стали возможны противоположенія *gravis* не только съ *levis*, но и съ *lenis* и *facilis*, напр.: ex ipsa quaeram prius, utrum me secum severe et *graviter* et prisce agere malit, an remisse et *leniter* et urbane (Cic. *Cael.* 14, 33) Или: aurae *faciles*, Ovid. *Her.* 16, 123 и какое-нибудь *gravis* auctumnus.

3. Мы нерѣдко видимъ, что кругъ употребленія одного изъ двухъ ассоціируемыхъ словъ можетъ быть шире или уже, чѣмъ кругъ употребленія другого изъ этихъ словъ. Возьмемъ *momentum* и *pondus*: при общемъ исходномъ значеніи «вѣсъ, тяжесть» они въ значительной степени совпадаютъ и въ переносныхъ значеніяхъ, напр.: res gravissimi momenti; tuae litterae maximi sunt apud me ponderis; viri maximi momenti et ponderis и пр. Но зато *momentum* можетъ употребляться о времени (momentum horae и др.), тогда какъ *pondus* подобнаго употребленія не знаетъ. Другой примѣръ: *mansio* несомнѣнно ассоціировалось съ синонимическимъ *statio* и по аналогіи съ нимъ получило въ позднемъ языкѣ локальное значеніе «мѣсто остановки»; однако, несмотря на эту ассоціацію, *statio* имѣетъ рядъ такихъ значеній, которыхъ *mansio* не получило; напр., *statio* обозначаетъ «сторожевые посты», какъ въ смыслѣ мѣста, на которомъ стоитъ стража, такъ и въ смыслѣ отряда людей, стоящихъ на посту, т. е. въ подобномъ употребленіи *statio* соприкасается съ *vigiliae* и т. п. Еще одинъ примѣръ: греч. τάξις, по аналогіи съ στάσις (ср. Herod. IX 21: ἔχοντες στάσιν ταύτην ἐς τὴν ἔστημεν), стало обозначать не только способъ расположенія и устроенія войска, но также и мѣсто въ боевомъ строю. Но на этомъ и оканчивается связь между обоими словами: какъ τάξις не можетъ обозначать борьбы политическихъ

партій и самихъ партій, такъ, съ другой стороны, στάσις не употребляется о формахъ государственнаго строя и пр. Такихъ примѣровъ можно набрать сколько угодно, но они не подорвутъ закона ассоціаціи, а только дадутъ очень важный въ методологическомъ отношеніи выводъ. А именно, оказывается, что στάσις и τάξις ассоціированы другъ съ другомъ по стольку, по скольку они принадлежатъ къ военному языку, т. е. къ одному опредѣленному кругу представленій; равнымъ образомъ, *momentum* и *pondus* связаны между собой лишь въ предѣлахъ торговаго языка; наконецъ, *statio* проходитъ сходную исторію съ *mansio* лишь по стольку, по скольку оба слова не принадлежатъ къ военному языку, а въ военномъ языкѣ *statio* комбинируется съ словами этого языка, въ родѣ *vigiliae* и др. Такимъ образомъ, *слова ассоціируются другъ съ другомъ по стольку, по скольку они принадлежатъ одной и той же сферѣ представленій.* Отсюда—существенное методологическое правило: при изслѣдованіи семасіологическихъ явленій надо строго опредѣлять ту сферу представленій, къ которой принадлежатъ изучаемыя слова. Принявъ эту, а равно и указанныя выше мѣры предосторожности, мы наглядно убѣдимся въ закономѣрности семасіологическихъ явленій, будемъ ли мы изучать ихъ въ одномъ языкѣ или въ нѣсколькихъ языкахъ, хотя бы даже различныхъ семействъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ примѣрамъ.

I. Мы только что сказали, насколько важно опредѣлить заранѣе ту сферу представленій, къ которой принадлежатъ изучаемыя нами слова. Съ этой точки зрѣнія намъ будетъ понятно слѣдующее характерное явленіе: въ весьма многихъ языкахъ слова, обозначающія понятіе «говорить», возникли изъ словъ, первоначально значившихъ «сходиться, собираться, собираться въ кругъ». Этотъ интересный семасіологическій переходъ совершился при посредствѣ политическаго языка. Таково греч. ἀγορά (отъ ἀγείρω «собираю») «народное собраніе, рѣчь въ народномъ собраніи»; ср. ἀγορητής «ораторъ», ἀγορητύς «краснорѣчіе» (Od. 8, 168); ἀγοράομαι и ἀγορεύω «говорю въ народномъ собраніи». За этими глаголами настолько утвердилась идея «говорить», что они стали употреб-

ляться даже внѣ политическаго языка, какъ синонимы λέγειν и пр. Такъ, уже у Гомера ἀγορεύω можетъ употребляться въ значеніи «разсказывать»—въ частномъ разговорѣ (напр., Od. 14, 192: τοίγαρ ἐγώ τοι ταῦτα μάλ' ἀτρεκέως ἀγορεύσω—въ бесѣдѣ Одиссея съ Эвмеемъ; ср. также Od. 18, 15: δαιμόνι' οὔτε τί σε ῥέζω κακὸν οὔτ' ἀγορεύω—ссора Одиссея съ Иромъ). Ср. сложный глаголъ παρηγορέω «утѣшаю» и существительное παρηγορία «утѣшеніе», въ которыхъ исчезло всякое отношеніе къ политическому языку. Изъ болѣе поздней эпохи ср., напр., Soph. *Trach.* 601: ἠγορῶ ξέναις «ты говорила съ чужестранками» (схоліастъ объясняетъ черезъ ὡμίλεις) или κακῶς ἀγορεύειν τινά при λοιδορεῖσθαι въ законѣ у Эсхина I 35.

Сходную исторію имѣло ἀγωνίζομαι. Въ позднѣйшемъ языкѣ оно могло употребляться въ смыслѣ «говорить передъ народомъ», не только въ судѣ (ср. ἀγών «процессъ»), но и въ народномъ собраніи: ср. Xenoph. *Memor.* III 7 § 4 οὐ ταὐτόν ἐστι ἰδίᾳ τε διαλέγεσθαι καὶ ἐν τῷ πλήθει ἀγωνίζεσθαι, или еще лучше Plato *Menex.* 235d: ὅταν δέ τις ἐν τούτοις ἀγωνίζηται οὕσπερ καὶ ἐπαινεῖ οὐδὲν μέγα δοκεῖν εὖ λέγειν (дѣло идетъ о надгробной рѣчи). Дѣло въ томъ, что самое ἀγών, отъ котораго образовался данный глаголъ, лишь въ позднюю эпоху аттическаго языка употреблялось главнымъ образомъ о состязаніяхъ и о процессахъ. Первоначально же это слово имѣло общій смыслъ «собраніе, мѣсто собранія» [1]) и въ значительной степени соприкасалось съ ἀγορά. Нижеслѣдующіе примѣры покажутъ, что слово это первоначально могло употребляться во всѣхъ діалектахъ, не исключая аттическаго, между прочимъ, о народномъ собраніи, какъ синонимъ къ ἀγορά; въ позднюю эпоху жизни діалектовъ, согласно съ принципомъ дифференціаціи, сохранилось въ этомъ значеніи либо ἀγών (у беотійцевъ) либо ἀγορά (у аттиковъ и проч.). Итакъ, ср. у Гомера θεῖος ἀγών Il. 18, 376 (о мѣстѣ собранія боговъ); λῦτο δ'ἀγών о собраніи народа Il. 24, 1: ср. λύειν ἀγορήν Il. I, 305; νεῶν ἀγών Il. 15, 428; 16, 239 (схоліастъ: ἀγῶνι τῷ ἀθροίσματι τῶν νεῶν, ὅ ἐστι τῷ ναυστάθμῳ). Весьма интересно, далѣе, примѣчаніе схоліаста

[1]) См. Robert Thoma's Zur historischen Entwicklung der Metapher im Griechischen. Diss. Erlangen 1891, p. 11.

къ Иліадѣ 24, 1: παρὰ δὲ Βοιωτοῖς ἀγὼν ἡ ἀγορά, καὶ τὸν ἀγορανόμον ἀγώναρχον καλοῦσιν, ὅθεν καὶ ἀγωνίους θεοὺς Αἰσχύλος τοὺς ἀγοραίους καὶ Ἡσίοδος «ἐρχόμενον δ' ἀν' ἀγῶνα». У Эсхила ἀγώνιος употреблено такимъ образомъ, напр., *Agamemn.* 496: τούς τ'ἀγωνίους θεοὺς πάντας προσαυδῶ; ср. тамъ же 91 слѣд.: πάντων δὲ θεῶν τῶν ἀστυνόμων, ὑπάτων χθονίων, τῶν τε θυραίων τῶν τ' ἀγοραίων βωμοὶ δώροισι φλέγονται. Въ той же трагедіи можно отмѣтить употребленіе ἀγών въ смыслѣ ἀγορά: τὰ δ'ἄλλα πρὸς πόλιν τε καὶ θεούς, κοινούς ἀγῶνας θέντες, ἐν πανηγύρει βουλευσόμεσθα (v. 818). Ср., наконецъ, Pindar. P. 10, 29: ἐς Ὑπερβορέων ἀγῶνα (въ см. ἀγορά) [1]).

Можетъ быть сюда же относится и λέσχη. Происхожденіе этого слова не совсѣмъ ясно (ср. Prellwitz Etym. Worterb. d. griech. Sprache, p. 179), но семасіологическая его исторія такова: впервые оно встрѣчается въ Одиссеѣ 18, 329: οὐδ'ἐθέλεις εὖδειν χαλκήιον ἐς δόμον ἐλθών, ἠέ που ἐς λέσχην. Ср. Hesiod. *Op.* 493:

Πὰρ δ'ἴθι χάλκειον θῶκον καὶ ἐπαλέα λέσχην
ὥρῃ χειμερίῃ, ὁπότε κρύος ἀνέρα ἔργον
ἰσχάνει, ἔνθα κ'ἄοκνος ἀνὴρ μέγα οἶκον ὀφέλλοι,
μή σε κακοῦ χειμῶνος ἀμηχανίη καταμάρψῃ.

Стало быть, λέσχη—родъ дешевой гостинницы для бѣднаго люда, мѣсто, гдѣ этотъ людъ собирается; въ Etymol. M., p. 561 находимъ указаніе, что λέσχαι παρὰ Βοιωτοῖς τὰ κοινὰ δειπνητήρια. Слово наше скоро попадаетъ въ политическій языкъ для обозначенія ратуши, собранія. Ср. ἐν ταῖς λέσχαισι (въ Спартѣ) Cratin. у Athen. IV 138 c. Pausan. 3, 14, 2. Plut. *Lyc.* 16: τὸ δὲ γεννηθὲν οὐκ ἦν κύριος ὁ γεννήσας τρέφειν, ἀλλ'ἔφερε λαβὼν εἰς τόπον τινὰ λέσχην καλούμενον, ἐν ᾧ καθήμενοι τῶν φυλετῶν οἱ πρεσβύτατοι καταμαθόντες τὸ παιδάριον... Ср. ibid. 24 и 25. У Аттиковъ ср. Soph. *Ant.* 158: (Κρέων) σύγκλητον τήνδε γερόντων προύθετο λέσχην, κοινῷ κηρύγματι πέμψας; *Oed. C.* 166: λό-

[1]) Мы должны однако оговориться, что такое объясненіе для ἀγωνίζομαι „произношу рѣчь“ мы считаемъ только правдоподобнымъ, но не исключительнымъ. Возможно и то, что это значеніе возникло не въ политическомъ, а въ судебномъ языкѣ: ср. ἀγών „процессъ“.

γον ἔ τιν'ἔχεις πρὸς ἐμὰν λέσχαν... φώνει. Разъ λέσχη стало употребляться для обозначенія собранія и притомъ совѣщательнаго, то отсюда оно легко могло получить значеніе «совѣщаніе, разговоръ». Ср. Herod. I 71: γενομένης λέσχης ὃς γένοιτο αὐτῶν ἄριστος, ἔγνωσαν οἱ παραγενόμενοι Σπαρτιητέων и пр. Ср. далѣе Eur. *Hipp.* 384 (μακραὶ λέσχαι), *Iph. A.* 1001: στρατὸς γὰρ ἀργὸς λέσχας πονηρὰς καὶ κακοστόμους φιλεῖ. Herod. II 32: ἀπικέσθαι ἐς λέσχην (=ἐς λόγους ἐλθεῖν).

Итакъ, греческіе примѣры показали намъ, какъ глаголъ, обозначавшій «собираться, сходиться», въ политическомъ языкѣ могъ принять значеніе «говорить», а слово «собраніе» могло значить «рѣчь». Изъ лат. языка надо отмѣтить *cōntio* «политическое собраніе и рѣчь, въ немъ произносимая», *contionator* «ораторъ въ народномъ собраніи», *contionari* «говорить въ народномъ собраніи, говорить передъ публикой» (Cic. *Tusc.* I 49, 117: magna eloquentia est utendum atque ita velut superiore e loco contionandum, ut...—); м. б. также *circulari* «образовать кругъ, собираться въ кружки» (ср. *circulus* въ см. «кружокъ, общество») и «говорить передъ этими кружками».

Точно такимъ же образомъ, вѣроятно, объясняется румынское *cuvînt* «рѣчь, слово» (изъ *conventum*), болгарское *сборъ* «слово».

Для кельтійскихъ языковъ можно указать хорошій примѣръ въ Vergleich. Wörterb. der indogerm. Sprach. Фика, II p. 40 подъ a <p> o — <p> r e k t ā 1) «curia», 2) «sermo»: ir *airecht* F. Versammlung+Cymr. *areith*; jetzt *araith* F. «sermo».

Въ нѣмецкихъ языкахъ интересно готское *maþl*, которымъ переводится ἀγορά въ смыслѣ «рынокъ» (Marc. 7, 4). Слово это обозначаетъ «собраніе» и отсюда «рѣчь въ собраніи, рѣчь вообще»: ср. гот. *maþleins* f. «слово, рѣчь» (Joh. 8, 43 — λαλία), *maþljan* «говорить» (Joh. 14, 30—λαλήσω), др.-сканд. *mál* «рѣчь», *maéla* «говорить», англо-сакс. *maeđel* «собраніе», *mađolian*, *máelan* «говорить» (Kluge Etymol. Wörterb. der deutsch. Spr. [5], p. 134, подъ *Gemahl*).

Наконецъ, небезынтересна исторія нѣмецкаго *hring*, *ring* (ср. **кржгъ**) «кругъ, собраніе» въ романскихъ языкахъ: «ital. *aringo* Rednerplatz, *aringa* offentlich reden, *aringhiera*, *ringhiera* Rednerstuhl; prov. *arenga;* frz. *harangue*, dazu das Verb. *arengar*» (Körting Lat.-roman. Wörterb. № 4021).

Это разсужденіе показало, до какой степени важно точно опредѣлить ту сферу представленій, къ которой принадлежатъ изучаемыя слова.

Возьмемъ другой примѣръ: слово *языкъ*, какъ членъ человѣческаго тѣла [1]).

Общераспространенная метонимія—обозначеніе этимъ словомъ звуковъ рѣчи, производимыхъ языкомъ: ср. γλῶσσα, *lingua*, *языкъ* въ смыслѣ какъ *Zunge*, такъ и *Sprache* (оба значенія мы находимъ въ китайскомъ, монгольскомъ, ново-персидскомъ, турецкомъ, финскомъ, мадьярскомъ и еврейскомъ язз.). Если второе изъ этихъ значеній и отсутствуетъ въ какомъ-нибудь изъ языковъ, то это объясняется либо тѣмъ, что въ *Zunge* подчеркнута или внѣшняя форма или идея органа вкуса (ср. яз. манджурскій и литовское *leźuwis*), либо принципомъ дифференціаціи. Дифференціація этихъ обоихъ понятій принадлежитъ обыкновенно поздней эпохѣ языка, между тѣмъ какъ въ эпоху болѣе древнюю оба понятія обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Напр., санскр. *ǰihvā* значитъ только *Zunge*, но въ праиндійскомъ языкѣ это слово имѣло, повидимому, оба значенія; по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующее слово цыганскаго языка употребляется и въ смыслѣ Sprache, напр., *romaní chip* ‹the Gypsy language› (Ascoli Zigeunerisches p. 56 CXC, подробнѣе у Потта Die Zigeuner in Europa u. Asien II p. 215 подъ **Dschübb*).

Нѣмецкое *Zunge* обозначаетъ почти исключительно членъ тѣла, но соотвѣтствующее англійское слово *tongue* значитъ какъ Zunge, такъ и Sprache; въ англійскомъ языкѣ только понемногу начинается дифференціація этихъ понятій, причемъ англичане заимствовали у французовъ *language* и употребляютъ его параллельно съ *tongue* въ смыслѣ Sprache: *mother tongue* ‹Muttersprache› при *Englisch language*.

Въ современномъ ново-нѣмецкомъ дифференціація пошла дальше, но еще до сихъ поръ баварцы говорятъ *vilzungel* о человѣ-

---

[1]) Здѣсь мы пользуемся матеріаломъ, собраннымъ въ очень хорошей статьѣ Freund'a Uber die Idee einer allgemeinen sprachvergleichenden Lexicographie (Verhandl. der 7. Versammlung deutscher Philologen u. Schulmanner, p. 69 ssq), и только кое-гдѣ дополняемъ его.

кѣ, который говоритъ на многихъ языкахъ. Ср. далѣе: so weit die deutsche Zunge klingt und Gott im Himmel Lieder singt (Arndt) или: fremde Sitten, fremde Zungen lernt ich üben hin und her (August Schlegel).

Третій примѣръ: глаголы и выраженія вѣса и мѣры въ нѣсколькихъ индоевропейскихъ языкахъ. Оба понятія въ различныхъ языкахъ ассоціировались другъ съ другомъ до такой степени, что нерѣдко выражались однимъ и тѣмъ же словомъ: ср. греч. σταθμός, употреблявшееся исключительно о вѣсѣ, и напр. σταθμαω у Эврипида *Ion* 1137: πλέθρου σταθμήσας μῆκος εἰς εὐγωνίαν. У Геродота VI 127 (Φείδωνος τοῦ μέτρα ποιήσαντος Πελοποννησίοισι) подъ μέτρα разумѣются также мѣры вѣса и монетная система. *Mensorium* у Кассіодора значитъ «вѣсовая чашка». Въ древне-ирландскомъ яз. *to-mus* значитъ «мѣра», «вѣсъ», *med* «вѣсы» (Fick Etymol. Worterb[4] II p. 204). Ср. еще Thuc. IV 118 § 5: Λακεδαιμονίους καὶ τοὺς ξυμμάχους πλεῖν μὴ μακρᾷ νηί, ἄλλῳ δὲ κωπήρει πλοίῳ, ἐς πεντακόσια τάλαντα ἄγοντι μέτρα.

Въ виду этого, мы будемъ разбирать глаголы и имена, обозначающія «вѣсъ» и «мѣру», насколько возможно, параллельно другъ съ другомъ.

Во-первыхъ, одно и тоже слово служитъ для обозначенія какъ измѣряющаго инструмента, такъ и количества или величины измѣряемаго предмета или вещества: ср. *мѣра*, μέτρον (какъ орудіе мѣры, напр. въ Iliad. 12, 422: ἀλλ'ὥς τ'ἀμφ' οὔροισι δύ'ἄνερε δηριάασθον, μέτρ' ἐν χερσὶν ἔχοντες...), др. инд. *mātrā* и мн. др. Тоже самое надо сказать и о вѣсахъ. Одно и тоже слово можетъ обозначать какъ вѣсовыя гири (отчасти даже вѣсы), такъ и вѣсъ предмета: д. и. *tulā* значитъ «вѣсы, вѣсовыя чашки, вѣсъ». Греч. τάλαντον у Гомера значитъ «вѣсы», Plur. «вѣсовыя чашки»: χρύσεια πατὴρ ἐτίταινε τάλαντα Il. 8, 69. 209; ἐπὴν κλίνῃσι τάλαντα Ζεύς 19, 223; ср. 12, 433. Ср. вмѣстѣ съ тѣмъ χρυσοῖο τάλαντον Od. 8, 393 и пр. Со временъ Геродота (2, 180. 6, 97) τάλαντον начинаетъ обозначать уже опредѣленную единицу торговаго вѣса.

σταθμός «вѣсы» Herod. II 65, даже «вѣсовыя чашки» (Aristoph. *Ranae* 1407: ἐς τὸν σταθμὸν αὐτός, τὰ παιδί', ἡ γυνή, Κηφισοφῶν ἐμβὰς καθήσθω), вообще «то, чѣмъ вѣшаютъ» (Iliad. 12,

434: ἥ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἰρίον ἀμφὶς ἀνέλκει ἰσάζουσα), наконецъ «вѣсъ, тяжесть» (ἡμιπλίνθια σταθμὸν ὀιτάλαντα Her. I 50, 92).

Лат. *libra* значитъ «вѣсы» (Cic. *fin.* 5, 30, 91: virtutis amplitudinem quasi in altera librae lance ponere), и «вѣсъ» (libra pondo), «вѣсъ одного фунта».

Pondus 1) вѣсовыя гири (Caes. *bell. gall.* 5, 12. Liv. 5, 48) 2) вѣсъ одного фунта, тяжесть.

Литовское *swāras* «фунтъ» въ древнемъ языкѣ значило также вѣсы (Ширвидъ); *swārtis*: 1) коромысло вѣсовъ, pl. вѣсы, 2) вѣсъ.

Нѣмецкое *Gewicht* обозначаетъ какъ «гири» такъ и «вѣсъ»; русское *вѣсъ* употребляется теперь о «тяжести», но ср. *разновѣсъ* (о гиряхъ) и plur. *вѣсы*: ср. англійское *weight* «вѣсъ», pl. *weights* «вѣсы».

Возьмемъ теперь глаголы «вѣшать» и «вѣсить». Большая часть ихъ въ различныхъ языкахъ имѣетъ первоначальнымъ значеніемъ «приводить или приходить въ движеніе». Греч. τάλαντον, д. инд. *tul*—значатъ первоначально «поднимать», ср. далѣе греч. ἄγω ἔλκω, (ῥέπω), д. и. *kupas* «коромысло вѣсовъ» отъ *kup* «приходить въ движеніе». Лат. языкъ послѣдовательно употреблялъ глаголы движенія, а именно въ древнѣйшемъ языкѣ *ago*, судя по *gratias agere* (Paul. Fest. 17: *agere* modo significat rependere ut cum dicimus: gratias ago), ср. *agina* (Paul. Fest. 7: *agina* est, quo inseritur scapus trutinae, id est in quo foramine trutina se vertit, unde aginatores dicuntur qui parvo lucro moventur); *examen* «язычекъ у вѣсовъ» Verg. *Aen.* 12, 725: Juppiter ipse duas aequato examine lances sustinet; *examinatio* «равновѣсіе» Vitr. 10, 8; *examinare* напр. ad. certum pondus (Caes. *b. g.* 5, 12), paribus ponderibus (Cic. *Tusc.* 1, 19, 43); *exagium* «взвѣшиваніе, вѣсы, вѣсъ» (Theod. et Val. Nov. 25), *exigo* «взвѣшивать» и «обдумывать», м. б. *exiguus*, первоначально «точно свѣшанный», отсюда «малый» (ср. *modicus*, д. и. *mitás* и греч. μέτριος). *Momentana* (поздн.) «вѣсы для монеты», *momentum* «вѣсъ = важность, значеніе», синонимъ къ *pondus* (ср. особенно Cic. *Font.* 6, 11: ad unam quamque rem existimandam momentoque suo ponderandam; Id. *r. p.* 3, 8: loquitur, ut omnia verborum momentis non rerum ponderibus examinet). *Librare* (Фикъ сопоставлялъ корень этого глагола съ санскр. *lī* «колебаться») собственно значитъ «приводить въ движе-

ніе, бросать» (напр. Verg. *A.* 9, 417: summa telum librabat ab aure), ср. *libratores* у Tacit. *a.* 2, 20 (funditores libratoresque excutere tela et proturbare hostem jubet). Наконецъ, *pendo* и *pendeo* также могли первоначально имѣть оттѣнокъ движенія (напр. *pendeo* «вписѣть, качаясь»), если только они родственны съ греч. σφαδάζω (слѣдовательно, изъ **sphand-* или изъ **sphend-*).

Изъ нѣмецкаго языка можно привести *wägen*, *wiegen* (соб. «качать», ср. *Wiege* «колыбель»); *Kippe* «вѣсы для золота» отъ *kippen* «шататься, качаться» (Zehetmayr Analogisch-vergleich. Worterbuch, p. 245) и пр.

Вообще, до какой степени съ идеей «взвѣшивать, вѣсить» легко связывается представленіе о движеніи или колебаніи (собственно вѣсовыхъ чашекъ или стрѣлки),—это показываетъ франц. *balance* въ смыслѣ «сомнѣніе, колебаніе» (переносно), *balancer* «качать» (букв.), «колебаться», *balancement* «качаніе, колебаніе»; между тѣмъ, слово это, какъ извѣстно, происходитъ отъ лат. *bi-lanx* «имѣющій двѣ чашки» (*libra*, у Марц. Капеллы). Это длинное отступленіе необходимо для уясненія вопроса, почему во многихъ языкахъ одинъ и тотъ же глаголъ можетъ обозначать какъ «взвѣшивать», такъ и «вѣсить, имѣть вѣсъ». Именно, вѣсы приводятся въ движеніе какъ тѣмъ человѣкомъ, который взвѣшиваетъ, такъ и тѣмъ предметомъ, который взвѣшивается. Приведемъ примѣры: *tul-* (*tolayati* или *tulayati*) значитъ «взвѣшивать» и «имѣть вѣсъ» (въ словаряхъ дано, по крайней мѣрѣ, значеніе «равняться» т. е. имѣть съ кѣмъ либо одинаковый вѣсъ). Гр. ἕλκω 1) Iliad. 8, 72 (= 22, 212): χρύσεια πατὴρ ἐτίταινε τάλαντα... ἕλκε δὲ μέσσα λαβών 2) обычное «тянуть, имѣть вѣсъ». Можетъ быть и ἄγω, у котораго извѣстно значеніе «имѣть вѣсъ», имѣло нѣкогда значеніе «взвѣшивать». Къ этому приводятъ такіе обороты какъ ἐν τιμῇ ἄγειν или ὧδέ πως τὴν σοφίαν ἄγουσι «такъ они судятъ о мудрости» (Plato *Theaet.* 172 b), ἄγοιμι ἂν θεούς (Aesch. *Suppl.* 924) «я сталъ бы цѣнить боговъ». Ср. σταθμᾶσθαι «взвѣшивать», напр. у Платона *Lys.* 205 a (цѣнить), далѣе «обсуждать» и пр. Ἀντισηκόω (ср. σήκωμα «вѣсъ», σηκωτήρ· ὁ ἀναφορεὺς τοῦ ζυγοῦ Hes.) 1) вознаграждать т. е. первоначально «взвѣшивать»:

ἀντισηκώσας δέ σε | φθείρει θεῶν τις τῆς πάροιθ' εὐπραξίας (Eurip. *Hec.* 57. Wecklein переводитъ: vices rependens prioris felicitatis aliquis deorum te pessumdat). 2) «вѣсить столько же»: τοιάδε ἐπ'αὐτους ἦλθε συμφορὰ πάθους | ὡς τοῖσδε καὶ σὶς ἀντισηκῶσαι ῥοπῇ (Aesch. *Pers.* 436), т. е. «ихъ постигло такое несчастіе, что своей тяжестью вдвое перевѣсило эти, упомянутыя тобою, бѣды».

Для *pendere* въ смыслѣ «имѣть вѣсъ» мы располагаемъ слѣдующими примѣрами: nam si tantundemst in lanae glomere quantum | corporis in plumbost, tantundem pendere par est (Lucr. I 360); talentum ne minus pondo octoginta Romanis ponderibus pendat (Liv. 38, 38); bona vera idem pendunt (Sen. *ep.* 66).

pensare также значитъ «вѣшать» (напр. aurum; pensare aliquem eadem trutina Hor. *ep.* 2, 1, 29); но ср. Antonianarum navium magnitudo numerum Caesarianarum pensavit (Flor. 4, 11, 5), т. е. «уравновѣсило, сравнялось».

Романскіе потомки этого послѣдняго глагола (пт., исп., прт., *pesar*, фр. *peser*, пров. *pezar*)—всѣ имѣютъ оба значенія; «вѣшать» и «имѣть вѣсъ».—Оба значенія имѣетъ и англійское *weigh*. Современное мѣм. *wiegen* (ср. *wiegen* «качать») значитъ главнымъ образомъ «имѣть вѣсъ» въ противоположность *wägen* «взвѣшивать». Но эта дифференціація поздняго происхожденія: ср. *aufwiegen* 1) вѣшать, 2) равняться по вѣсу. Равнымъ образомъ, и въ русскомъ языкѣ дифференціація обѣихъ понятій принадлежитъ, м. б., исключительно литературному языку: ср. *отвѣсить* (кому что), ср. далѣе общеизвѣстную прибаутку: «стали вѣсить (т. е. взвѣшивать)—пудовъ десять».

Эти соображенія по поводу двойного значенія глаголовъ вѣса, понятное дѣло, не примѣнимы къ глаголамъ мѣрить, такъ какъ эти послѣдніе не вырабатываются изъ глаголовъ, первоначально обозначающихъ движеніе. Поэтому, въ тѣхъ немногихъ языкахъ, гдѣ глаголы мѣрить допускаютъ значеніе «имѣть мѣру» (санскр. *mā-* не только «мѣрить», но и «соотвѣтствовать мѣрѣ», «быть равнымъ»; нѣм. *messen* въ выраженіи er misst sechs Fuss) это второе значеніе надо объяснять аналогіей со стороны глаголовъ вѣса.—Той же аналогіей я объяснилъ бы и двойное значеніе въ *aequare adaequare* (1) уравнивать, 2) равняться съ кѣмъ, съ чѣмъ—accusat.). Второе значеніе въ данномъ глаголѣ само по себѣ не-

возможно, такъ какъ *aequare* есть causativum къ *aequus* (*aequus* «равный»: *aequare* «дѣлать равнымъ», ср. *liber* «свободный»: *liberare* «дѣлать свободнымъ, освобождать»; *vastus* «пустой: *vastare* «дѣлать пустымъ, опустошать»; *novus*: *novare*, *sacer*: *sacrare* напр. foedus и мн. др.).—Что̀ сферы употребленія глаголовъ *aequare exaequare* и глаголовъ вѣсить въ значительной степени соприкасаются, это извѣстно: ср. напр. aurum auro expendetur, argentum argento exaequabitur (Plaut. *rud.* 1073) и мн. др.

Теперь мы остановимся на одной общераспространенной метафорѣ, свойственной какъ глаголамъ «вѣсить», такъ и глаголамъ «мѣрить». Именно, они легко получаютъ оттѣнокъ «цѣнить, обдумывать, думать». Для глаголовъ «мѣрить» оба значенія, какъ основное, такъ и метафорическое, существовали уже въ индоевропейскую эпоху. Возьмемъ, во первыхъ, инд.-европ. корень *mē-*: д. д. *mā-* значитъ не только «мѣрить», но также «сравнивать»; изъ сложныхъ—*anu-mā-* значитъ «заключать изъ чего»; *upa-mā-*, между прочимъ, «сравнивать» *sam-mā* «мѣрить, сравнивать, судить». Греч. μῆτις умъ, разсудокъ совѣтъ=д. и. *mātis*, англо-сакс. *mæ∂* «мѣра», гр. μητίομαι «обдумывать»; лат. *mētior* «мѣрю». Наряду съ *mē* въ индоевроп. языкѣ существовалъ глагольный корень **mĕd-* сохранившійся въ европейскихъ языкахъ и обозначавшій какъ «мѣрить», такъ и «думать»: гр. μέδομαι μήδομαι μέδων μεδέων при μέδιμνος; лат. *meditor* при *modus*, *modius;* др. ирл. *midiur* «cogito judico», *mess* «judicium»; гот. *mitan mat*, др. верхн. нѣм. *mezzan*, нов. нѣм. *messen*; гот. *miton*, др. в. н. *mezzôn* «ermessen, bedenken» (Fick Vergl. Worterb. I⁴ 512).

Если мы на почвѣ отдѣльныхъ языковъ уже не найдемъ такого глагола «мѣрить», который вмѣстѣ съ тѣмъ значилъ бы «думать», то это объясняется дифференціаціей между нѣсколькими параллельными образованіями, изъ которыхъ одно получило значеніе «мѣрить», другое—преимущественно значеніе «цѣнить». Съ подобной дифференціаціей мы встрѣтимся и по отношенію къ глаголамъ «вѣсить» въ романскихъ языкахъ.

Что касается глаголовъ «вѣсить», то они во всѣхъ индоевроп. языкахъ имѣютъ значеніе «взвѣшивать» въ смыслѣ «обдумывать». Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ, нисколько не претендуя на полноту, тѣмъ болѣе излишнюю, что

данное явленіе—общеизвѣстно. Въ греч. языкѣ интересно σταθμάομαι: ср. Aristoph. *Ran.* 796: ταλάντῳ μουσικὴ σταθμήσεται (будетъ оцѣнена), Plato *Lysid.* 205 a: τούτων δέ τι, ἔφη, σταθμᾷ (цѣнишь ли), ὦ Σώκρατες, ὧν δὲ λέγει; Soph. *Oed. R.* 1111: εἰ χρή τι κἀμὲ... σταθμᾶσθαι (предположить, высказать предположеніе), τὸν βοτῆρ' ὁρᾶν δοκῶ, ὅνπερ πάλαι ζητοῦμεν. Her. IX 37: ἐμηχανᾶτο ἀνδρηιώτατον ἔργον πάντων τῶν ἡμεῖς ἴσμεν ·σταθμωσάμενος γάρ (сообразивъ, подумавъ) ὅκως ἐξελεύσεταί οἱ τὸ λοιπὸν τοῦ ποδὸς ἀπέταμε τὸν ταρσὸν ἑωυτοῦ. VII 214: τοῦτο γὰρ τῷδε χρὴ σταθμώσασθαι, ὅτι... (слѣдуетъ заключить изъ того, τῷδε...). Ср. ibid. II 2, VIII 130, III 15, IV 58, VII 10, 11, 237.

exigo. Cael. ap. Cic. *fam,* 8, 6, 1: ad summam veritatem legitimum jus (ср. exigere materiam ad regulam et libellam) и мн. др.; ср. особ. *examen* и *examino.*

pendo. Cic. *or.* 16: in philosophia res spectatur, non verba penduntur. Id. *Rosc. Amer.* 22: rem levi conjectura p.

pensito. Liv. 4, 41: pensitanda quoque magnis animis atque ingeniis essent. Tac. *a.* 3, 52: saepe apud se pensitato, an coerceri tam profusae cupidines possent.

penso. Liv. 34, 49: ex factis non ex dictis amicos pensent. 22, 51: ad consilium pensandum temporis opus esse.

pondero. Cic. *de or.* 3, 37: verborum delectum aurium quodam iudicio ponderare и пр.

perpendo. Lucr. 2, 1042: aliquid acri judicio; judicare et perpendere (Q. Cic. *pet. cons.* 6), ср. пр. composita съ *pendo* и *penso*; *libro.* Stat. *Theb.* 9, 165: paulum stetit anxius heros librabatque metus.

Въ такомъ же значеніи употребляется въ позднемъ языкѣ и *trutinō* (отъ гр. τρυτάνη). Ср. наконецъ прилагательныя и нарѣчія, произведенныя отъ перечисленныхъ глаголовъ: *librate, perpense* и др. съ значеніемъ «обдуманно».

Итакъ, всѣ глаголы «вѣшать» допускали въ лат. языкѣ два значенія «взвѣшивать», «обдумывать». Въ романскіе языки перешелъ глаголъ *pēnsāre* (съ фонетич. утратой носового элемента передъ *s*), повидимому, съ обоими значеніями: ср. ит. *pesatamente* «обдуманно», *pesare* не только въ смыслѣ «вѣсить, взвѣшивать», но и въ смыслѣ «анализировать», румынск. *pasa* «думать, без-

покоиться» (Körting Lat. rom. Worterb. 6023). Надо однако замѣтить, что романскій глаголъ **pesare*, вообще говоря, имѣетъ почти исключительно непереносное значеніе «взвѣшивать, вѣсить». Потеря второго значенія «обдумывать, думать» объясняется тѣмъ, что почти всѣ романскіе народы снова заимствовали изъ лат. языка глаголъ *pensare*, и отличили его отъ **pesare* тѣмъ, что *pensare* получило значеніе только «думать», *pesare*—только «взвѣшивать, вѣсить».

Разборъ значеній глаголовъ «вѣсить» мы могли бы сдѣлать болѣе подробнымъ, но это было бы, можетъ быть, слишкомъ элементарной работой: что эти глаголы и выраженія во всѣхъ языкахъ имѣютъ приблизительно одни и тѣ же переносныя значенія,—это извѣстно каждому.

Перейдемъ къ другимъ примѣрамъ и прежде всего остановимся на значеніяхъ греч. ἀγών, такъ какъ анализъ этихъ значеній заставитъ насъ разобрать цѣлый рядъ словъ, болѣе или менѣе принадлежащихъ къ тому кругу представленій, въ которомъ употребляется ἀγών.

Мы знаемъ, что въ классическомъ языкѣ ἀγών было извѣстно преимущественно какъ nomen actionis: «игры», «процессъ», «собраніе» (κοινοὺς ἀγῶνας τιθέναι Aesch. *Ag.* 818). Уже судя по суффиксу, такое значеніе врядъ ли могло быть особенно древнимъ: вообще при помощи даннаго суффикса образовывались nomina agentis или отчасти nomina instrumenti (напр., σκίπων или σκίμπων «палка» отъ σκίμπτω «подпираю», φαγών «челюсть» отъ φαγεῖν и др.), если только это были имена не средняго рода (Brugmann Grundriss, II § 114). Если мы предположимъ, что однимъ изъ древнѣйшихъ значеній ἀγών было инструментальное, то отъ инструментальнаго значенія мы легко перейдемъ къ значенію локальному (см. ниже, глав. III, § 3). Именно это значеніе мы и находимъ у Гомера—идетъ ли рѣчь о собраніи гражданъ, боговъ или о сборномъ пунктѣ для кораблей и пр. Только одинъ разъ намъ встрѣчается у Гомера (*Od.* 8, 258 sq.) это слово въ слѣдующемъ сочетаніи: αἰσυμνῆται δὲ κριτοὶ ἐννέα πάντες ἀνέσταν δήμιοι, οἳ κατ' ἀγῶνας εὖ πρήσσεσκον ἕκαστα, λείηναν δὲ χορόν, καλὸν δ'εὖρυναν ἀγῶνα. Что въ послѣдней фразѣ ἀγών обозначаетъ

мѣсто состязанія, это ясно уже изъ εὔρυναν; но выраженіе κατ' ἀγῶνας нѣсколько неопредѣленно: комментаторы переводятъ здѣсь κατά черезъ *bei*, т. е. «при играхъ, во время игръ». Можетъ быть, это и вѣрно, но, съ другой стороны, мы знаемъ сходные обороты, гдѣ κατά имѣетъ локальное значеніе, напр., *Od.* 19, 344: οὐδὲ γυνὴ ποδὸς ἅψεται ἡμετέροιο τάων αἵ τοι δῶμα κάτα δρήστειραι ἔασι. Если взглянуть на разбираемую фразу съ точки зрѣнія этого послѣдняго оборота, то ее придется перевести: «которые хорошо все устраивали на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходятъ состязанія», или, точнѣе, «на тѣхъ мѣстахъ, куда собирается народъ, чтобы смотрѣть на состязанія». Такое толкованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ экспертовъ-эсимнетовъ: все свое вниманіе они обратили исключительно на ту площадку, гдѣ должны были состояться танцы и состязанія: λείηναν δὲ χορόν, καλὸν δ'εὔρυναν ἀγῶνα... [1]).

Итакъ, по моему мнѣнію, въ данномъ стихѣ нѣтъ надобности разсматривать ἀγών какъ nomen actionis, а въ такомъ случаѣ можно утверждать, что въ гомеровскихъ поэмахъ ἀγών этого значенія не имѣетъ. Изъ болѣе поздняго языка ср. Hesiod. *Scut.* 312: τοῖσι δὲ καὶ προὔκειτο μέγας τρίπος ἐντὸς ἀγῶνος; Thuc. V 50: προελθὼν εἰς τὸν ἀγῶνα ἀνέδησε τὸν ἡνίοχον и пр.

Свое абстрактное значеніе ἀγών могло получить, во-первыхъ, по аналогіи ἀγορά. О какомъ бы собраніи ни шла рѣчь, съ ἀγορά соединялось представленіе не только о его мѣстѣ, но и томъ, что на немъ дѣлалось: съ одной стороны, ἀγορά значитъ «вѣче» и «рѣчь, произносимая на вѣчѣ», съ другой «рынокъ» и «торговля, продажа» (Aelian. *v. h.* IV, 1: ἀγορὰν παρθένων προκηρύττειν; Demosth. IV, 26, Xenoph. *Cyr.* IV 5 § 14 и пр.). И вотъ, по аналогіи съ ἀγορὰν τίθεσθαι (еще у Гомера *Od.* 9, 171) являются обороты ἀγῶνα τιθέναι (Her. II 91, Aesch. *Ag.* 818).—Прибавимъ, что такую же исторію имѣло и ἕδρα, первоначально конкретное слово. Что оно вообще было ассоціировано съ ἀγορά, это извѣстно; ср., напр., *Od.* 3, 31: ἷξον δ'ἐς Πυλίων ἀνδρῶν ἄγυρίν τε καὶ ἕδρας, ἔνθ'ἄρα Νέστωρ ἧστο σὺν υἱάσιν. Ibid. 8, 16: καρπαλίμως δ' ἔμπληντο

---

[1]) Прибавлю, что ἀγών еще разъ встрѣчается въ той же 8-и пѣсни Одиссеи и опять въ локальномъ значеніи: κοῦροι δ'ἐπιλήκεον ἄλλοι ἑσταότες κατ' ἀγῶνα (v. 380)

βροτῶν ἀγοραί τε καὶ ἕδραι ἀγρομένων. По аналогіи съ ἀγοράν ποιεῖσθαι (уже у Гомера *Iliad.* 8, 2) возникло ἕδρας ποιεῖν (засѣданіе) Andoc. I, 111 и др.

Возвращаемся къ ἀγων.

Употребляясь въ примѣненіи къ играмъ и состязаніямъ, ἀγών имѣло своими синонимами δρομος, χορός, ἄεθλος, ἄεθλον, στάδιον и пр. Припомнимъ, что ἀγών обозначало площадь, на которую собирались зрители игръ и на которой происходили игры, т. е. оно значило приблизительно то же, что στάδιον. Съ другой стороны δρόμος значило уже у Гомера не только «бѣгъ», но и «мѣсто бѣга» (напр., Od. 4, 605: ἐν δ' Ἰθάκῃ οὔτ' ἄρ δρόμοι εὐρέες οὔτε τι λειμών; ср. τρόχος у Eur. *Hippol.* 1133: ἐπιβαίνειν τὸν ἀμφὶ Λίμνας τρόχον). Благодаря этому, въ языкѣ игръ эти слова стали синонимическими. Ср. Eur. *Electr.* 883: ἥκεις οὐκ ἄχρειον ἔκπλεθρον δραμὼν ἀγῶν' ἐς οἴκους. *Medea* 1181: ἤδη δ'ἀνέλκων κῶλον ἐκπλέθρου δρόμου ταχὺς βαδιστὴς τερμόνων ἂν ἥπτετο.—ἔκπλεθρος ἀγών=ἔκπλεθρος δρόμος=στάδιον. Въ свою очередь, στάδιον нельзя разсматривать отдѣльно отъ δίαυλος (=2 στάδια), δολιχος (=20 στάδια).

Теперь, что значатъ выраженія δρόμον, ἀγῶνα, στάδιον δραμεῖν (послѣднее выраженіе мнѣ прямо неизвѣстно, но ср. σταδιοδρόμος, σταδιοδρομέω у Платона и др.)? Какъ видно уже изъ только что приведенныхъ примѣровъ, аккузативы ἀγῶνα δρόμον могли быть здѣсь accusativ'ами распространенія по пространству (ср. τὴν θάλατταν πλεῖν); но, съ другой стороны, въ выраженіи δρόμον θεῖν, δραμεῖν,—δρόμον могло пониматься и какъ винительный содержанія, благодаря чему и само δρόμος въ этомъ сочетаніи понималось какъ nomen actionis; а по аналогіи съ δρόμον, и ἀγῶνα въ подобномъ сочетаніи могло получить значеніе nominis actionis. Отсюда понятны такого рода обороты: δεινοὺς ἀγῶνας διὰ σὲ δεῖ κεῖνον δραμεῖν (Eurip. *Iph. A.* 1456); Ὀρέστην κεῖνον οὐχ ὁρᾷς πέλας στείχοντ' ἀγῶνα θανάσιμον δραμούμενον (Eur. *Orest.* 877); πολλοὺς πολλάκις ἀγῶνας δραμέονται περὶ σφέων αὐτῶν οἱ Ἕλληνες (Herod. VIII 102). Кажется, этимъ путемъ подготовляется оборотъ ἀγωνίζομαι ἀγῶνα, по аналогіи съ которымъ возникаетъ στάδιον (δίαυλον) ἀγωνίζεσθαι. ἀγών и ἀγωνίζομαι становятся синонимами къ ἅμιλλα ἁμιλλάομαι, съ другой стороны, къ ἆθλον въ смыслѣ «со-

стязаніе». Отсюда ведутъ начало обороты στάδιον (δόλιχον, δίαυλον) ἀμιλλᾶσθαι (у Платона, напр., *legg.* 833*a*); съ другой стороны, ἆθλον, или, точнѣе сказать, ἆθλα, по аналогіи ἀγών, δρόμος и пр., начинаетъ обозначать не только «состязанія» но и «мѣсто состязаній», напр., Plato *legg.* 868a: ὅστις δ'ἀν ἀκάθαρτος ὢν ἀγορᾶν τε καὶ ἆθλα καὶ τὰ ἄλλα ἱερὰ μιαίνῃ... Далѣе, στάδιον (δίαυλος, δόλιχος), по мѣрѣ накопленія оборотовъ, подобныхъ только что приведеннымъ, получаетъ уже устойчивое значеніе «состязаніе въ бѣгѣ», и отсюда становятся возможными обороты στάδιον (δίαυλον, δόλιχον) νικᾶν (ср. μάχην νικᾶν) и, кажется, даже ἀσκεῖν (ср. παγκράτιον ἀσκεῖν Plato *legg.* 795 b) [1]). Такимъ образомъ, цѣлый рядъ словъ, обозначающихъ собственно мѣсто состязанія, по указаннымъ причинамъ, получилъ значеніе «состязаніе». Такая же судьба постигла синонимическое съ этими словами γυμνάσιον: вообще говоря, слово это обозначаетъ «мѣсто, гдѣ происходятъ гимнастическія упражненія», но ср. Plato *resp.* 539 d: γυμναζόμενος τοῖς περὶ σῶμα γυμνασίοις,—оборотъ, напоминающій собою Xenoph *Cyr.* I 2 § 10: γυμνάζεσθαι ὁδοιπορίαις καὶ δρόμοις.

Наконецъ, къ нашимъ словамъ примыкаетъ, какъ синонимическое, θέατρον: въ языкѣ Новаго Завѣта оно обозначаетъ не только мѣсто, гдѣ даются представленія, но и самыя представленія, зрѣлища: Paul. *Cor.* I, 4, 9: δοκῶ γὰρ ὅτι ὁ Θεὸς ἡμᾶς τοὺς ἀποστόλους ἐσχάτους ἀπέδειξεν, ὡς ἐπιθανατίους, ὅτι θέατρον ἐγενήθημεν τῷ κόσμῳ. Такую же судьбу имѣло и θυμέλη: ср. Alciphron. II 3 § 16 (δραματουργεῖν τι καινὸν ταῖς ἑτησίαις θυμέλαις δρᾶμα).

---

[1]) Исторію ἀγών и т. п. нѣсколько напоминаетъ исторія κύκλος: между прочимъ, оно употреблялось о собраніи (ср. нѣм. *hring*, ἀγών и ἀγορά),—напр., Il. 18, 504· οἱ δὲ γέροντες εἵατ' ἐπὶ ξεστοῖσι λίθοις ἱερῷ ἐνὶ κύκλῳ; Sop. *Ai.* 736: ἐκ γὰρ συνέδρου καὶ τυραννικοῦ κύκλου Κάλχας μεταναστάς... По Поллуксу X 18 такъ называлась также часть рынка (ср. ἀγορά, нѣм. *hring*), ἵνα ἐπιπράσκετο τὰ σκεύη. Наконецъ, κύκλος употребляется, какъ синонимъ къ δρόμος: ὁ δ'ἅλιος ἐνιαυσίῳ χρόνῳ τὸν αὑτῷ κύκλον ἐκτελεῖ (Tim. Locr. 96e—судя по глаголу ἐκτελεῖ, κύκλος надо понимать, какъ nomen actionis, ср. Od. 10, 41: ὁμὴν ὁδὸν ἐκτελέσαντες)—ср. δρόμοι ἡλίου (Plato *Axioch.* 370 b). Сюда же, вѣроятно, относятся и такіе обороты, какъ σὲ δ'αὖ χρεών Παρράδιον οἰκεῖν δάπεδον ἐνιαυτοῦ κύκλον (Eur. *Or.* 1645) и, можетъ быть, Eur. *Helen.* 111. πόσον χρόνον γὰρ διαπεπόρθηται πόλις; (ΤΕΥ). ἑπτὰ σχεδόν τι καρπίμους ἐτῶν κύκλους, гдѣ Наукъ, на основаніи *Iph. Taur.* 81 (δρόμους τε πολλοὺς ἐξέπλησα καμπίμους), измѣняетъ καρπίμους въ καμπίμους.

Итакъ, для насъ достаточно выяснилось, что исторія слова ἀγών понятна только въ связи съ исторіей остальныхъ словъ, принадлежащихъ къ тому же самому кругу представленій.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ для подтвержденія этого положенія. Напр., выраженія βαλεῖν ἔξω ἀγῶνος Pind. *P.* 1, 44 (=παρα σκόπον) или ἔξω τοῦ ἀγῶνος «неумѣстно»—находятъ себѣ аналогію въ слѣдующихъ оборотахъ съ ὁρόμος: τροχοδινεῖται δ'ὄμματ' ἐλίγδην, ἔξω δὲ ὁρόμου φέρομαι λύσσης πνεύματι μαργῷ, γλώσσης ἀκρατής (Aesch. *Prom.* 885); πυθέσθαι δ'οὐδέν ἐστ' ἔξω ὁρόμου, πόθεν χοὰς ἔπεμψε (Id. *Choeph.* 514); ср. у Платона *Crat.* 414b ἐκτὸς ὁρόμου φέρεσθαι и иллюстрацію къ этому обороту у Эсхила *Choeph.* 1021: ἀλλ' ὡς ἂν εἰδῆτ', οὐ γὰρ' οἶδ' ὅπῃ τελεῖ ὥσπερ ξὺν ἵπποις ἡνιοστροφῶ ὁρόμου ἐξωτέρω· φέρουσι γὰρ νικώμενον φρένες δύσαρκτοι. Выраженіе ἀγὼν μάχης (Soph. *Trach.* 20) напоминаетъ собою гомеровское ἔρις πτολέμοιο (дѣло въ томъ, что ἔρις у Гомера и Геродота также употреблялось о состязаніяхъ), ἀγὼν λόγων (Soph. *Electr.* 1482)—ср. съ ἄμιλλα λόγων (Eur. *Hec.* 226), ἀγὼν τῶν ὅπλων Ἀχιλλείων («изъ-за оружія», Soph. *Ai.* 1219) ср. съ гомеровскимъ ἔρις ἀέθλων (букв. «изъ-за приза», *Odyss.* 8, 210) или съ ἄμιλλα λέκτρων (Eurip. *Hipp.* 1141).—Наконецъ, обороты ἐν τῷ μεγίστῳ ἀγῶνι περὶ τοῦ σώματος καθέστηκα или νῦν γὰρ περὶ ψυχῶν τῶν ὑμετέρων ὁ ἀγών параллельны съ оборотами τρέχειν περὶ ψυχῆς (Herod. 9, 37. ср. 8, 74), τὸν περὶ ψυχῆς ὁρόμον ὁραμεῖν (Arist. *Vesp.* 376); ср. Iliad. 22, 159: οὐκ ἱερήιον οὐδὲ βοείην ἀρνύσθην, ἅ τε ποσσὶν ἀέθλια γίγνεται ἀνδρῶν, ἀλλὰ περὶ ψυχῆς θέον Ἕκτορος ἱπποδάμοιο.

Съ такого же рода явленіями мы встрѣтимся и на латинской почвѣ—въ языкѣ игръ и зрѣлищъ. Такъ, одно изъ словъ этого языка—*curriculum* значило не только «мѣсто, на которомъ состязаются въ бѣгѣ», но и «бѣгъ», «состязанія въ бѣгѣ». Такое новое значеніе раздѣляютъ наравнѣ съ *curriculum* и остальныя слова этого спеціальнаго языка, что заставляетъ разсматривать ихъ вмѣстѣ. Прежде всего бросается въ глаза тѣсная ассоціація *curriculum* съ *spatium*, собственно «протяженіе, пространство», а въ языкѣ игръ «площадь опредѣленнаго размѣра, на которой происходятъ состязанія». Ср. deflexit jam aliquantum de *spatio curriculoque* consuetudo majorum (Cicer.); me ex constituto *spatio*

defensionis in semihorae *curriculum* coegisti (Cicer.); exiguum *vitae curriculum* natura *circumscripsit*, immensum gloriae (Cicer.)=quibus regionibus *vitae spatium circumscriptum est* (id.); recte et honeste *curriculum* vivendi a natura datum *conficere* (Cic.): ср. disparibus temporibus eadem *spatia conficiunt* stellae (Cic. *n. d.* I 31, 87— ср. у него же curricula solis et lunae) и пр.

Но *spatium* обозначало не только «пространство», но и «движеніе по пространству»: ср. Ovid. *halieut.* 68: septem spatiis circo meruere coronam; или duobus tribusve spatiis factis (о прогулкѣ — Cic. *de orat* I 7, 28); cum essent perpauca inter se uno aut altero spatio collocuti (id. *r. p.* I 12; ср. у него же *spatium* въ смыслѣ «мѣсто для прогулки, аллея», напр. Academiae non sine causa nobilitata spatia и пр.). Этому вторичному значенію благопріятствуютъ различныя неясныя сочетанія, вродѣ *conficere spatia*: дѣло въ томъ, что при *conficere* могло быть дополненіемъ какъ конкретное существительное, такъ и nomen actionis (ср. conficere ambulationem, cursum, iter; съ другой стороны Verg *Georg.* II 541: conficere aequor spatiis immensum). И вотъ, по аналогіи съ *spatium*, и *curriculum* могло пріобрѣсти значеніе «бѣгъ», напр quod sine curriculo et sine certatione corporum fiat (Cic.); curricula ludorum circensium sollemnia septem esse (Gell.). Плавтъ употребляетъ даже curriculo currere (δρόμῳ ἰέναι). Ср. также переносные обороты: in artis curriculum descendere (судя по глаголу descendere,—curriculum имѣетъ здѣсь конкретное значеніе «арена, школа»); съ другой стороны: hae sunt exercitationes ingenii, haec curricula mentis (Cic.). Въ этомъ пунктѣ *curriculum* явно соприкасается съ *ludus*, которое обозначало не только «игры», но и «мѣсто упражненія въ нихъ, школу»; въ виду этого нѣтъ ничего мудренаго, что абстрактныя значенія *curriculum* выработались не только подъ вліяніемъ *spatium*, но и подъ вліяніемъ *ludus*. Упомянувъ о послѣднемъ, нельзя не отмѣтить и *palaestra*, которое очень рано заимствовано римлянами у грековъ—первоначально въ конкретномъ значеніи «мѣсто для упражненія въ борьбѣ, школа вообще». Уже у Теренція это слово встрѣчается какъ nomen actionis: fac periclum in litteris, fac in palaestra, in musicis (*Eunuch.* 476); ср. далѣе corporaque agresti nudant praedura palaestrae (Verg. *Georg.* II 53); habuit vires agrestes ille

quidem atque horridas sine nitore ac palaestra (Cic.); numerus (ритмическая форма) quasi quandam palaestram et extrema lineamenta orationi attulit (id.), discere palaestram (Quinctilian.) [1]) и пр. Подобно вышеприведеннымъ словамъ, и *arena*, собственно «песчаное мѣсто», въ языкѣ игръ могло употребляться не только о площади, на которой происходили состязанія, но, повидимому, также о самихъ состязаніяхъ: сюда, можетъ быть, принадлежатъ такіе обороты, какъ operas arenae promittere (Tacit.); scaenae arenaeque devotus (Sueton.), особенно municipalis arenae perpetui comites (Juvenal. 3, 34; comites здѣсь, вѣроятно, «участники въ муниципальныхъ состязаніяхъ»: ср. comes fugae и пр.).

По ассоціаціи идей я обращаюсь къ *spectaculum* и *scaena*. Первое изъ этихъ словъ, обозначавшее съ давнихъ поръ, между прочимъ, «мѣста для зрителей, театръ» (уже Plaut. *Curcul.* 653: exoritur ventus turbo, spectacula ibi ruunt), можетъ обозначать также «зрѣлище, представленіе»: напр. nondum commisso spectaculo, spectaculum gladiatorium и пр. [2]) Второе слово *scaena*, заимствованное изъ греческаго (σκηνή) въ смыслѣ «театральные подмостки, театръ», мало по малу стало пріобрѣтать значеніе «представленіе, часть драмы»; очень характерно выраженіе Целія въ письмѣ къ Цицерону (ad fam. VIII 11 § 3): scaena totius rei haec est. Ср. также Apul. *Met.* 4 p. 154, 12: specta denique scaenam meae calamitatis; id. ibid. 8 p. 215, 29: turpissimam scaenam patefaciunt и мн. др.

Итакъ, мы видимъ, что греческія и латинскія слова, принадлежавшія къ языку игръ и зрѣлищъ, измѣнялись въ значеніи довольно однообразно, именно, при основномъ значеніи «мѣсто игръ, состязаній, бѣга», они развивали значеніе «игры, состязанія, бѣгъ». — По поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, вродѣ στάδιον, ἀγών, *spatium*, *curriculum*, надо однако замѣтить, что это второе значеніе могло въ нихъ развиться даже независимо отъ употребленія ихъ въ языкѣ игръ и состязаній: они могли ассоціироваться съ обозначеніями «пути, дороги вообще». Что ка-

[1]) Ср. наше *школа*, нѣм. *Schule* въ выраженіяхъ „человѣкъ съ хорошей школой", „Ein Mann von guter Schule"; Schule=Schulung) и пр.

[2]) Пассивное значеніе *spectaculum* можно, впрочемъ, объяснить и другимъ путемъ: см. объ этомъ въ 3-й главѣ.

сается этихъ послѣднихъ словъ, то они, повидимому, во всѣхъ языкахъ допускали производное значеніе «движеніе по пути, по дорогѣ»; при чемъ весьма вѣроятно, что такое значеніе развилось изъ нѣкоторыхъ двусмысленныхъ синтактическихъ сочетаній. Начнемъ, для наглядности, съ русскаго языка. *Путь* и *дорога* обозначаютъ у насъ собственно пространство, по которому ходятъ или ѣздятъ. Но, напр., такое выраженіе, какъ *я утомился отъ дороги*, значитъ «я. у. отъ путешествія по дорогѣ», хотя первоначальный смыслъ этого выраженія былъ, несомнѣнно, конкретный: «пространство, которое я прошелъ или проѣхалъ, утомило меня» Или, напр., *на пути (на дорогѣ) со мной случилось несчастіе*; первоначальный смыслъ этого выраженія, какъ показываетъ уже самый выборъ предлога, былъ конкретный: «на одномъ изъ пунктовъ дороги или пути»; но мы обыкновенно понимаемъ такое выраженіе въ смыслѣ «во время путешествія». Выраженія *собираюсь въ путь*, *въ дорогу* совершенно равносильны выраженію *собираюсь въ путешествіе.*

Ту же исторію имѣетъ и латинское *via*; основнымъ значеніемъ, кажется, будетъ «дорога, улица» (qui mihi ex his locis viam aut semitam monstret? или decedere de via, viam sternere и пр.); вѣроятно, это значеніе сохранялось въ извѣстную эпоху и въ выраженіи *inter vias*, именно въ ту эпоху, когда *inter* имѣло мѣстное значеніе; но какъ только въ *inter* выработалось значеніе темпоральное, то *inter vias* стало значить «во время путешествія» (ср. нѣм. *Weg* при *unterwegs*); ср. еще *fessus de via* и мн. др. Нѣчто подобное было у поэтовъ со словами *semita* «тропинка» и *trames* «окольный путь» [1]): *cito* decurrit *tramite* virgo (Verg. *Aen.* V 610), *semita velox* Lunae *pigraque* Saturni (у Клавдіана).

Итальянское *strada*, собственно «мостовая» (изъ лат. *strata*, напр. *strāta viarum*), «улица», въ выраженіи *far la strada* (ср. *far il cammino*) «дѣлать путешествіе, идти» употребляется на правахъ nominis actionis.

То же самое надо сказать о санскритскихъ словахъ *čaritram* и *yātra* (отъ *čar-* «двигаться» и *yā-* «идти»): первоначальное

---

[1]) Оба слова были несомнѣнно ассоціированы другъ съ другомъ, какъ показываетъ dat. plur. *semitibus* (по аналогіи съ *tramitibus*) въ C. I. L. III 5524.

значеніе этихъ словъ «средство къ движенію» сохранилось въ *čaritram* «нога»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оба слова обозначаютъ также мѣсто движенія, т. е. путь и отсюда «движеніе, путешествіе».

Такія слова, какъ *spatium*, *curriculum*, будучи несомнѣнно ассоціированы со словами вродѣ *via*, могли получить по аналогіи съ этими послѣдними значеніе nominis actionis. Въ свою очередь, аналогіей съ *curriculum* надо объяснять такое значеніе въ *reverticulum* (ср. у Апулея annua reverticula solis съ Цицероновымъ curricula solis et lunae). Столько же къ *via*, сколько къ *curriculum*, примыкаютъ далѣе *meaculum* («ходъ» у Марціана Капеллы), *remeaculum* и *demeaculum* (у Апулея *Met.* 6 p. 174: per famulorum tuorum draconum pinnata curricula .. et illuminarum Proserpinae nuptiarum demeacula et luminosarum filiae inventionum remeacula—sc. deprecor).

Вообще, благодаря синтактическимъ сочетаніямъ, понятія «дорога» и «движеніе по ней» во многихъ случаяхъ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, хотя бы оно по происхожденію своему было исключительно nomen actionis. Напр., *гуляніе* обозначаетъ какъ процессъ прогулки, такъ и мѣсто для прогулки; *ходъ*=1) движеніе (*дѣлать что-либо на ходу*), 2) мѣсто движенія (*идти тѣмъ или другимъ ходомъ, черный ходъ*); оба значенія имѣетъ лат. *ambulatio*, собственно «процессъ хожденія»,—съ другой стороны ср. *ambulatio tecta*, *operta*; *ambulatiuncula*. Въ позднелат. языкѣ синонимомъ къ глаголу *ambulare* сдѣлался глаголъ *gestari*, получившій значеніе «двигаться, гулять»; сообразно съ этимъ, и *gestatio* получило, ко временамъ Плинія, значеніе «мѣсто прогулки» (hortum et gestationem videt, qua hortus includitur). Лат. *actus*, собственно nomen actionis, обозначаетъ также «выгонъ»; ср. далѣе *gradatio*, *descensus*, *aditus*, *meatus*, *transitus*, *transitio*, м. б. *iter* (iter facere, съ другой стороны iter munire; середину образуютъ обороты вродѣ in itinere, гдѣ *in* можно понять и въ мѣстномъ и во временномъ значеніи). Лат. nomen actionis *cursus* «бѣгъ» въ итальянскомъ языкѣ (*corso*) значитъ «улица» и мн. др. Въ греч. языкѣ можно указать, кромѣ выше разобранныхъ ὁρόμος и τρόχος, на ὁδός (οὗτοι ἔπειθ' ἁλίη ὁδὸς ἔσσεται *Od.* 2, 273; но ὁδὸς ἁμαξιτός, ὁδὸς εἰς ἄστυ); м. б. κέλευθος (*Od.* I 195:

δή γάρ μιν ἔφαντ' ἐπιδήμιον εἶναι σὸν πατέρ', ἀλλά νυ τόν γε θεοὶ βλάπτουσι κελεύθου; Aesch. *Pers.* 747: τὴν δ'ἐβούλευε κέλευθον ἀνύειν; съ другой стороны, κέλευθος употребляется въ смыслѣ «дорога»; ἔκδυσις, ἔκβασις — ср. ὁδός, εἴσοδος, ἔξοδος (у Геродота II 123 γ—ἔκδυσις является противоположеніемъ къ ἔσοδος), κατάρευξις, ὑπόδυσις, διάβασις (1) nom. actionis, 2) «мостъ») и мн. др. Изъ древне-инд. яз. можно указать *gatis gantus*, *srutis* «движеніе», но также «дорога». Изъ языка Авесты: *gao-yaotis* «выгонъ» (ср. *actus*), *pešus* «мостъ» (ср. διάβασις); ср. также нѣм. *Trift* «выгонъ», *Fuhrt* «переправа», *Gang* «ходьба», но напр., *ein bedeckter Gang*. Литовскій языкъ: *getis*, *genestys* «выгонъ», *traktis* (*trauktis*) «движеніе, торговая улица» отъ *traukti* «двигать, тащить» (ср. лат. *tractus*) и т. д. и т. д. [1]).

Въ заключеніе этой главы я приведу еще одинъ примѣръ, показывающій, до какой степени необходима предварительная классификація изучаемыхъ словъ по тѣмъ сферамъ представленій, къ которымъ они принадлежатъ.

Возьмемъ слова *столъ*, *блюдо*, гр. τράπεζα, лат. *mensa*, *ferculum*, *poculum*, фр. *table*, *plat*, нѣм. *Tisch*, *Tafel*, *Schüssel* и др. Прежде чѣмъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію, остановимся на этимологіи лат. *mensa*, нѣм. *Tisch* и *Schüssel*. *Tisch* есть заимствованіе изъ лат. *-discus* (въ свою очередь заимствовано изъ греч.—δίσκος) «плоскій подносъ кругообразной формы». Въ германскихъ языкахъ это слово получило значеніе какъ «блюда», такъ и «стола»: старое значеніе «блюдо» сохранилось еще въ древне-

---

[1]) Для окончательнаго разъясненія nominum actionis, переходящихъ въ nomina loci, я отмѣчу еще одно синтактическое сочетаніе, благопріятствующее этому переходу. Дѣло въ томъ, что nomina actionis въ извѣстныхъ сочетаніяхъ (напр., съ глаголами *существовать*, *не существовать*, *давать*, *лишать*) пріобрѣтаютъ такой оттѣнокъ, котораго они не имѣютъ сами по себѣ, а именно они обозначаютъ въ этихъ сочетаніяхъ не столько процессъ дѣйствія, сколько возможность дѣйствія: ср. „предоставить кому-либо *выборъ*“, αἵρεσις ἔστι μοι, testamenti *factionem* (права дѣлать) non habere, dare alicui *orationem* (право, возможность говорить), dare per agros urbesque suas *transitum* и пр. Но возможность „идти, двигаться“, разсматриваемая конкретно, равносильна „пути, дорогѣ“. Возьмемъ выраженіе *aditus ad templum non est:* его можно понять двояко—1) къ храму нѣтъ *доступа*, 2) къ храму нѣтъ *дороги*.

верхне-нѣм. *tisc*, англо-сакс. *disk* («Schussel, Schale, Tisch»). Такимъ образомъ, древніе германцы не проводили строгаго различія между «блюдомъ» и «столомъ»—по причинамъ культурно-историческимъ: какъ «столъ», такъ и «блюдо» были въ сущности однимъ и тѣмъ же—доской, которая въ одномъ случаѣ имѣла ножки, въ другомъ—ихъ не имѣла. Указаннаго различія не проводили, какъ мы увидимъ, и другіе древніе народы. То же слово *discus* перешло и въ романскіе языки и здѣсь точно также допускало два значенія: итал. *desco* «столъ», прованс. *des*, древ. фр. *deis dois* также «столъ», но румынское *disc* значитъ «тарелка», «подносъ», «тазъ» (Körting Lat.-rom. Worterb. № 2605, Kluge Etym. Wörterb. d. deutsch. Spr.[5] подъ *Tisch*). Ср. далѣе лат. *scutula* или *scutella* «плоское блюдо, плоская подставка подъ блюдо», которое, перешедши въ германскіе языки, также допускало два значенія: новонѣм. *Schüssel* значитъ «блюдо», но древне-сканд. *skutell* обозначаетъ не только «блюдо» но и «маленькій столъ» (Kluge, ibid. подъ *Schussel*). Въ связи съ этимъ стоитъ, вѣроятно, и то обстоятельство, что готы, заимствовавъ изъ лат. языка *mensa* (въ формѣ *mes*), обозначали имъ одинаково какъ «блюдо», такъ и «столъ»: viljau ei mis gibais *ana mesa* haubiþ Iohannis (Marc. VI 25, cf. ibid. § 28)=θέλω ἵνα μοι ὡς ἐξαυτῆς ἐπὶ πίνακι τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου; jah *mesa* skattjane jah sitlans þize frabujandane ahakim usvaltida (Marc. XI 15)= καὶ τὰς τραπέζας τῶν κολλυβιστῶν καὶ τὰς καθέδρας τῶν πωλούντων τὰς περιστερὰς κατέστρεψε. Оба эти значенія *mes* перешли и въ славянскіе языки, которые заимствовали это слово, въ формѣ *миса*, у германцевъ: въ чешскомъ и русскомъ языкахъ слово это обозначаетъ «тарелка», но въ словинскомъ «столъ». Наконецъ, приведу еще одинъ примѣръ, который показываетъ, что древніе народы не дѣлали различія между *столомъ* и *блюдомъ*: готскому biuþs «τράπεζα» соотвѣтствуетъ въ древне-скандинавскомъ *biodhr*, *biodr* «discus», «блюдо». Въ славянскихъ языкахъ, которыми было заимствовано у германцевъ это слово, оно имѣло также два значенія: ср. съ одной стороны наше *блюдо*, съ другой—лужицкія: *blido* Tisch, *boże blido* Gottestisch, Abendmahl, *za blidom sedźic* zu Tische setzen, *blidne towarstwo* Tischgesellschaft, *blidować* tafeln, schmausen, *blidnik* Tischgast, *blidarʹ* Tischler и пр. (Pful Wendisch.

Worterb. p. 32). Эти соображенія даютъ намъ правильную точку зрѣнія на лат. *mensa*: это есть причастіе отъ *mētiri* «мѣрить»— съ подразумѣваемымъ *tabula*—«доска», и отсюда либо «блюдо», либо «столъ» [1]). *Tabula mensa*, въ виду этого, могло значить «опредѣленнаго размѣра столъ или блюдо», или «опредѣленнаго размѣра порція кушанья, лежащая на столѣ или на блюдѣ»; т. е. это было нѣчто въ родѣ греч. δαὶς εἴσῃ: ср. лат. *metiri* въ такихъ выраженіяхъ, какъ metiri frumentum exercitui (Cic.), metiri vinum (Horat.). Отправляясь отъ *mensa tabula*, мы, кажется, поймемъ тотъ характерный фактъ, что въ классическомъ языкѣ столъ или лавка банкира обозначались либо черезъ *mensa*, либо черезъ *tabula*.

Приступая теперь къ семасіологическому разбору приведенныхъ въ началѣ этого экскурса словъ, отмѣтимъ, что всѣ они безъ исключенія допускаютъ метонимію: «то, что находится на столѣ или на блюдѣ». Ср. *постный, скоромный столъ, любимое блюдо* въ смыслѣ *любимое кушанье*, *добъдъ изъ пяти блюдъ*. Для греч. τράπεζα (буквально «нѣчто, имѣющее четыре ножки») ср. Herod. I 162: Ἅρπαγον Ἀστυάγης ανόμω τραπέζῃ (мясомъ его ребенка) ἔδαισε; Plat. *Resp.* III 404 d: Συρακοσίαν δὲ τράπεζαν (кушанья) καὶ Σικελικὴν ποικιλίαν ὄψου, ὡς ἔοικας, οὐκ αἰνεῖς; ср. еще τράπεζα ψυχρά (о холодной закускѣ), πρῶται δεύτεραι τράπεζαι и др. Для лат. *mensa* ср. mensae farreae (родъ пирожковъ); primae, secundae mensae, напр. Ovid. *Med.* IX 92: tulit mensas. *felicia poma*, secundas. *Ferculum* собственно значило «то, въ чемъ или на чемъ несутъ»: носилки (для ношенія spolia opima и пр.), далѣе «подносъ», «блюдо», и затѣмъ съ обычной метониміей «кушанье», напр. Iuven. I 94: quis fercula septem secreto cenavit avus; Horat. *sat.* II 6 v. 104: multaque de magna superessent fercula cena. Лат *poculum* значило «то̀ изъ чего пьютъ», «кубокъ», затѣмъ «то, что находится въ кубкѣ», напр. Verg. *Georg.* III 258: pocula sunt fontes liquidi; Horat. *epod.* V 37: exsecta uti medulla et aridum jecur amoris esset poculum. Ibid. XVII 79: possim crematos excitare mortuos desiderique temperare pocula

[1]) Объясненіе *mēnsa* изъ *mēnsa tabula* принадлежитъ, если не ошибаюсь, Іоганну Шмидту.

(cf. Hor. *carm.* I 20, 10; *temperare* болѣе умѣстно о жидкости). Такая же метонимія существуетъ и въ другихъ языкахъ: ср. *выпить рюмку водки* вмѣсто *выпить водку, находящуюся въ рюмкѣ* и пр. Для французскихъ *table* и *plat* можно указать слѣдующіе примѣры: tenir table; avoir la table et le logement chez quelqu'um; j'avais une table esquise; un plat de viande (мясное блюдо), un plat de légumes. Нѣмецкія *Tisch* и *Tafel* (примѣры изъ словаря Гримма): man hat da einen guten Tisch; er hat mir seinen Tisch angeboten; schreib mir, ob du ein Zimmer in Wandsbeck für mich miethen kannst, und wie viel der Tisch kostet; der truckene Tisch «prandium sine vino». — Seine Neigung zu einer guten Tafel (Göthe). Unser Furst gab grosse Tafel (Göthe). Freie Tafel haben, offene Tafel halten и пр. Ср. также *Nachtisch* «дессертъ». Укажу еще готское *biuþs* (этимологія неясна), съ одной стороны, въ сочетаніи undaro biuda (Marc. VII 28=ὑποκάτω τῆς τραπέζης), af biuda (Luc. XVI 21=ἀπὸ τῆς τραπέζης), съ другой стороны, въ выраженіи ni magu þ *biudis* fraujins *fairaihan* jabbiudis skohsle (1 Cor. X 21=οὐ δύνασθε τραπέζης Κυρίου μετέχειν καὶ τραπέζης δαιμονίων).

Благодаря этой метониміи, разобранныя слова приблизились по значенію къ словамъ *обѣдъ, кушанье*, δεῖπνον, *cena, promulsis, vinum; diner, repas, mets, Mahlzeit, Gericht.* Тѣ и другія слова стали оказывать вліяніе другъ на друга: по аналогіи съ выраженіями *выйти изъ за стола, сидѣть за столомъ* возникли выраженія *выйти изъ за обѣда, сидѣть за обѣдомъ*; или напр. латинское выраженіе *vina coronare* (Verg. *Aen.* I 724) возникло, очевидно, подъ вліяніемъ *coronare cratera* (id. *Georg.* II 528). Такого же происхожденія Тертулліановская метонимія *promulsis* въ смыслѣ «подносъ, блюдо» (*pall.* 5), вмѣсто *promulsidare* или *ferculum* и пр.

Съ другой стороны, подъ вліяніемъ словъ *обѣдъ, ужинъ*, слова *столъ, блюдо* могутъ употребляться какъ nomina actionis, причемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ такое употребленіе можетъ быть очень широкимъ: дѣло зависитъ отъ того, какую роль получаетъ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ дифференціація. Для наглядности начнемъ съ русскаго языка. Составными частями *обѣда* или *ужина* являются *блюда* или *кушанья* (*жареное, пирожное* и т. п.); далѣе, *чай, кофе, завтракъ, обѣдъ, ужинъ* составляютъ совокупность всѣхъ

питательныхъ веществъ, принимаемыхъ человѣкомъ въ теченіе дня. Часть изъ этихъ словъ, будучи nomina actionis, обозначаетъ также отдѣльные моменты нашего времяпрепровожденія; по аналогіи съ ними, и другія слова, напр.: *чай, кофе, блюдо, кушанье* получаютъ новую функцію: ср. выраженія *послѣ чая* (=послѣ чаепитія) *я отправился гулять; выпить вина передъ вторымъ блюдомъ или послѣ него; приглашать кого-нибудь къ столу* (=*къ обѣду*; идея мебели здѣсь отсутствуетъ). Въ древне-русскомъ языкѣ были еще болѣе смѣлыя сочетанія. напр.: *и прилучися у царя въ то время на нищихъ столъ* (Дювернуа Матеріалы для словаря др.-русск. яз., ст. 201); ср. въ былинахъ: «И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь, пошелъ во свѣтлы гридни, сажалъ за убраны столы, тутъ для Алеши и *столъ пошелъ*» (Кирша Даниловъ [2], стр. 193)=«Втапоры для Потока Михайлы Ивановича и *сто ъ пошелъ*» (ibid. 221) Тамъ же, стр. 280: «У того то князя Воротынскаго какъ и будетъ и почестный столъ». Не менѣе интересны примѣры, гдѣ *столъ* употребляется какъ синонимъ къ *столованье, пиръ, пированье*: «У царя у благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости» (ibid., 293). «Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ, что у ласкова, сударь, князя Владиміра, а и было пированье почестной пиръ, было столованье почестной столъ» (стр. 85). «А и будетъ день въ половину дня, княженецкій *столъ во полу столъ*» (ibid.); ср.: «Будетъ день въ половина дня, будетъ *пиръ во полу пиръ*» (стр. 123); еще лучше: «Будетъ пиръ во полу пирѣ, будетъ столъ во полу столѣ» (стр. 161). «А какъ *столъ отойдетъ*, и *по обѣдѣ* господинъ и гости потомужъ веселятся и пьютъ другъ про друга за здоровья, розъѣдутся по домомъ» (изъ Котошихина, Буслаевъ Истор. Хр. 1225) «И сидячи *за столомъ, за обѣдомъ*» (ibid. 1227.) «А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора цяса и поспѣть *ко столу* княженевскому и *къ тому обѣду* къ воскресенскому» (Арханг. былины, Буслаевъ ibid. 1562). «Еще *столъ идетъ* да во полу столѣ, еще пиръ идетъ да во полу пирѣ» (ibid. 1571).

Что касается греч. τράπεζα, то я не могу привести вполнѣ ясныхъ примѣровъ его употребленія какъ nomen actionis; впрочемъ довольно характерно выраженіе μετέχειν τραπέζης въ процитированномъ нами отрывкѣ изъ 1-го Посланія къ Коринѳянамъ: вообще говоря, мы находимъ при μετέχειν и κοινωνεῖν въ каче-

ствѣ дополненія — nomen actionis, и данное выраженіе напоминаетъ собою какое нибудь μετέχειν τῆς ἑορτῆς (Xenoph. *Anab.* V 3 § 9), κοινωνεῖν τῆς σιτήσεως (у Динарха). Интересно было бы знать, какъ возникло русское выраженіе *во время трапезы*: есть ли это буквальный переводъ съ греческаго (византійской эпохи), или же это оборотъ, развившійся на русской почвѣ? Въ новогреч языкѣ τραπέζη неизвѣстно въ подобныхъ сочетаніяхъ, но это можетъ не служить доказательствомъ противнаго: ср. исторію нашего *столъ*.

Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ латинскими словами. Для *mensa* мы имѣемъ очень хорошіе примѣры изъ Курція и Флора. Bessus circumferri merum largius jubet, debellaturus *super mensam* (во время обѣда) Alexandrum (Curt. VII 4 § 7); ср. у него же *super cenam* (VI 11 § 27, VIII 12 § 7), *super vinum* et *epulas* (VIII 4 § 30). Flor. IV 2 § 69: *super mensam et pocula* [1]) Кстати, изъ этихъ примѣровъ видно, что *poculum*, получивъ сходное значеніе съ *vinum*, прошло съ нимъ одинаковую исторію, т. е. наравнѣ съ нимъ могло употребляться какъ nomen actionis. Изъ болѣе ранней эпохи мы имѣемъ для *poculum* очень хорошій примѣръ у Цицерона *Phil.* II 25 § 63: si inter cenam *in* ipsis tuis immanibus illis *poculis* hoc tibi accidisset, quis non turpe duceret? Здѣсь это *in*, особенно въ виду inter cenam, приходится понимать въ темпоральномъ значеніи и, слѣдовательно, разсматривать *poculum* какъ nomen actionis.— Аналогіей со стороны *poculum* объясняется позднѣйшее *potaculum* или, лучше сказать, plur. *potacula* «пьянство, бражничество» (Tertull. *apol.* 39, *res carn.* 4).

Что касается *vinum*, то оно еще раньше приняло значеніе nominis actionis. Ср. Plaut. *Aul.* 793: ego me injuriam fecisse filiae fateor tuae, *per vinum* atque impulsu adulescentiae. Id. *Mil.* 631: neque *per vinum* umquam ex me exoritur discidium in convivio. Terent. *Haut.* 567: vel heri *in vino* (во время попойки) quam immodestus fuisti. Catull. 50, 6: uterque nostrum ludebat numero modo hoc modo illoc, reddens mutua *per iocum* atque *vinum*. Id. 12: Marrucine Asini, manu sinistra non belle uteris *in ioco*

[1]) *Super* съ accus. въ позднемъ народномъ языкѣ приняло значеніе „въ теченіе, во время“. Ср. еще Stat. *Theb.* I. 676: non super hos Divum tibi sum quarendus honores (ты не долженъ распрашивать меня во время приношенія мною жертвы богамъ).

atque *vino*. Cicer. *Ac. pr.* II 16 § 51: quae fieri solere concedimus sive in quiete, sive *per vinum*, sive per insaniam. Horat. *carm.* I, 18, 5: quis *post vina* gravem militiam aut pauperiem crepat? (Ср. *sat.* II 40, 60: *post vinum; ep* I, 7, 28: *inter vina* въ смыслѣ inter bibendum) и мн. др. Для полноты латинскаго отдѣла можно еще указать *cibus* «хлѣбъ», слово первоначально конкретное, но въ позднемъ языкѣ (напр., у Светонія) употреблявшееся, судя по сочетанію *cibus meridianus* (обѣдъ въ полдень), какъ nomen actionis [1]). Но гораздо интереснѣе остановиться на тѣхъ характерныхъ семасіологическихъ явленіяхъ, которыя могутъ быть поняты, главнымъ образомъ, въ связи съ исторіей *vinum*. Съ *vinum* находилось въ нѣкоторой ассоціаціи *lustrum*, слово конкретное, но точно также сдѣлавшееся nomen actionis: ср. *vino lustrisque confectus* «истощенный пьянствомъ и распутной жизнью»; еще лучше Cicer. *pro Caelio* 23 § 57: quis enim hoc non videt, judices, aut quis ignorat, in eius modi domo, in qua... *lustra*, libidines, luxuries, omnia denique inaudita vitia ac flagitia versentur, hic servos non esse servos? Переходной ступенью къ отвлеченному значенію могли быть обороты, въ родѣ is apud scortum *corruptelae* et *liberis lustris* studet (Plaut. *Asin.* 5, 2, 17) и пр.

Во вторыхъ, установивши, что *vinum* еще съ древней эпохи выработало значеніе nominis actionis, мы поймемъ особенности въ значеніи нѣкоторыхъ прилагательныхъ, на—*ōsus*. Тѣ изъ этихъ прилагательныхъ, которыя были образованы отъ nomina actionis, обозначали не только то, что субъектъ надѣленъ извѣстной дѣятельностью, но и то, что онъ склоненъ къ ней: *perfidiosus* «склонный къ измѣнѣ», *sumptuosus* «склонный къ издержкамъ, расточительный». Точно также и *vinosus* (еще у Плавта *Curc.* 79), по скольку оно относилось къ *vinum* «пьянство», значило «склонный къ пьянству». По аналогіи съ *vinosus*, такой же оттѣнокъ значенія имѣютъ *mulierosus* (уже у Плавта *Poen.* 1303 и др.), *virosus* (у Луцилія, Афранія) и, по аналогіи съ этими послѣдними, позднее *puerosus*. Дѣло въ томъ, что въ извѣстныхъ оборотахъ мысли *vinum*, *viri*, *mulieres* могли быть синонимами, т. е. могли одинаково разсматриваться какъ объекты наслажденія.

---

[1]) Ср. Paul.-Fest. Th. d. Pon. 279: *meridianum cibum* cenam appellabant.

Это отступленіе прервало первоначальный ходъ мысли, и намъ приходится напомнить читателямъ, что слова, обозначавшія нѣкоторые предметы столовой утвари, благодаря метонимическому значенію («то, что находится на столѣ, на блюдѣ и пр.») ассоцировались со словами «обѣдъ, ужинъ» и, по аналогіи съ этими послѣдними, сами могли употребляться, какъ nomina actionis. Во французскомъ языкѣ мнѣ мало извѣстно подобное употребленіе,— если не считать выраженій admettre quelqu'un *à la table* и т. п.

Зато въ нѣмецкомъ языкѣ такое употребленіе словъ *Tafel*, *Tisch* чрезвычайно распространено. Кромѣ выраженія zur Abendtafel ziehen, zur Tafel rufen, ср. особенно: über Tisch, uber Tafel (во время обѣда: ср. den ganzen Tag *über* и лат. super mensam); ich wil uns nun her schaffen viel bessern Wein (als den getrunkenen Tischwein) *nach dem Tisch* («послѣ обѣда»—Kaufringer). *Nach Tische* (послѣ обѣда) komme ich selbst (Gothe). Er sollte *vor Tische* ein wenig spazieren gehen. — Es ist eine Torheit die Danksagung Gott *vor* und *noch dem Tische* underlossen (Keisersberg). Sie sung *vor der Tafel* (передъ обѣдомъ) eine Arie.—Das Gespräch schlich *während der Tafel* nur mühsam hin.. Wohin die Königin *nach der Tafel* sich begiebt и пр. и пр.

Все предыдущее изложеніе, можно надѣяться, убѣдило читателя въ томъ, до какой степени важна предварительная классификація семасіологическаго матеріала по тѣмъ сферамъ представленій, къ которымъ относится этотъ матеріалъ. Послѣдній примѣръ, а также примѣры изъ юридическаго языка наводятъ на мысль, что спеціальные жаргоны (Klassensprachen) у всѣхъ народовъ имѣютъ болѣе или менѣе сходный синтаксисъ, и остается только пожелать, чтобы въ этомъ направленіи были произведены тщательныя изслѣдованія. Но въ ожиданіи подобныхъ изслѣдованій можно рекомендовать темы, болѣе исполнимыя и отчасти уже исполненныя: 1) какую семасіологическую судьбу имѣетъ въ различныхъ языкахъ слово, соотвѣтствующее такому-то понятію; 2) какъ выражается въ различныхъ языкахъ такое-то понятіе.

Что касается перваго пункта, то мы уже обратили вниманіе на статью Freund'a (Verhandl. der 7. Versammlung deutscher Philologen). Съ этой же точки зрѣнія очень интересенъ экскурсъ

въ статьѣ Фреде Zur homerischen Wortforschung (Bezzenbergers Beiträge XX, Hft. 3—4, pp. 185—228) по поводу αὔτως «напрасно»: сопоставляя это слово съ αὔσιος (изъ * αὔτιος) и съ нѣмецкимъ *öde*, авторъ съ основаніемъ замѣчаетъ, что переходъ отъ значенія «пустынный» къ значенію «напрасный, ничтожный» — очень легокъ и наблюдается во многихъ языкахъ: ср. κενός, *cassus*, *inanis*; прибавимъ *vacuus* (напр. Tacit. *h.* I 30: si respublica ac populus *vacua* nomina sunt), русское *пустой*, *по-пусту*.

Ко второму пункту относится новая, очень интересная работа Бругмана Die Ausdrucke für den Begriff der Totalitat in den indogermanischen Sprachen (Leipzig, 1894). Не входя въ ея подробности, обратимъ вниманіе хотя бы на ту ея часть, въ которой показано, какъ понятіе «весь, цѣлый», вырабатывалось въ различныхъ индо-евр. языкахъ изъ понятія «цѣльный, неповрежденный». Примѣры: *integer* (букв. «нетронутый»—въ родствѣ съ глаголомъ *tango*) въ выраженіи *integer annus* и въ романскихъ языкахъ (фр. *entier*, ит. *intero* и пр.); др. инд. *sarvas* (гр. ὅλος «весь») при сущ. *sarvatāti*—«благополучіе, здоровье»; др. инд. *an-ūna-s*—отъ *an* (не) + *ūna-s* «тотъ, кому чего-либо недостаетъ»; нѣм. *heil* (въ діалектахъ) при основномъ значеніи «здоровый»; ст.-слав. **цѣлъ** (родственно съ *heil*); прл. *slán* при основномъ значеніи «здоровый»; латышское *wessels* «здоровый» (напр. *wessela ādа* «здоровая кожа»), «цѣлый» (*wessela glāse* «цѣлый стаканъ», *wessels gads* «integer annus, «цѣлый годъ») и др.—Очень большой матеріалъ для подобнаго рода работъ даетъ нѣмецкій указатель къ латино-романскому словарю Кертинга. Наконецъ, не могу не упомянуть объ очень хорошей по мысли и по богатству матеріала (къ сожалѣнію, не всегда строго провѣреннаго) брошюрѣ Энгельберта Шнейдера Ueber der Ausdruck der Gefuhle (Mainz, 1892, progr.—во многихъ пунктахъ эта брошюра соприкасается съ извѣстной книгой Бехтеля Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen, 1879). Основное содержаніе этой брошюры слѣдующее: люди могли говорить о своихъ чувствахъ только метафорами; эти метафоры распадаются въ общемъ на два класса: 1) вмѣсто ощущенія—въ языкѣ обозначается внѣшній симптомъ, съ которымъ ощущеніе связано, или наглядное дѣйствіе, въ которомъ ощущеніе обнару-

живается; 2) вмѣсто ощущенія — въ языкѣ выражается причина ощущенія. Примѣры первой категоріи довольно многочисленны: φοβέομαι φέβομαι «пугаюсь» собственно значитъ (еще у Гомера) «бѣгу»; чувство стыдливости обозначается по внѣшнему симптому — краскѣ на лицѣ: лат. *rubor* значитъ не только «краснота», но и «стыдъ» (Cic. *de or.* II 59, 242: praestet idem ingenuitatem et ruborem suum); нѣм. über etwas erröten=sich schamen. Чувство зависти въ латинскомъ языкѣ обозначается, между прочимъ, словами *livere* и *livor*. первоначальное значеніе которыхъ «быть зеленымъ», «зеленый цвѣтъ» и мн. др. Къ примѣрамъ второй категоріи относятся лат. *labor* «работа» и отсюда результатъ ея «утомленіе, страданіе», нѣм. *Elend* «горе» собственно значитъ «чужая земля, чужбина» и мн. др.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

На стр. 32 мы сказали, что сложныя и производныя слова надо строго отличать отъ словъ первичныхъ. Во введеніи былъ приведенъ примѣръ, изъ котораго видно, что новообразованіе по аналогіи, распространяясь на несложныя слова, не задѣваетъ словъ сложныхъ: таково *Rauchwerk* при *rauh* (стр. 8). То же самое наблюдается и въ семасіологіи: нѣмецкій глаголъ *schrecken*, значившій нѣкогда «скакать, прыгать», теперь имѣетъ значеніе «пугать»; но это новое значеніе не распространяется на сложное *Heuschrecke* »стрекоза» (Kluge Wörterb.[5] подъ *Schreck*). Равнымъ образомъ, сопоставляя глаголъ сложный съ соотвѣтствующимъ несложнымъ, мы часто рискуемъ уравнять двѣ величины неравныя. Возьмемъ κλώθω и ἐπικλώθω: несложный глаголъ, при переносномъ значеніи (о паркахъ, прядущихъ нить судьбы; ср. еще τὰ κλωσθέντα «судьба, участь», безъ упоминанія о паркахъ, у Платона *legg.* XII 960 c.), всегда сохраняетъ значеніе основное «прясть»; между тѣмъ какъ ἐπικλώθω извѣстно только въ переносномъ употребленіи (о паркахъ и о богахъ, предрѣшающихъ судьбу человѣка—уже у Гомера *Il.* 24,525 и очень часто въ Одиссеѣ). Совершенно такая же разница наблюдается и между

νέω и ἐπινέω. Возьмемъ примѣръ еще болѣе характерный: ἐπιτέλλω въ смыслѣ «поручаю, приказываю» (τινί τι) совершенно отдѣлилось отъ τέλλω, которое имѣло основнымъ значеніемъ, повидимому, «приводить въ движеніе», intr. «приходить въ движеніе» (ср. περι-τέλλομαι «вращаюсь», напр. ἔτεος περιτελλομένου Od. 11, 295 и др.; ἀνατέλλω «produco»: ἀμβροσίην ἀνέτειλεν ἵπποις Il. 5,777; ὕδωρ Pind. I. 5,72. Διόνυσον ἀνέτειλας id. I, 6. 5 (о произведеніи на свѣтъ Діониса); «восхожу» о солнцѣ и пр.). Приблизительно такая же разница наблюдается въ ἵημι и ἐφίημι въ смыслѣ «позволяю», «поручаю» (напр. Il. 23. 82: ἄλλο δέ τοι ἐρέω καὶ ἐφήσομαι), отчасти въ ὀκήπτω (между прочимъ, «устремляюсь», напр. Aesch. *Ag.* 293: λίμνην δ'ὑπὲρ Γοργῶπιν ἔσκηψεν φάος, также transitiv. Eur. *Med.* 1333: τὸν σὸν ἀλάστορ' εἰς ἐμ' ἔσκηψαν θεοί) и ἐπισκήπτω (напр. Soph. *Oed. R.* 252: ὑμῖν πάντα ταῦτ' ἐπισκήπτω τελεῖν). Отсюда сама собой вытекаетъ необходимость сопоставлять сложное съ сложнымъ (въ данномъ случаѣ ἐπικλώθω съ ἐπινέω, ἐπιτέλλω съ ἐφίημι и ἐπισκήπτω). И дѣйствительно, если мы возьмемъ рядъ синонимическихъ глаголовъ, сложенныхъ съ однимъ и тѣмъ же предлогомъ, то мы увидимъ, что этотъ предлогъ сообщаетъ всѣмъ этимъ глаголамъ тотъ же самый оттѣнокъ. Напр. предлогъ ἐπί въ сложеніи съ глаголами *звука* придаетъ имъ оттѣнокъ согласія съ дѣйствіемъ, непосредственно передъ тѣмъ состоявшимся. Изъ гомеровскаго языка можно привести слѣдующіе примѣры: 1) ἐπ-αινέω, Il. 4, 29: οὔ τοι πάντες ἐπαινέομεν θεοὶ ἄλλοι; ср. особ. Il. 18, 412 (Ἕκτορι). Надо впрочемъ оговориться, что самый глаголъ αἰνέω требуетъ внимательнаго разбора. Этимологія его неизвѣстна; что касается значенія, то онъ рано, уже у Гомера, получилъ оттѣнокъ «прославлять, хвалить». Но первоначальнымъ значеніемъ его (ср. напр. Soph. *Phil.* 1380: ὦ δεινὸν αἶνον αἰνέσας) было несомнѣнно «говорить, разсказывать». Это отчасти видно изъ конструкціи ἐπαινεῖν τινι, отчасти изъ одного мѣста Одиссеи, именно: ὦ γέρον, αἶνος μὲν ἀμύμων, ὃν κατέλεξας, οὐδέ τί πω παρὰ μοῖραν ἔπος νηκερδὲς ἔειπες (14, 508). Хотя комментаторы и говорятъ, что die vorhergehende Rede kulminiert in dem Lobe des Odysseus, однако, уже въ виду καταλέγω, лучше принимать αἶνος въ смыслѣ «разсказъ». Еще яснѣе παρ-αινέω τινί: и по конструкціи и по

значенію («утѣшаю, ободряю, совѣтую») этотъ сложный глаголъ вполнѣ напоминаетъ παρα-μυθέομαι, παρ-αυδάω (Od. 11, 488: μὴ δή μοι θάνατόν γε παραύδα), παρά-φημι (Il. 1, 577: μητρὶ δ'ἐγὼ παράφημι... πατρὶ φίλῳ ἐπὶ ἦρα φέρειν Διί), παρεῖπον (ср. имена παράφασις, παράρρητος); по значенію къ παραινέω подходитъ также παρηγορέω.—Итакъ, αἰνέω значило «разсказывать, говорить», между прочимъ, «разсказывать, говорить о комъ», а отсюда легко могло выработаться значеніе «прославлять кого». Тоже надо сказать и объ αἶνος: это, вѣроятно, было vox media вродѣ κλέος, которое, между прочимъ, значило «слово, вѣсть, разсказъ»,—отсюда «слава» (въ томъ и другомъ значеніи).—Возвращаемся къ глаголамъ, сложнымъ съ ἐπί: 2) ἐπι-στενάχομαι, напр. Il. 4, 154: τοῖς δὲ βαρὺ στενάχων μετέφη ξκρείων Ἀγαμέμνων, χειρὸς ἔχων Μενέλαον· ἐπεστενάχοντο δ' ἑταῖροι (въ знакъ сочувствія). 3) ἐπ-ευφημέω, напр. Il. 1, 22: ἔνθ ἄλλοι μὲν πάντες ἐπευφήμησαν Ἀχαιοί... 4) ἐπιάχω, напр. Il. 7, 403: ὣς ἔφαθ', οἳ δ' ἄρα πάντες ἐπίαχον υἷες Ἀχαιῶν. 5) ἐπ-ηπύω, Il. 18, 502: λαοὶ δ' ἀμφοτέροισιν ἐπήπυον. 6) ἐπι-κελαδέω, Il. 8, 542: ὣς Ἕκτωρ ἀγόρευ', ἐπὶ δὲ Τρῶες κελάδησαν. 7) ἐπι-γδουπέω, Il. 11, 45: τῆλε δὲ χαλκὸς ἀπ' αὐτόφιν οὐρανὸν εἴσω λάμπ', ἐπὶ δ' ἐγδούπησαν Ἀθηναίη τε καὶ Ἥρη. 8) ἐπιληκέω, Od. 8, 379:... κοῦροι δ' ἐπιλήκεον ἄλλοι (въ тактъ).

Изъ болѣе поздняго языка можно привести: ἐπίφημι въ смыслѣ «одобрять» (у Эмпедокла); ἐπιβοήσεις καὶ κρότοι (Plut. *Arat.* 23); ἐπιφωνέω: по Гарпократіону—народное выраженіе вм. ἐπισημαίνεσθαι и ἐπαινεῖν; ἐπιθορυβέω (εὐμενῶς—Xen. *Hell.* II 3 § 50); ἐπιρροθέω, Eur. *Hec.* 553: λαοὶ δ' ἐπερρόθησαν (въ знакъ сочувствія); ἐπισημαίνω, Aesch. II 49: ἐπισημαινόμενον τὸν δῆμον καὶ δεδεγμένον τοὺς παρ' ἐμοῦ λόγους; ἐπισημειόω «апплодировать» (у Плутарха *Apophthegm. lac.* p. 243); ἐπικροτέω (τῷ χεῖρε или абсолютно); ἐπιψοφέω (поздн.)—тоже [1]).

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, до какой степени раціонально сопоставлять сложные глаголы не съ соотвѣтствующими простыми, но съ глаголами синонимическими и притомъ сложенными съ тѣмъ же самымъ предлогомъ. Мало того, не оставляя пока пред-

---

[1]) Глаголы ἐπιθορυβέω и ἐπιρροθέω, ἐπισημαίνομαι (въ позднемъ языкѣ) могутъ обозначать также „шумъ, какъ знакъ неудовольствія".

лога ἐπί въ сторонѣ, мы убѣдимся, что въ сложеніи съ глаголами онъ объединяетъ такіе глаголы, которые въ простомъ видѣ другъ съ другомъ не ассоціируются. Такъ, вышеупомянутый оттѣнокъ одобренія, согласія получаютъ глаголы: 1) ἐπι-νεύω, напр. Il. 15, 75: ἐμῷ δ' ἐπένευσα κάρητι, ἤματι τῷ, ὅτ' ἐμεῖο θεὰ Θέτις ἥψατο γουνῶν λισσομένη τιμῆσαι Ἀχιλλέα πτολίπορθον. 2) ἐπι-πταίρω, Od. 17, 545: οὐχ ὁράᾳς ὅ μοι υἱὸς ἐπέπταρε πᾶσι ἔπεσσιν; 3) ἐπι-μύω (Aristoph. *Vesp.* 934) «закрывать ротъ въ знакъ согласія» и пр. Ср. экскурсъ въ одной изъ статей Ѳ. Е. Корша (Фил. Обозр. VII 2, крит. отд., 193) о *reserare, resignare* и *recludere* по поводу Horat. *carm* I 24, 17 [1]).

---

[1]) Позволю себѣ дополнить соображенія почтеннаго автора однимъ параллельнымъ мѣстомъ изъ Проперція, которое бросаетъ свѣтъ на Гораціевское non lenis precibus *fata recludere*:

Tu modo, dum licet, o fructum ne desere vitae.
Omnia si dederis oscula, pauca dabis.
Ac veluti folia arentes liquere corollas,
Quae passim calathis strata natare vides,
Sic nobis, qui nunc magnum spiramus amantes,
Forsitan *includet* crastina *fata* dies (II 15, vv. 49—54).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приложеніе принципа ассоціаціи словъ, сходныхъ или противоположныхъ по значенію, къ морфологическимъ категоріямъ.

Еще во введеніи намъ приходилось говорить о томъ, что въ извѣстной морфологической группѣ словъ съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ наблюдаются, кромѣ общаго значенія для всѣхъ словъ этой группы, нѣкоторые спеціальные оттѣнки значенія. При этомъ опытъ показываетъ, что не каждое слово этой группы можетъ совмѣщать въ себѣ всѣ эти оттѣнки; наоборотъ, извѣстный оттѣнокъ значенія принадлежитъ только опредѣленному разряду словъ, связанныхъ между собою сходствомъ или противоположностью въ значеніи своихъ корневыхъ частей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

§ 1. *Латинскія существительныя на tā, tāt(i), tūt(i).* Эти существительныя какъ въ латинскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ обозначаютъ свойства, качества предметовъ (подробности у Бругмана Grundriss II §§ 80 и 102); но часть ихъ допускаетъ также собирательное значеніе, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, развивается при довольно опредѣленныхъ условіяхъ. Древнѣйшими латинскими примѣрами этого собирательнаго значенія являются *juventus* въ смыслѣ «молодежь, молодые люди» (напр. juventus attica у Плавта *Men.* 1), *affinitas* въ смыслѣ «свояки, родственники» (у него же въ *Trinumm.* 702: patriam deseras, cognatos, adfinitatem, amicos), *sodalitas* (у него же *Most.* 1126: nunc ego de sodalitate solus sum orator datus, qui a patre ejus conciliarem pacem). Эти существительныя произведены отъ субстантивированныхъ прилагательныхъ. Всѣ собирательныя имена съ тѣмъ же самымъ суффиксомъ изъ болѣе поздняго періода латинскаго языка—либо синонимы къ тремъ приведеннымъ словамъ либо образованы точно также отъ конкретныхъ существительныхъ или субстантивирован-

ныхъ прилагательныхъ. Таковы: *senectus* (semper agens aliquid, у Цицерона); *antiquitas* (въ см. antiqui) и по аналогіи съ нимъ *vetustas* (sic credidit alta vetustas у Силія) и *aetas* (въ см. «поколѣніе»); *gentilitas* (въ смыслѣ gentiles у Варрона и Плинія); *civitas* (напр. Helvetia); *servitus* (въ смыслѣ servi, у Горація *carm.* II 8, 18: servitus crescit nova); *nobilitas* (=nobiles «знать»); *societas* (=socii, напр. societas Bithynica, magister societatis); *vicinitas* (=vicini, напр. у Саллюстія: dum vicinitatem armis exornat, или у Цицерона: signum quod erat notum vicinitati); *familiaritas* (=familiares, напр. у Тацита *ann.* XV 50: e praecipua familiaritate Neronis); *captivitas* (=captivi, у него же *ann.* XI 23: nisi coetus alienigenarum, velut captivitas, inferatur in curiam); *pubertas* (=puberes, opp. *cani*, у Валерія Максима); *mortalitas* (=mortales «человѣчество» у Плинія и др.); *humanitas* (=humani «человѣчество» у Апулея и др.); въ позднѣйшемъ языкѣ также *rusticitas* въ смыслѣ rustici; *virginitas* (=virgines, напр. adulta virginitas, у Аммiана); *propinquitas* (=propinqui, у него же); *germanitas* «братья» и. вѣроятно, по аналогіи съ нимъ, *fraternitas* «братья» (оба слова извѣстны въ этомъ значеніи у Кипріана); *popularitas* въ смыслѣ «населеніе» у Тертулліана. Наконецъ, можно отмѣтить еще *paupertas* и *mendicitas*, которыя, повидимому, могли употребляться какъ собирательныя существительныя; для перваго ср. Plaut. *Aul.* II 2, 29: neque illo quicquamst alter hodie ex paupertate (=ex paupertibus) parcior; для второго ср. Cicer. *Vat.* 9, 23: e mendicitate (=e mendicis) emergere.

При такихъ же условіяхъ происходилъ переходъ соотвѣтствующихъ существительныхъ въ собирательныя—въ др.-индійскомъ языкѣ: ср. *bandhutā* «родство» въ см. «родственники» (отъ *bandhu-s* «родственникъ»), *devatā* (*ti-s*) «собраніе боговъ» (отъ *devas* «богъ»), *ǧanatā* «общество, народъ, человѣчество» (отъ *ǧana-s* «человѣкъ»).

Въ греческомъ языкѣ существительныя на -της, gen. -τητος, вообще говоря, оставались абстрактными, за исключеніемъ такихъ рѣдкихъ случаевъ, какъ νεότης въ смыслѣ «молодежь»; эти существительныя, какъ и въ другихъ языкахъ, соприкасались по значенію съ нѣкоторыми существительными на *-iā*, и, вѣроятно, между обоими классами именъ произошла дифференціація, въ силу которой собирательное значеніе стало развиваться въ греч. языкѣ

главнымъ образомъ у именъ на *-iā*: ср. приведенныя (на стр. 14) ὁμηλικίη, συγγένεια, также ἡλικία, θεραπεία, ὑπηρεσία, ἑταιρία и др.

Славянскихъ существительныхъ на *-tā* я пока не буду изслѣдовать, такъ какъ у меня недостаетъ матеріала главнымъ образомъ по исторіи этихъ именъ въ славянскихъ языкахъ. Кое гдѣ наблюдается такой же процессъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ: ср. малороссійскія *бидота* въ смыслѣ «бѣдняки», *жонота* въ см. «жёны», *дивота* = «дѣвушки» и пр. (Miklosich II p. 165). Въ русскомъ языкѣ эти имена, повидимому, дифференцировались со сходными по значенію именами на *-ство*, при чемъ собирательное значеніе—при такихъ же условіяхъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ,—развивается главнымъ образомъ у этихъ послѣднихъ: ср. *братство, товарищество, гражданство, человѣчество, духовенство* и *священство, папство, правительство, студенчество, крестьянство, дворянство* и мн. др.

Во всѣхъ выше приведенныхъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ индо-европейскими суффиксами, первоначальное значеніе которыхъ приходится лишь возстановлять путемъ сравненія соотвѣтствующихъ именныхъ категорій въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ. Но вышеизложенныя соображенія мы легко можемъ провѣрить на одномъ примѣрѣ, гдѣ первоначальное значеніе суффикса вполнѣ ясно. Мы имѣемъ въ виду нѣмецкія существительныя, обозначающія свойство,—на *-schaft*, *-keit*, *-heit*. Эти *-schaft*, *-keit*, *-heit* лишь въ новонѣмецкомъ языкѣ обратились въ суффиксы, но нѣкогда это были самостоятельныя слова, значившія «свойство» и т. п.; ср. напр. Kluge Etymol. Worterb. der deutsch. Sprache [5], p. 163: «*heit*. Fem.-Suffix für Abstraktbildungen in den westgerm. Dialekten; eigtl. ein selbständiges Wort: mhd. *heit*. F. «Art und Weise, Beschaffenheit», ahd. *heit*. M. F. «persona, sexus, Rang, Stand», angls. *hád*. M. «Stand, Geschlecht, Art und Weise, Eigenschaft», got. *haidus* M. «Art und Weise»... Часть существительныхъ на *-heit*, *-keit*, *-schaft* имѣетъ, какъ извѣстно, собирательное значеніе, которое появляется въ томъ случаѣ, когда имена на *-heit* и пр. произведены или отъ конкретныхъ существительныхъ или отъ субстантивированныхъ прилагательныхъ. Древнѣйшими примѣрами могутъ служить: др. верхне-нѣм. *liut-scaf* «natio», средне-верхне-нѣм. *heidenschaft* «die Sarazenen und ihr Land» (оба

примѣра взяты у Бругмана Grundriss II p. 434); у Лютера и въ простонародномъ языкѣ извѣстно коллективное значеніе для *Freundschaft*; изъ современнаго языка можно привести: *Geistlichkeit* «духовенство», *Christenheit* въ смыслѣ «христіане», *Menschheit* «человѣчество», *Dienerschaft* «прислуга», *Herrschaft* «господа» (напр. ist ihre Herrschaft zu Hause?), *Bürgerschaft*, *Bauernschaft* «крестьянство», *Studentenschaft*, *Nachbarschaft*, *Bekanntschaft*, *Verwandtschaft*, *Gesellschaft*, *Genossenschaft*, *Gesandtschaft*, *Mannschaft* (экипажъ корабля) и мн. др. Если не ошибаюсь, коллективное значеніе развивается преимущественно у именъ на *-schaft*: это объясняется, вѣроятно, дифференціаціей между конкуррирующими суффиксами *-schaft* съ одной стороны и *-heit*, *-keit* съ другой.

§ 2. *Причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога и nomina agentis.* Обѣ эти сферы довольно тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, и потому переходъ одной изъ нихъ въ другую представляетъ собою явленіе, хорошо извѣстное изъ различныхъ индо-европейскихъ языковъ. Такъ, съ одной стороны, еще въ индоевроп. эпоху субстантивировались слѣдующія причастія: д. инд. *ǵárant-* «ломкій, старый»: гр. γερων; сюда далѣе относятся названія «зуба»: д. и. *dant-*, *dat-*, гр. ὀδούς, ὀδών, лат. *dens*, лит. *dant-ì-s*, гот. *tunθ-us* (инд. евр. **dont*, **dn̥t*—Brugmann Grundr. II 373). Съ другой стороны, повидимому, еще въ индоевроп. эпоху въ nomina agentis на *-tor*, *-ter* различались двѣ формы, изъ которыхъ одна была преимущественно партиципіальной (д. инд. *vásūni dātā* «bona dans»), другая преимущественно субстантивной (*vasūnām dātā* «bonorum dator» – Brugmann ibid. 355). Далѣе, извѣстно, что въ древне-индійскомъ nomina agentis входили въ составъ сложной формы будущаго времени, напр. *bhavitāsmi*; сходное явленіе представляетъ лат. *datūrus sum* и пр.

Но при всей близости обѣихъ сферъ, переходъ извѣстнаго имени изъ одной сферы въ другую, естественно, сопровождается новымъ семасіологическимъ оттѣнкомъ, который въ этомъ имени вырабатывается; а именно, если причастіе обращается въ nomen agentis, то оно теряетъ оттѣнокъ ограниченія извѣстнаго дѣйствія во времени и обозначаетъ либо постоянное произведеніе

этого дѣйствія либо наклонность къ нему. Весьма важно при этомъ, что самый переходъ причастій въ nomina agentis происходитъ въ *опредѣленномъ направленіи*, т. е. распространяется только на нѣкоторыя опредѣленныя причастія съ опредѣленнымъ значеніемъ. Это видно отчасти изъ греческаго и латинскаго языковъ, но главнымъ образомъ изъ нѣкоторыхъ германскихъ нарѣчій.

Такъ, при ἑκών ср. ἄκων (ср. лат. *libens*), при χρείων ср. μέδων и прямо-противоположное по значенію θεράπων; позднѣе, по той же аналогіи—οἱ ἄρχοντες; въ юридич. яз. ὁ φεύγων при ὁ διώκων. Если иногда условія перехода и не совсѣмъ ясны, то по меньшей мѣрѣ можно указать аналогичный переходъ въ родственныхъ языкахъ; напр. параллелью къ греч. эпитету солнца φαέθων могутъ служить лат. *oriens*, *occidens* также о солнцѣ; или напр. параллелью къ названіямъ животныхъ, каково напр. δράκων, является лат. *serpens* и м. б. также общее названіе животныхъ *animans* [1]).

Латинскія субстантивированныя причастія также распадаются на группы такихъ именъ, которыя связаны между собою по значенію: напр. *potens* (ср. гр. χρείων, д. инд. *bhavant-* «господинъ» и различныя нѣмецкія обозначенія того же понятія, какъ напр. гот. *allwandans* «всемогущій» и пр.—см. ниже) хорошо ассоціируется съ прямо-противоположнымъ *cliens*, а въ другомъ значеніи съ *valens*, ср. далѣе *sons* (у Цицерона: punire sontes) при insons (у Саллюстія: insontes sicut sontes circumvenire); наконецъ, очень хорошимъ примѣромъ взаимной ассоціаціи могутъ служить *infans* (отъ *fari*) и *adulescens* (прецедентъ для этого перехода данъ еще въ индоевроп. **geront-*), къ которымъ, можетъ быть, примыкаетъ *parens* и т. д.

Что касается германскихъ языковъ, то я попытаюсь разработать матеріалъ, собранный у Зюттерлина Geschichte der Nomina agentis im Germanischen 1887 pp. 20 sq. Еще въ обще-

---

[1]) Впрочемъ θεράπων при θεράπαινα (ср. τέκτων: τέκταινα) и δράκων при δράκαινα (ср. еще λέαινα при лат. *leō*, *leōnis* и греч. λέων, λέοντος) были, вѣрнѣе всего, первоначальными nomina agentis съ основой на *-n-*.

германскую эпоху субстантивировались два причастія, обозначавшія «друга» и «врага»: гот. *frionds*, др. сакс. *friunt*, анг. сакс. *freónd* и др.; гот. *fijands*, англ. сакс. *feónd*, др. сакс. *fiunt* и др. Мимоходомъ отмѣтимъ, что такой же переходъ наблюдается и въ др. ирл. прич. *cara*, *care* «другъ» (Brugmann Gr. II 377). «Къ древнему времени восходитъ также», говоритъ Зюттерлинъ (ibid. 21), «др. норв. *hǫfundr* «Richter, Hauptmann», gen. *hǫfundar*, какъ это позволяетъ заключить видъ окончанія и флексія». Далѣе Зюттерлинъ приводитъ такія субстантивированныя причастія, которыя извѣстны изъ нѣсколькихъ діалектовъ. Въ виду важности этого небольшого перечня, я позволю себѣ процитировать его in extenso:

got. *allwaldans* «Allmächtiger», *gardawaldands* «Hausherr», ags. *wealdend* «imperator», as. *alowaldand*, *sakiwaldand* «Gegner», ahd. *allswaldande*, ahd. *waltant*.

got. *nasjands* «Heiland», ags. *nergiend;* vgl. ahd. *nerrendeo*.

ags. *âgend* «Besitzer«, an. *eigande*.

ags. *bûend* «Bauer», *neâhbûend* «Nachbar», *anbûend* «Ansiedler», engl. in *husband* «Gatte», an. *búande bonde* «freier Grundbesitzer; vgl. as. *erƀbûandi* «Erdbewohner», mnd. *bunde*, *bunne* «freier Bauer».

ags. *wigend* «Kämpfer», as. *wîgand*, afr. *wîgand*, ahd. mhd. *wîgand*.

ags. *hâlend* «Heiland», as. *hêliand*, ahd. mhd. *heilant*.

ags. *brimlîðend* «Seefahrer», as. *wâglîðand* «Schiffer»,

Присматриваясь къ этому перечню, мы видимъ, что имена, входящія въ его составъ, представляютъ собою, по большей части, новое выраженіе уже знакомыхъ намъ понятій. Такъ, параллелью къ обще-германскому *fijand-* «врагъ» является др. сакс. *sakiwaldand* «противникъ», а также англо-саксонск. *wîgend* «борецъ» и др. Идея «властителя», «владѣльца» (ср. an. *hǫfundr* и выше приведенныя имена изъ санскритскаго и греческаго языковъ) выражается черезъ гот. *allwaldands* и др., др. сканд. *búande* и др., англ. с. *âgend* и др.; идея «друга» находитъ себѣ выраженіе въ двухъ эпитетахъ Христа: гот. *nasjands* и др. англосакс. *hâlend* и др. «Спаситель». Особнякомъ стоитъ англ.-сакс.

brimlîcend и др. «морякъ». О сложныхъ съ **-bûend* надо замѣтить, что въ нихъ развиваются, подъ вліяніемъ предлоговъ, значенія «житель, сосѣдъ».

Всѣ эти примѣры, можетъ быть, такъ же, какъ обще-герм. **frīond-*, *fijand-*, восходятъ къ обще-германской эпохѣ; въ такомъ случаѣ, пришлось бы констатировать для самого прагерманскаго языка значительное вліяніе ассоціативной аналогіи на переходъ причастій въ nomina agentis. Но если разобранный перечень именъ и не восходитъ къ общегерманской эпохѣ, то дѣйствіе ассоціаціи уже очевидно въ несомнѣнныхъ общегерманскихъ примѣрахъ *frīond-* и *fijand-* (два прямо-противоположныхъ понятія).

Изъ отдѣльныхъ діалектовъ мы обратимся, прежде всего, къ готскому языку. Встрѣчавшіяся раньше понятія нашли здѣсь свое новое выраженіе въ *fraujinonds* «Herrscher», *fraweitands* «Rächer», м. б. *bisitands* «Umwohner» (ср. ags. *neâhbûend* и др.). Остальными субстантивированными причастіями обозначаются дальнѣйшіе эпитеты Христа и Іоанна Крестителя: *gibands* «Geber», *talzijands* «Lehrer», *midumonds* «Vermittler» (всѣ три о Христѣ), *daupjands* «Taufer», *merjands* «Verkündiger» объ Іоаннѣ). Готскіе примѣры взяты мною изъ той же книги Зюттерлина (21—22); изъ древнесаксонскаго онъ приводитъ: *lêriand* «Lehrer», vgl. ags. *âlâ̂rend* «Gesetzeslehrer», *helmberand* «Krieger», *râ̂dand* «Rater», ср. ags. *râ̂dend* «Berater». Изъ этихъ словъ *helmberand* родственно по значенію съ англо-сакс. *wîgend* «Kämpfer» и др.; идея «учителя» выражается сходнымъ образомъ и въ другихъ германскихъ нарѣчіяхъ; для идеи «совѣтника» сходныя выраженія существуютъ въ англосаксонскомъ нарѣчіи, къ которому мы вскорѣ и перейдемъ. Болѣе опредѣленныя заключенія объ этихъ древнесаксонскихъ примѣрахъ трудно сдѣлать какъ въ виду ихъ крайней малочисленности, такъ и въ виду того, что Зюттерлинъ не привелъ тѣхъ сочетаній, въ которыхъ они засвидѣтельствованы. Переходимъ теперь къ англосаксонскому языку, изъ поэтической и прозаической литературы котораго Зюттерлинъ цитируетъ цѣлыхъ 100 примѣровъ (pp. 22—24) изучаемаго нами явленія. Такое богатство матеріала позволяетъ намъ съ бо́льшей увѣренностью, чѣмъ до сихъ поръ, выдвинуть роль аналогіи въ переходѣ причастій въ nomina agentis. Именно

бо́льшая часть этихъ примѣровъ распадается на слѣдующія группы:

Идея «врага»: *hettend*, *wiðerfeohtend* «Feind», *êhtend* «Verfolger», *wrecend* «ultor», *sc@ðða* «latro», *dr@fend* «Treiber, Jäger» (м. б. сюда же относится *spyrjend* «investigator»), *l@wend* «proditor», *lettend* «impeditor». Идея «борца»: *guð-fremmend* «Kampfer», съ которымъ далѣе ассоціируются названія воиновъ различнаго оружія: *rîdend* «Reiter», *sceótend* «Schütze».

Идея «врага» выражается далѣе такимъ словомъ, какъ *werjend* «Neider», и нѣсколькими юридическими терминами: *hyspend* «calumniator», *bêcnend* и *tâcnend* «index» (два послѣднихъ примыкаютъ къ *secgend* «relator»), *teónd* «accusator». Къ юридической же сферѣ (понятно, что слова, принадлежащія къ одной и той же сферѣ представленій, болѣе или менѣе ассоціируются другъ съ другомъ—см. объ этомъ въ предъидущей главѣ) относятся: *l@nend* и *borgjend* «faenerator», *gyltend* «debitor», *seðend* «stipulatorem», *borrhend* «fideijussor», *dêmend* «Richter»; изъ родственной государственно-правовой сферы засвидѣтельствованы: *dihtend* «dispensator», *edgildend* «renumerator», *bannend* «concionator».

Идея «друга», «спасителя», «помощника», «благодѣтеля»: *ðeccend*, *scyldend*, *werjend* «Beschützer», *helpend*, *geócend* «Helfer», *fultumjend* «adjutor», *alýsend* «Erlöser», *freólsjend* «liberator»; *gôddônd* «Wohlthäter», *sellend* «Spender»; *feormend* «purgator», «wer aus Gastfreundschaft Speise reicht».

Это послѣднее слово въ своемъ первомъ значеніи ассоціируется съ *belâdigend* «purgator»; противоположны по значенію: *fortihtigend* «incestator», *wemmend* «scortator», *forlicgend* «adulter»; въ свою очередь эти слова связаны съ *lufjend* «amator», *forl@dend* «seductor», *forspanend* и *forspennend* «leno».

Идея «начальника», «руководителя», «наставника» (въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ): *bebeódend* «imperator», *gŷmend* «gubernator», *wissjend* «rector», *reccend* «Lenker, Leiter», *rihtend*, *ferjend* «Fuhrer», *â@rend* «Gesetzeslehrer», *r@dend* «Berater», *ðeahtend* «consiliarius«, *bodiend* «hortator», *wrêhtend* «instigator», *bâdend* «impulsor», *stihtend* «Anstifter», м. б. *tihtend* «incentor».

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, бо́льшую часть англо-

саксонскихъ именъ; можно отмѣтить еще напр. *bûgjend* «incola» (ср. ags. *anbûend* и др.); что̀ касается остальныхъ именъ, то напр. *rô end* «Ruderer», съ одной стороны, ассоціируется съ такими словами, какъ *gỳmend* «gubernator», съ другой стороны, съ *fêrend* «Wanderer, Schiffer»; или напр. при *werjend* «Neider» ср. *onhỳrgend* «aemulator», «zelotypus»; другія слова также могутъ быть сведены къ небольшой группѣ понятій: напр. *onfônd*, *underfylgend* «susceptor», *costnigend* «tentator»; *settend* «Setzer, Gründer», *sceppend* (ср. ahd. *scepfant*) «Schopfer», *metend* «Messer. Schopfer», *stabôljend* «fundator»; *healdend* «Wachter», *forsewend* «provisor, speculator», (ср. *sceáwend* «is qui aspicit») *embwlâtend* «catascopus, inspector».

Незначительное количество прочихъ именъ не такъ легко разлагается на большія группы, но это, вѣроятно, неважно. можно думать, что благодаря массѣ прецедентовъ суффиксъ *-end* въ концѣ концовъ сталъ въ англосаксонскомъ языкѣ суффиксомъ *nominum agentis* и, слѣдовательно, въ позднюю эпоху языка могъ присоединяться къ любому глагольному корню; но первоначальный процессъ несомнѣнно заключался въ субстантивированіи причастій, которое при этомъ происходило въ опредѣленномъ направленіи.

Изъ остальныхъ германскихъ языковъ можно сказать нѣсколько словъ о древне-скандинавскомъ (altnordisch). Здѣсь встрѣчаются, во первыхъ, уже знакомыя намъ понятія: *hatend.* «hostes», *hefnendr* «ultores», *domendr* «judices», *haldendr* «qui tenent»; во вторыхъ, мы находимъ субстантивированіе причастій въ опредѣленныхъ, другъ съ другомъ синонимическихъ, сочетаніяхъ: напр. *hljótendr* (*sverðs*) «potitores, gestatores (gladii)», *hring- sverð- berendr* «gestores anulorum, gladii», (*randar linna*) *rogendr* «gestores gladiorum»; *hýrbíðendr* «ignem accipientes», *hýrtuelendr* «ignem consumentes» и пр. (Примѣры изъ Зюттерлина, 25—26)

§ 3. *Nomina agentis и nomina instrumenti.* Эти двѣ сферы, подобно предъидущимъ, также довольно близко соприкасаются другъ съ другомъ. Уже изъ современныхъ языковъ видно, что не только nomina agentis могутъ употребляться въ качествѣ nomina instru-

menti, но и наоборотъ, имена съ инструментальными суффиксами могутъ быть прилагаемы къ обозначенію одушевленныхъ предметовъ; примѣрами послѣдняго рода особенно богатъ русскій яз: *объѣдало*, *опивало*, *подлипало*, *громила*, *прижимала*, *запѣвала* и мн. др.

Но переходъ именъ изъ одной сферы въ другую совершается въ опредѣленномъ семасіологическомъ направленіи, какъ это особенно покажетъ исторія греческихъ nomina agentis. Въ самомъ дѣлѣ, въ греческомъ языкѣ имена, оканчивающіяся на -τωρ (отчасти -τω), -ων и εύς, (т. е. съ формальной стороны, nomina agentis)—могли употребляться для обозначенія, во первыхъ, членовъ тѣла, во вторыхъ, хозяйственныхъ принадлежностей; при этомъ, чѣмъ шире развивалось хозяйство домашнее и государственное, тѣмъ болѣе возрастало и число подобныхъ именъ. Исторія этого постепеннаго превращенія суффикса nominum agentis въ суффиксъ инструментальный интересна въ томъ отношеніи, что она показываетъ съ полной очевидностью, какъ почти каждый новый единичный переходъ изъ одной категоріи въ другую стоитъ въ связи съ аналогичными прецедентами въ предшествующемъ періодѣ языка.

Прежде чѣмъ обратиться къ отдѣльнымъ примѣрамъ, мы отмѣтимъ, что индо-европейскимъ (какъ, вѣроятно, и другимъ) народамъ вообще очень свойственно представленіе о частяхъ тѣла, какъ объ орудіяхъ соотвѣтствующихъ дѣйствій. Выборъ именъ съ инструментальными суффиксами для обозначенія частей тѣла начался еще въ индо-европейскую эпоху и продолжается до сихъ въ исторіи отдѣльныхъ языковъ.

Индо-европейскими примѣрами могутъ служить:

Гр. θη-λή «женская грудь», др. в. нѣм. *tila*, др. ирл. *del*.

Лат. *āla*, д. верхне-нѣм. *ahsala* «плечо», авест. *zaf-ra* n. «ротъ, пасть», др. сакс. *kaf-l*, англ. сакс. *ceafl* «Kiefer der Thiere».

Гр. κεφαλή при κέβλη—д. в. нѣм. *gebal* «Schädel, Kopf», гот. съ инымъ значеніемъ *gib-la* «Zinne, Giebel» (Примѣры изъ Brugmann'a Grdr. II 188, 190) и др.

Примѣры изъ отдѣльныхъ языковъ:

Др.-инд. *bharítram* «рука» (отъ *bhar* «носить»), *čarítram* «нога» (*čar* «ходить»), *çrotram* «ухо» (*çru* «слышать»), *daṣtrā* «зубъ» (*daç* «кусать»).

Лат. яз. *māla*, (щека), *maxilla* (челюсть), *mandibula* (челюсть), *ceretrum* (половыя части), *vertebra* (суставъ).

Лит. слав.: лит. *gy-sla* «жила» ст. сл. **жила** лит. *ûslỹs* «носъ» *ŭslė* «ноздри» отъ *ùdžiu*, «нюхаю».

Ст. сл. [1]) **грьло** и **жрѣло** «горло», **рыло**, **тѣло**, **чрѣсла**.

Ново-слов. *bilo* «артерія» (Schlagader), *zrklo*, *zrkalo* «глазное яблоко», *prdalo* «задъ», *poscalo* «penis bovis», *slišalo* «ухо».

Сербск. *стопало* «нога», *пьевало* «горло».

Русск. *ѣдало* «челюсть», *зевало*, *зевло*, *нюхало*, *чихало* и пр.

Этотъ нѣсколько длинный экскурсъ мы ввели для того, чтобы показать, что названія частей тѣла могутъ передаваться черезъ nomina agentis на общемъ основаніи съ остальными именами, обозначающими орудіе дѣйствія. Началась ли еще въ индо-европейскую эпоху передача названій частей тѣла черезъ nomina agentis,—это рѣшить трудно за недостаткомъ достовѣрныхъ примѣровъ. Можно только сослаться на индо-европейское обозначеніе «зуба» черезъ причастіе, перешедшее уже въ самомъ индо-европейскомъ языкѣ въ nomen agentis; равнымъ образомъ, м. б., не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что нѣкоторымъ названіямъ частей тѣла еще въ индо-европейскую эпоху былъ присвоенъ (правда, главнымъ образомъ, во вторичномъ употребленіи) суффиксъ, который собственно употреблялся для образованія nominum agentis,—именно суффиксъ *-en*—: ср. д. инд. *mūrdh-án*—m., англо-сакс. *mold-a* m. (Brugmann Grundr. II 326) «голова». Къ сожалѣнію, однако, этимологія этого слова неизвѣстна.

На почвѣ отдѣльныхъ языковъ этотъ процессъ лучше засвидѣтельствованъ: ср. напр. лат. *index* «указат. палецъ», *podex*, *mordex* (о зубахъ); или напр. въ простонародномъ нѣмецкомъ языкѣ «носъ» называется «нюхальщикомъ» (Riecher), между тѣмъ какъ русскій назвалъ бы его скорѣе «нюхаломъ» или «чихаломъ».

Изъ греческаго языка можно указать: οἱ τομεῖς «зубы рѣзцы», οἱ γνώμονες или οἱ φραστῆρες «зубы, по которымъ узнаютъ возрастъ животныхъ» (Poll. I 182: γνώμων γὰρ λέγεται ὁ ἀποπίπτων

[1]) Эти и нижеслѣдующіе примѣры для славянскихъ языковъ взяты изъ Миклошича Vergleich. Stammbildungslehre der slav. Sprachen 1875, стр. 92—101.

ὀδούς, τῆς ἡλικίας ὢν γνωριστικός), κραντήρ «послѣдній зубъ», κριτήρ «зубъ мудрости», ῥαίστωρ· κραντήρ Hesych., καμπτήρ «суставъ», μυκτήρ «носъ, ноздри» (у Геродота II 86: μυξωτήρ), προμυκτήρ «das äusserste Ende der Schnauze» (см. словарь Pape), φαγόνες· σιαγόνες, γνάθοι Hesych. (ср. у него же ῥαιστήρ· σφῦρα σιδηρᾶ μονοκέφαλος· τινὲς δὲ σιαγόνα), οὐρητήρ «мочевой каналъ» при οὐρήθρα; κρεμαστήρ на ряду съ значеніемъ nominis agentis употребляется въ медицинскомъ языкѣ какъ названіе мускула, поддерживающаго тестикулы; σφιγκτήρ (общеизвѣстный мускулъ); διαζωστήρ, στροφεύς, ἐπιστροφεύς (позвонки—см. Poll. II 130, 131, 179); ἀγκτῆρες· οἱ ἐν τῷ τραχήλῳ τόποι, δι' ὧν ἄγχεσθαι συμβαίνει Hesych.; πρηστῆρες «вены на шеѣ, которыя надуваются во время гнѣва» (Poll. II 134) и пр.

Обращаемся теперь къ категоріи названій орудій въ собственномъ смыслѣ слова. Обозначеніе этихъ названій черезъ nomina agentis свойственно, конечно, не одному только греческому языку: ср. др.-инд. *se-tār*—«цѣпь, оковы», ново-нѣм. *träger* (какъ nomen agentis и какъ nom. instrumenti), *halter*, лат. *runcō* «заступъ», *index* въ смыслѣ «пробный камень» (Ovid. *Met.* 2, 706), *ligō* «кирка», *pīsō* «ступка», д. верхн. нѣм. *meizil* «Meissel» (зубило), *sluzzil* «schlüssel», *slegil* «schlägel» и т. д. (Brugmann Grdr. II § 150, p. 432). Можетъ быть, еще въ индо-европейскомъ языкѣ уже существовали обозначенія нѣкоторыхъ орудій черезъ nomina agentis: такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать въ виду родства лат. *pālus* съ греч. πάσσαλος [1]). Во всякомъ случаѣ, ни въ одномъ языкѣ это обозначеніе не принято такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ греческомъ.

Примѣры изъ гомеровской эпохи:

κλιντήρ «ложе»; два названія винныхъ сосудовъ: κρητήρ и ἀμφορεύς; λαμπτήρ; нѣсколько обозначеній различнаго рода перевязи: ζωστήρ поясъ, ἀορτήρ (синонимъ τελαμών), ὀχεύς (но ἡνιοχεύς—nomen agentis) «средство держать что-либо», отсюда a) ремень, которымъ подвязывался шлемъ, b) пряжка на поясѣ, c) засовъ, ко-

[1]) Brugmann Grundr. II 192: „*pālus pālum* aus * *pac-slo*—oder * *pāc-slo*—zu *pacīscor*, W. *pāk*—„befestigen"; vgl. gr. πάσσαλος „Pflock, Nagel" wie von einem Praseun * πάσσω, aus * πακ-ιω (vgl. πήσσω), und daher dem nhd. *deckel* von *decken*=aisl. *θekja* vergleichlich".

торымъ запиралась дверь;—наконецъ деноминативное βοεύς (въ Одиссеѣ); ῥαιστήρ «молотокъ», съ не совсѣмъ понятнымъ переходомъ въ женскій родъ (κρατερην Il. 18, 477; Зенодотъ читалъ, впрочемъ, κρατερόν), σαυρωτήρ «нижній конецъ копья, который могъ втыкаться къ землю»; наконецъ, можетъ быть, ῥυτήρ въ смыслѣ «ремень» (Iliad. 16, 475).

Примѣры изъ болѣе поздней эпохи.

Названія для разнаго рода сосудовъ: ποτήρ «чаша» Eur. *Alc.* 756 (при nomen agentis οἰνοποτήρ), χοεύς—извѣстная мѣра жидкихъ тѣлъ; ῥάστωρ· κρατήρ Hesych., ἐπιχυτήρ «чаша, кубокъ», ὑποχυτηρ и ἐπαρυστήρ «подливатель, которымъ наливаютъ въ лампу масло» (оба слова имѣютъ отношеніе къ λαμπτήρ); λουτήρ (Poll. VII 167: τὸ ὕδωρ τοῦ λουτροῦ λούτριον, ἡ δὲ νέα κωμῳδία καὶ λουτῆρα λέγει), νιπτήρ (Ev. Io. 13 § 5: βάλλει ὕδωρ εἰς τὸν νιπτῆρα), ποδανιπτήρ (впервые у Геродота II 172 при болѣе древнемъ ποδάνιπτρον Od. 19, 504 и 343), τριπτήρ (Poll. VII 151: ὁ κρατὴρ εἰς ὃν ἀπορρεῖ τοῦ ἐλαίου τὸ πιεζόμενον—τριπτήρ), τρυπητήρ «пробуравленный сосудъ» (math.), ἀμολγεύς «подойникъ» (такъ переводитъ Гесихій ѳессалійское πελλαντήρ), ψυκτήρ (повидимому, сосудъ для охлажденія вина, — ср. впрочемъ Poll. VI 99: ὁ δὲ ψυκτήρ πολυθρύλητος, ὃν καὶ οἶνον ἐκάλουν ἐν ᾧ ἄκρατος), ὑλιστήρ (Poll. VI 19: ὅτῳ διηθεῖται ὁ οἶνος—ὑλιστὴρ καὶ σάκος καὶ τρύγοιπος), ἑψητήρ—между прочимъ, «котелъ», ποδιστήρ—въ позднемъ языкѣ, повидимому, «котелъ на трехъ ножкахъ», πυρεύς — родъ сосуда, въ точности неизвѣстнаго, θερμαντήρ (подъ τὰ μαγείρου σκεύη у Poll. VI 89).

Мало по малу мы подошли къ кухоннымъ принадлежностямъ, изъ которыхъ назовемъ еще слѣдующія: ἀρυτήρ «ложка», ἐξαυστήρ «вилка» (отъ ἐξαύω=ἐξαιρέω), μακτήρ «квашня» («κάρδοπος» Hesych., при μάκτρα), δευτήρ (Poll. X 105: δευτήρ, κοινὸν ἀρτοποιῷ καὶ μαγείρῳ σκεῦος, ἀπὸ τοῦ δεύειν ὠνομασμένον); πνιγεύς (схоліастъ къ Arist. *nub.* 97: ἔνθα οἱ ἄνθρακες ἔχονται καὶ πνίγονται).

Одежды и наряды (ср. у Гомера ζωστήρ и ὀχεύς): καλυπτήρ (со временъ Аристотеля, при древнемъ καλύπτρη), ἐνδυτήρ, σφιγτήρ· χιτών. Ταραντῖνοι Hesych. (изъ другихъ источниковъ извѣстно значеніе «лента»), ἀρτήρ «родъ сапогъ», ἐλικτήρ «серьги, браслеты».

Перевязи, ремни, веревки: ἀγωγεύς (также nomen agentis) у Soph. *fr.* 801; ἄκτωρ· ὁ ἀγωγεύς, ἱμάς, σχοινίον Hesych.; συναγκτήρ «родъ пояса», ἀναγωγεύς и σφαιρωτήρ—виды сапожныхъ ремней; ῥομφεῖς· ἱμάντες οἷς ῥάπτεται τὰ ὑποδήματα Hesych.; ἑλκυστήρ (такъ переведено ῥυτήρ въ схоліяхъ къ Иліадѣ 16, 475), μασχαλιστήρ· ὁ διὰ τῶν μασχαλῶν δεσμὸς τοῦ ὑποζυγίου (но у Геродота I 215 такъ названъ головной уборъ); ζευκτῆρες· ἱμαντόδεσμοι Hesych. (но ζεύκτειρα, эпитетъ Афродиты, nomen agentis); ἐπιζευκτήρ· σειρά Hesych.; χιλωτήρ· τὸ τοῖς ὑποζυγίοις ἀπὸ κορυφῆς ἐξαρτώμενον, ἐν ᾧ ἡ τροφή Hesych.; συμβολεύς· ἁλιευτικὸν σκεῦος, περὶ ᾧ τὰ λίνα πλέκουσι Hesych.; χερμαστήρ (также nomen agentis) «кожа пращи, откуда выбрасывались камни»; τροπωτήρ «кожаный ремень, которымъ прикрѣплялись весла къ лодкѣ»; ἀγκτήρ—родъ повязки.—Орудія ремеслъ (ср. гомер. ῥαιστήρ): τομεύς «сапожный ножъ», κνηστήρ и ξυστήρ (при ξύστρα, ξύστρον) «скобель», πρίων и πριστήρ «пила», ψηκτήρ (при ψήκτρα) «скребница», κοπεύς и κολαπτήρ «зубило», γλυφεύς «рѣзецъ», τορεύς (Poll. VII 192: τὸ φρεωρύχων ἐργαλεῖον παρὰ Φιλυλλίου καλεῖται τορεύς), χαρακτήρ «чеканъ», σημαντήρ «печать» (при древнемъ σήμαντρον), γνώμων (также nomen agentis) «отвѣсъ» (Richtschnur).

Съ ὀχεύς (въ его основномъ значеніи «средство держать что-либо») ассоціируются ἀναφορεύς (каждый инструментъ, на который что-либо вѣшаютъ и носятъ) и σηκωτήρ· ὁ ἀναφορεὺς τοῦ ζυγοῦ Hesych.; а послѣдняго нельзя отдѣлить отъ στατήρ. Въ болѣе спеціальномъ значеніи «засовъ», къ ὀχεύς примыкаютъ κατοχεύς (πυλάων, у Каллимаха), ἐπισπαστήρ (Herod. VI 96), στρεπτήρ (Arist. *Thesm.* 487).

Отсюда мы подходимъ къ названіямъ частей жилища: у Гомера уже есть κλιντήρ «постель»; въ болѣе позднемъ языкѣ—στεγαστήρ «черепица», деноминативное κλιμακτήρ «лѣстница», βατήρ «порогъ», στρωτήρ (этимъ именемъ, повидимому, обозначались діагонально расположенныя балки, на которыхъ укрѣплялась крыша; см. Poll. X 173: ἀλλὰ μὴν τῷ στεγαστῆρι ὀρόφῳ προσήκοιεν ἂν καὶ οἱ στρωτῆρες καὶ τὰ καλυμμάτια· ἄμφω δὲ ἐν Ἀριστοφάνους Βαβυλωνίοις· «πόσους ἔχει στρωτῆρας ἀνδρῶν οὗτοσί;»).

Остается отмѣтить названія нѣкоторыхъ медицинскихъ и иныхъ

инструментовъ, а также нѣкоторые термины морского дѣла: διαστολεύς «хирургическій инструментъ для открыванія закрытыхъ ранъ», διωστήρ «инструментъ для проталкиванія чего либо насквозь», ἑλκυστήρ — «родъ акушерскихъ щипцовъ», καθετήρ и κατοπτήρ (также nomen agentis) «зондъ», κλυστήρ и ἐνετήρ «клистирная трубка», καυτήρ «прижигало», περιξυστήρ «хирургическій инструментъ для очищенія костей», ἐξυμενιστήρ «ножъ для отдѣленія кожи отъ мяса».

Морскіе термины, кромѣ вышеупомянутаго τροπωτήρ: εὐθυντήρ «весло», ἐπιστατήρ· το στόμα τῆς νεώς Hesych., κωπητῆρες «боковыя стѣны корабля, къ которымъ придѣлывались весла», οἱ νομέες «ребра корабля» (Herod. I 194, II 96); τερθρωτήρ· ὅπου ὁ πρωρεὺς προορᾷ τὰ ἐν τῇ θαλάσσῃ Hesych.; τροχαντῆρες· πρὸς τὰ πηδάλια· καλεῖται τῆς πρύμνης μέρος Hesych. и пр.

Въ дополненіе къ этому длинному списку можно прибавить διοπτήρ у Свиды въ смыслѣ διόπτρα, ψαλτήρ въ смыслѣ «струнный инструментъ», ἀρεστήρ (Poll. VI 67) «пирогъ для умилостивленія божества», букв. «умилостивитель», затѣмъ «умилостивляющее средство».

Что касается особенностей въ значеніи нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ именъ, то я буду разбирать ихъ въ слѣдующей главѣ, въ связи съ первоначальными nomina instrumenti.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Имена съ инструментальными суффиксами.

Подъ инструментальными суффиксами мы разумѣемъ суффиксы *tro- trā, tlo- tlā* (въ латинскомъ, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ этотъ второй видъ суффикса является въ формѣ *klo- klā-*; въ отдѣльныхъ именахъ латинскаго языка, по диссимиляціи *klo-* обращается въ *kro-*, напр. *lavācrum*); въ отдѣльныхъ языкахъ, и притомъ европейскихъ, рядомъ съ *tro-* и *tlā* извѣстенъ, кромѣ того, суффиксъ *dhro- dhrā, dhlo- dhlā* (гр. θρο- θλο-, лат. *bro- blo-* съ разновидностью *-bulo-*); наконецъ, къ инструментальнымъ суффиксамъ относится *lo- lā* (подробности см. въ спеціальномъ сочиненіи Остгофа Forschungen im gebiete der indogermanischen nominalen stammbildung I, Jena 1875 и у Бругмана Grundriss der vergl. Grammatik II §§ 62, 76 и 77). Имена, образованныя при помощи этихъ суффиксовъ, обозначаютъ главнымъ образомъ орудіе того дѣйствія, которое выражено глагольной основой, входящей въ ихъ первую часть; затѣмъ, они могутъ обозначать мѣсто дѣйствія, процессъ и результатъ дѣйствія. Какъ возникли эти разнообразные оттѣнки значенія? Можно ли ихъ сводить, какъ это обыкновенно дѣлается, на сходство нашихъ представленій объ орудіи, мѣстѣ, процессѣ и результатѣ дѣйствія? Что̀ касается локальнаго значенія данныхъ именъ, то оно, конечно, легко выводится изъ значенія инструментальнаго, такъ какъ мѣсто дѣйствія можетъ служить средствомъ къ его выполненію; за то относительно третьяго и четвертаго оттѣнка значенія приходится рѣшительно сказать, что они вообще говоря не могутъ быть непосредственно выведены изъ основного инструментальнаго. Поэтому мы должны указать, какіе факторы вызвали подобнаго рода семасіологическія измѣненія.

§ 1. *Переходъ инструментальныхъ именъ въ nomina acti.* Одно изъ объясненій этого семасіологическаго перехода предложено было Остгофомъ (Forschungen im gebiete der indogermanischen nominalen stammbildung p. 136): «Gar nicht weit entfernt sich auch von der ursprunglichen function der gebrauch des (instrumentalen) suffixes, dass es das nomen acti bezeichnet, also in einen passivischen begriff übergeht. Dass mit einem gegenstande eine tatigkeit vorgenommen wird, wobei er sich in passivischem zustande befindet, und dass bei nur wenig verandertem standpunkte des anschauenden derselbe gegenstand als mittel zum ausfüren der tàtigkeit erscheint, dis sind offenbar zwei ganz nahe an einander grenzende auschauungsweisen. Ob ich also beispilhalber *sae-culum* «sat» als etwas, das gesat wird, oder als ding, mittel zum saen, skr. *dā-tra-m*=griech. δαι-τρόν «portion» als zugeteiltes oder als gegenstand zum verteilen, skr. *krnta-tra-m* «abschnitzel» als etwas, das abgeschnitten wird oder als ding zum abschneiden ansehe, ob ich ferner ἐνδυ-τήρ mit Curtius de nomin. graecorum format. p. 34. übersetze durch τὸ ἐνδυόμενον oder vilmer gemäss unserer vorhin darüber geausserten auffassung etwa durch ὄργανον τοῦ ἐνδύεσθαι: das alles ist im grunde gleich zulässig und lauft im wesentlichen auf dasselbe hinaus. Am richtigsten übersetzt man wol, um den inhalt eines solchen wortes passivisch zu umschreiben, wenigstens wenn es einem darum zu tun ist, dem durch das suffix ausgedrückten ursprünglichen sinne moglichst nahe zu kommen, durch das lateinische gerundivum; also *saeculum subligaculum jaculum* nicht=id quod seritur, subligatur, jacitur, auch nicht=id quod satum est, subligatum est, jactum est, sondern vilmer=id quod serendum, subligandum, jacendum est. Denn bei der übertragung ins deutsche lasst sich alsdann die doppelstellung zwischen passivischem und instrumentalem sinne sofort durchfülen: ein ding, das «zu säen, vorzubinden, zu werfen ist» sagt etwa gerade so vil als «zum säen, zum vorbinden, zum werfen dient».

Сущность этого разсужденія сводится къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ: 1) какое-нибудь ἐνδυτήρ есть ὄργανον τοῦ ἐνδύεσθαι, есть средство къ выполненію извѣстнаго дѣйствія (въ данномъ случаѣ, дѣйствія «одѣваться»); 2) переходъ отъ понятія «орудія» къ понятію «результата дѣйствія, этимъ орудіемъ вызваннаго», объясняется близостью воззрѣній на то и другое.

Задумано это разсужденіе очень хорошо, но дѣла оно не объясняетъ, скорѣе даже отсрочиваетъ его объясненіе. Несомнѣнно a priori, что близость воззрѣній сама по себѣ способна привести къ семасіологическому взаимодѣйствію относящихся къ этимъ воззрѣніямъ словъ. Но дѣйствительно ли воззрѣніе на орудіе близко соприкасается съ воззрѣніемъ на дѣйствіе, имъ производимое? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія указаній языка. Какъ показываетъ уже греческій языкъ, большинство подобныхъ семасіологическихъ переходовъ принадлежитъ къ эпохѣ довольно поздней; къ такому же наблюденію приведетъ и любой языкъ. Вообще, чѣмъ больше мы будемъ подвигаться къ древнѣйшимъ періодамъ языка, тѣмъ рѣже намъ будетъ встрѣчаться данное явленіе; а напр. для индоевропейской эпохи можно установить данный переходъ только для немногихъ категорій словъ, относящихся къ очень ограниченному числу понятій (см. объ этомъ далѣе). Такимъ образомъ, второе положеніе Остгофа не можетъ, по существу дѣла, распространяться на в с ѣ случаи перехода отъ дѣйствительнаго значенія къ страдательному.

Но и первое положеніе хорошо только на бумагѣ: конечно, легко объяснить себѣ ἐνδυτήρ (одежда) какъ «средство къ выполненію дѣйствія одѣваться», или ἐνετήρ (клистирная трубка) какъ «средство къ выполненію дѣйствія впускать»; но и здѣсь возникнутъ такія возможности: средствомъ къ выполненію перваго изъ указанныхъ дѣйствій можетъ напр. быть в р е м я, для выполненія второго дѣйствія, между прочимъ, необходимо, чтобы клистирная трубка была наполнена в о д о й или другой жидкостью и т. д. Возьмемъ χαρακτήρ: съ точки зрѣнія Остгофа, средствомъ къ выполненію дѣйствія χαράττειν можетъ служить какъ к л е й м о на чеканѣ, такъ и м а т е р і а л ъ, на которомъ это клеймо выдавливается; еще неблагополучнѣе обстоитъ дѣло съ ἑλικτήρ (серьга, браслетъ): «предметомъ для свертыванія» могъ быть развѣ только матеріалъ, изъ котораго дѣлались ἑλικτῆρες. Или напр. τρυπητήρ (пробуравленный сосудъ): по Остгофу это будетъ «средство къ выполненію дѣйствія «буравить, сверлить»; такъ какъ и «буравъ» является однимъ изъ подобныхъ средствъ, то для слова τρυπητήρ пришлось бы допустить такую исторію: будучи первоначально nomen agentis, оно обратилось въ nomen instrumenti со значеніемъ

«буравъ»; отъ значенія «буравъ» оно прямо перешло къ значенію «пробуравленный сосудъ». Такой п р я м о й переходъ былъ бы чрезвычайно смѣлымъ скачкомъ. Но и противъ скачка можно было бы ничего не имѣть, если бы только намъ было извѣстно, что греки въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно проявляли большую смѣлость фантазіи Этого однако нѣтъ: слово, утвердившееся въ значеніи «буравъ»—именно τρυτός или τρυητής—такой метониміи не допускаетъ. Вообще—весьма опасной стороной правила Остгофа является тотъ фактъ, что изъ массы возможностей, возникающихъ при приложеніи этого правила къ дѣлу, приходится приписывать языку только одну, не зная предварительно, соотвѣтствуетъ ли эта возможность свойствамъ фантазіи того народа, который на немъ говоритъ. Мы предпочитаемъ стать на историческую точку зрѣнія: весьма важно, что всѣ слова, о которыхъ идетъ рѣчь, возникли именно тогда, когда языкъ уже успѣлъ выработать рядъ словъ, съ ними синонимическихъ; во-вторыхъ, данныя слова появляются почти исключительно со спеціальнымъ значеніемъ (пассивнымъ по отношенію къ тѣмъ глаголамъ, отъ которыхъ они произведены): такъ, напр., τρυπητήρ никогда не значило «буравъ» и т. д. Такимъ образомъ, мы должны будемъ выяснить тѣ условія, которыя затемняли первоначальное отношеніе между суффиксомъ и корневой частью инструментальныхъ именъ.

Прежде всего, однимъ изъ такихъ условій была двусмысленность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ именъ. Напр. ἀμφορεύς, если мы его сопоставимъ съ κρατήρ (τὸ, *въ чемъ* смѣшиваютъ) и ποτήρ (*изъ чего* пьютъ), будетъ представляться инструментальнымъ именемъ (то, *въ чемъ* носятъ, напр. вино), но его можно также понять какъ «нѣчто носимое». Совершенно такія же представленія вызываетъ и латинское *praefericulum* («vas aeneum sine ansa patens summum, velut pelvis, quo ad sacrificia utebantur, Paul. Fest. Thewr. de Ponor 327): это есть собственно «то, *въ чемъ* носятъ впереди—извѣстнаго рода жидкости или предметы на религіозныхъ процессіяхъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это есть «нѣчто носимое впереди» (ср. лат. *dŭklas* «корзина, въ которой подаютъ кормъ лошадямъ»). Двусмысленность эта зависитъ чаще всего отъ перемѣнъ въ синтактическихъ конструкціяхъ глаголовъ, отъ которыхъ произведены инструментальныя имена. Напр. ἐνδυτήρ будетъ ин-

струментальнымъ именемъ съ точки зрѣнія конструкціи ἐνδύειν τινά τινι (напр. ὅπλοις, Batrachom. 160) и пассивнымъ съ точки зрѣнія конструкціи ἐνδύειν ἐνδύεσθαί τι. *Inducula* «нижняя одежда» (Plaut. *Epid.* 2, 2, 39)—будетъ пассивнымъ, въ виду конструкціи induere alicui *aliquid*, и инструментальнымъ въ виду конструкціи se induere *aliqua re*, indui *aliqua re* (Verg. *A.* 10, 775, *Georg.* 4, 143). *Subligaculum* можно понять какъ пассивное имя при конструкціи subligare alicui *aliquid* (напр. lateri atque umeris ensem Verg. *A.* 8, 459) и какъ инструментальное при конструкціи virgo subligata (Mart. 7, 66, 4). Ср. *cingulum*, *cingula* при cingere aliquem *aliquā rē* и Inutile ferrum cingitur (Priamus Verg. *A.* 2, 510). Вообще, по отношенію къ глаголамъ «одѣвать» надо всегда принимать во вниманіе разнообразіе конструкцій, которыя при нихъ возможны. Прежде всего, цѣлый рядъ отдѣльныхъ языковъ употребляетъ при этихъ глаголахъ инструментальный падежъ для обозначенія предмета, которымъ одѣваютъ или одѣваются: ср. кромѣ только что приведенныхъ греческихъ и латинскихъ примѣровъ русскую конструкцію «одѣвать, одѣваться чѣмъ», или напр. гот. *hvo vasjaima* τί περιβαλώμεθα (Math. 6, 31—Delbrück Vergl. Synt. p. 242). Что же касается двухъ винительныхъ падежей при глаголахъ «одѣвать» (напр. Od. 21, 339: ἕσσω μιν χλαῖνάν τε χιτῶνά τε), то Дельбрюкъ съ основаніемъ объясняетъ эту конструкцію вліяніемъ глаголовъ «раздѣвать», гдѣ она была индоевропейской (Vergl. Synt. p. 383). Въ виду этого рискованно приписывать исключительно-пассивное значеніе санскр. *vastram* «одежда» (отъ *vas-*): употребленіе вин. падежа вещи, въ которую одѣваютъ или одѣваются, могло быть позднимъ [1]). Далѣе, санскр. *astrám* «метательное оружіе» допускаетъ два объясненія въ связи съ тѣмъ, что *as-* «метать» употребляется какъ съ винит. падежомъ (ср. «метать *что́*»), такъ и съ творительнымъ («метать *чьмъ́*»). То же надо имѣть въ виду и при объясненіи греч. ἀμφίβληστρον 1) «накидка, плащъ», 2) «сѣть для рыбной ловли». Именно, βάλλω, подобно соотвѣтствующимъ индійскимъ, славянскимъ и германскимъ глаголамъ (см. Delbrück Vergl. Synt.

[1]) Ср. примѣръ instrumentalis'a у Дельбрюка Ablat. Loc. Instr. 60: vástreṇeva vāsayā mánmanā „одѣнь пѣснью, какъ платьемъ".

§ 120), также имѣетъ двѣ конструкціи: 1) οἱ δ' ἄρα χερμαδίοισι ἐυδμήτων ἀπὸ πύργων βάλλον (Il. 12, 185), 2) αἵ τε πρὸς ἀλλήλας ἔβαλον τανυηκεας ὄζους (Il. 16, 368). Что касается ἀμφιβάλλω и ἀμφιβάλλομαι въ смыслѣ «одѣваюсь» (безъ различія по залогамъ: ср. ἀμφὶ δ' ἄρα χλαῖναν βάλε Od. 23, 155 и ἀμφιβάλλεσθαι ὤμοισι ξίφος Il. 2, 45), то мы, правда, находимъ исключительно винительный падежъ, но, что глаголъ этотъ допускалъ вообще двѣ конструкціи, это видно изъ выраженій ἀμφιβάλλειν χεῖρας γούνασι (Od. 7, 142) и съ другой стороны ἀμφιβάλλειν τινὰ χερσίν, ὠλέναις (Eur. *Bacch.* 1361, *Phoen.* 313).

Если бы мы были увѣрены, что глаголы «бросать, метать» допускали еще въ индоевропейскомъ языкѣ обѣ названныя конструкціи, то мы не затруднились бы понять и латинское *jaculum* какъ «предметъ, *которымъ* бросаютъ, поражаютъ»; но впрочемъ см. ниже другую попытку объясненія *jaculum*.

За то *saeculum* (первоначально могло значить «сѣмя»), которое приведено Остгофомъ въ числѣ пассивныхъ именъ, можно положительно объяснить какъ инструментальное: какъ разъ глаголъ *serō* допускалъ двѣ конструкціи: aliquid in aliquo loco (напр. arbores, oleam, frumenta) и aliquid (locum, agrum) aliqua re. Напр. у Плинія одинаково встрѣчаются serere aliquid (напр. semen autumno) и seritur (terra) toto anno panico semel, bis farre. Ср. далѣе любопытное мѣсто у Цицерона, гдѣ обѣ конструкціи встрѣчаются заразъ: ut tantum sit decumae, *quantum severis*, hoc est, ut quot *jugera* sunt *sata*, totidem medimna decumae debeantur (*Acc.* 3, 47, 112). У Овидія мы находимъ serere agrum (*a.a.* 2, 668), у Тибулла arva (2, 3, 8),—sulcos (2, 3, 70) и пр. Ср. сходную конструкцію въ бѣлорусскомъ нарѣчіи («по билому полю *чернымъ макомъ* сіяно») и въ германскихъ языкахъ: напр. готск. *saian* «сѣять» съ инструментальнымъ дативомъ *fraiva* («сѣмя») Delbrück ibid. [1]).

---

[1]) Вообще латинскій языкъ представляетъ въ данномъ случаѣ замѣчательную аналогію съ языками германскими: какъ въ послѣднихъ съ глаголомъ „сѣять“ ассоціируются глаголы „разбрасывать, лить, кропить“ (см. примѣры у Дельбрюка l. c), такъ и лат. *sero* ассоціируется съ *spargo* и *aspergo* (ср. Cic *Rosc. Amer* 18: sua manu *spargentem sēmen*; ср. далѣе serere opinionem, rumores и spargere voces, suspiciones и пр.), которые также имѣютъ двѣ конструкціи: alicui aliquid и aliquem aliqua re.

Дальнѣйшее примѣненіе этого метода позволитъ намъ разъяснить инструментальныя имена, произведенныя отъ χέω: χύτρα или χύτρος «горшокъ», имя совершенно ясное, и χύτλον (при κατάχυτλον «сосудъ»—см. Poll. X 63) «жидкость, между прочимъ жертвенная» (почти=χοή),—имя, которое положительно можетъ показаться пассивнымъ, такъ какъ χέω въ смыслѣ «лить» имѣетъ при себѣ только accusativus [1]).

Впрочемъ, глаголъ этотъ, попавъ въ сакральный языкъ, употреблялся здѣсь въ древнюю эпоху исключительно въ сочетаніи χοὰς χέομαι (Od. 11, 26; 10, 518; Herod. VII 43, Aesch. *Pers.* 218, Soph. *O. C.* 478, Eur. *Or.* 472; въ первый разъ простое χέομαι въ этомъ значеніи засвидѣтельствовано у Исея 6, 51). При этомъ, данное сочетаніе,—вслѣдствіе свойствъ той сферы, въ которую оно вошло,—получило, сравнительно съ простымъ χέω χέομαι, новый оттѣнокъ значенія—какъ бы «почитать» (напр. Атосса у Эсхила въ *Персахъ* v. 621 называетъ подобное возліяніе γάποτοι τιμαί). Въ виду этого, мы встрѣчаемъ при немъ такую конструкцію (Odyss. 10, 518): χοὴν χεῖσθαι πᾶσι νεκύεσσιν, πρῶτα μελικρήτῳ, μετέπειτα δὲ ἡδέι οἴνῳ, τὸ τρίτον αὖθ' ὕδατι. Этотъ примѣръ показываетъ, что при жертвенныхъ возліяніяхъ, какъ сосудъ (χύτρα), такъ и жидкость, въ немъ заключающаяся (χύτλον), одинаково могли разсматриваться какъ средство къ исполненію священнаго обряда.—Эти соображенія, кажется, помогутъ намъ объяснить исторію θύσθλον: въ древнемъ языкѣ оно обозначало «священныя принадлежности, употребляемыя при

---

[1]) Этимъ однако не устраняется возможность иной конструкціи для χέω въ древнѣйшую эпоху греческаго языка: при глаголахъ съ значеніемъ „лить“ и т. п. почти во всѣхъ языкахъ встрѣчается творительный падежъ для обозначенія жидкости. Изъ русскаго языка можно привести такіе обороты, какъ *харкать чѣмъ*, изъ латинскаго *spargere*, *aspergere* и далѣе *sudare*, *pluere aliqua re*; въ англосаксонскомъ яз. при глаголѣ „лить“ (напр. „слезы“) одинаково возможны и accusativ. и instrumentalis (*teáras*, *teárum geotan* и пр.—см. *Delbrück* Vergl. Syntax §§ 119—120 и Нетушилъ Падежи 308); въ греч. яз. интересно ὕω, при которомъ былъ какъ тотъ, такъ и другой падежъ: напр. ὗσε χρυσόν (Платонъ) и ὕδατι ὗσαι (Геродотъ). А ὕω было синонимомъ къ χέω: напр χέει ὕδωρ Ζεύς (Il. 16, 385)=Ζεὺς ὗε (Iliad. 12, 25) Съ другой стороны, χέω было синонимомъ νίφω: напр. χέει (sc. Ζεὺς χιόνα—Il. 12, 281); а относительно νίφω извѣстно, что оно, подобно ὕω, допускало инструментальную конструкцію: напр. νιφέτω μὲν ἀλφίτοις при ὑέτω ὕδατι у комика Никофона (Athen VI 269 d).

жертвоприношеніяхъ Вакху» (Iliad. 6, 133: αἳ δ' ἅμα πᾶσαι θύσθλα χαμαὶ κατέχευαν); это значеніе—инструментальное; но въ позднѣйшемъ языкѣ слово это встрѣчается въ смыслѣ «жертва» (nomen acti—ср. Lycophr. 459: θύσθλα καταίθειν). Весьма возможно, что на исторіи этого слова отразились такія же воззрѣнія, какъ и на исторіи χύτλον и χύτρα.

Еще яснѣе исторія санскритскаго глагола *hu-* и существительнаго *hotrā* (=авест. *zaoθra*) или *hotrám*. Подобно греч. Χέω, санскритскій глаголъ *hu-* значитъ собственно «лить» и точно также употребляется въ сакральномъ языкѣ. Но въ санскритѣ онъ еще тѣснѣе, чѣмъ въ греческомъ языкѣ, ассоціировался съ глаголами «почитать, почитать жертвоприношеніемъ» (при нихъ, напр. при *saparayati*, *dāç-*, *vidh-*, *çikš-*, предметъ жертвы обозначался творительнымъ падежомъ—см. Delbrück Abl. Loc. Instr., 64); по этому при немъ были возможны оба ряда конструкцій: 1) dativ. или locativ. лица+accusativ. вещи, 2) accusativ. или dativ. лица + instrumentalis вещи. Въ виду этого, всѣ производныя отъ даннаго глагола имена были двусмысленными: такъ, *hotram* съ точки зрѣнія второй конструкціи—инструментальное имя, съ точки зрѣнія первой—пассивное [1]).

Равнымъ образомъ, и др. верхне-нѣмецкое *bluostar* (n.) «жертва»—первоначально могло быть инструментальнымъ именемъ, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ германскихъ языкахъ употреблялся, между прочимъ, съ творительнымъ падежомъ предмета жертвы; ср. гот. *blotan* (въ готскомъ языкѣ, несомнѣнно, существовало и существительное, соотвѣтствующее *bluostar*,—какъ показываетъ производное отъ него *blostreis* въ *gud-blostreis* «почитатель, молящійся Богу»). *fastubnjam jah bidom blotande* fraujan= νηστείαις καὶ δεήσεσι λατρεύουσα (Luc. II 37).—Приведу еще одинъ примѣръ изъ латинскаго языка: *pabulum* «кормъ, пища» является инструментальнымъ именемъ при глаголѣ *pasco* «кормлю, пасу»; medium *pascor* значилъ «пасусь, питаюсь чѣмъ» (напр. frondibus), но въ этомъ второмъ значеніи глаголъ *pascor*, какъ и *vescor*, ассоціировался съ глаголами «ѣсть что» и получилъ, на ряду

[1]) Ср. *hutás* (=χυτός) - 1) принесенный въ жертву, собств. „пролитый"- ср χυτός; 2) почтенный жертвой.

со старой конструкціей,—новую—accusativus (напр. Verg. *Aen.* II 471: qualis ubi in lucem coluber mala gramina pastus). Благодаря этому, *pabulum*, по скольку оно относилось къ *pascor*, могло казаться пассивнымъ именемъ съ точки зрѣнія новой конструкціи при *pascor* и пр.

Къ чему же приводятъ эти явленія? Благодаря накопленію двусмысленныхъ образованій, въ языкѣ утрачивается ясное и первоначальное представленіе о соотношеніи составныхъ частей инструментальныхъ именъ, и, такимъ образомъ, имена эти получаютъ болѣе расплывчивое значеніе: «то, что такъ или иначе связано съ дѣйствіемъ, выраженнымъ глагольной основой», «то, что можетъ служить къ выполненію этого дѣйствія» и т. д. Какъ видитъ читатель, я повторяю опредѣленіе этихъ именъ, данное Остгофомъ; но я еще разъ подчеркиваю разницу между методомъ и выводомъ Остгофа и моимъ: неясность значенія инструментальныхъ именъ зависитъ не столько отъ свойствъ нашихъ представленій въ самихъ себѣ, сколько отъ историческихъ условій, измѣняющихъ эти представленія.

Другимъ факторомъ, приводящимъ къ тому же результату, является семасіологическая аналогія. Такъ, напр., ἐνετήρ «клистирная трубка» возникло несомнѣнно по аналогіи съ κλυστήρ (уже у Геродота II 87); κλυστήρ собственно значитъ «очиститель», а дѣйствіе очищенія въ данномъ случаѣ сопровождалось дѣйствіемъ впусканія, введенія (ἐνίημι—техническій терминъ у медиковъ) въ прямую кишку извѣстнаго инструмента. Весьма вѣроятно, что у греческихъ врачей и ихъ паціентовъ съ выраженіями κλύζειν (очищать кишки посредствомъ клистира) и κλυστῆρα ἐνιέναι (вводить клистирную трубку для очищенія кишокъ) связывались совершенно одинаковыя представленія, что и дало поводъ къ образованію слова ἐνετήρ. Въ свою очередь, по аналогіи ἐνετήρ могло возникнуть родственное съ нимъ по значенію καθετήρ.

Точно также можно было бы объяснить латинское *subligaculum*: оно засвидѣтельствовано впервые у Варрона (*l. l.* VI 21) и у Цицерона (*de off.* I 129),—то есть въ такую эпоху, когда глаголъ *subligare* употреблялся съ винительнымъ падежомъ (напр. lateri ensem, clipeum sinistrae у Вергилія; выраженія virgo subligata и quem balteus subligat появляются позднѣе—первое у Мар-

ціала, второе—у Валерія Флакка). Въ виду этого возможно допустить, что *subligaculum* возникло по аналогіи съ болѣе раннимъ *succingulum* (Plaut. *Men.* 200); а это послѣднее слово, по своему образованію, безукоризненно, такъ какъ глаголъ *succingere* употреблялся именно съ творительнымъ падежомъ одежды (напр. quae lugubri succincta est stolā у Эннія и пр.).

Возьмемъ далѣе греч. δαιτρόν. Очень характерно, что слово это извѣстно намъ въ комбинаціи δαιτρὸν (sc. οἴνου) πίνειν (Il. 4, 262),—т. е. является синонимомъ къ μοῖρα (ср. Od. 8, 470: οἳ δ' ἤδη μοίρας τ' ἐνέμον κερόωντό τε οἶνον) и къ μέτρον (въ смыслѣ «часть», «отмѣренное»—ср. Iliad. 7, 471: δῶκεν Ἰησονίδης ἀγέμεν μέθυ, χίλια μέτρα). Если мы теперь обратимся къ глаголу μετρέω, то мы увидимъ, что онъ можетъ принимать такое значеніе, которое свойственно δαίνυμι: ср. конструкцію μετρεῖν τινί τι (*Eur. Rhes.* 772 и др.) «отмѣривать, удѣлять». Такимъ образомъ, вполнѣ ясно, что δαιτρόν получило свое пассивное значеніе подъ вліяніемъ μέτρον.

Тоже самое можно сказать и о санскритскомъ *dātram* «то, что удѣлено, имущество, состояніе». Если это слово происходитъ отъ глагола *day-* «дѣлить» (ср. *bhága-* или *bhāgá-* «имущество» отъ *bhağ-* «дѣлить»), то извѣстно, что *day-* было отчасти синонимомъ къ *mā-* собственно «мѣрить», а также «удѣлять кому что»; между прочимъ, и *mātram*, подобно *dātram*, можетъ значить «имѣніе, состояніе». Итакъ, *dātram* можно понять, какъ результатъ вліянія аналогіи со стороны *mātram*. Приводимаго Остгофомъ (l. c. 136) *krntátram* «отрѣзокъ», кажется, нѣтъ надобности разбирать отдѣльно, въ виду его несомнѣнной ассоціаціи съ *dātram*.

Весьма возможно, что и у старо-слав. дѣлъ (ср. *удѣлъ*, *надѣлъ*), старо-лит. *api-piauklas* (obrzeźek, praeputium), *at-piauklas* (odrzeźek, «отрѣзокъ»—ср. *piúklas* «пила», *piáuti* «рѣзать») пассивное значеніе объясняется вліяніемъ словъ, обозначающихъ *мѣру*. Что же касается этихъ послѣднихъ словъ, то намъ еще въ 1-й главѣ (стр. 40) приходилось говорить о томъ, что они служатъ для обозначенія какъ измѣряющаго инструмента, такъ и количества или величины измѣряемаго предмета или вещества; отъ этого послѣдняго значенія былъ очень легокъ переходъ къ чисто пассивному «то, что измѣрено, отмѣрено»: ср. д. инд. *mātrā*, которое, между прочимъ, значитъ «часть, атомъ».

Прочіе случаи семасіологической аналогіи будутъ приведены ниже, такъ какъ при ихъ объясненіи придется обратить вниманіе и на другіе семасіологическіе факторы, прежде всего на синтактическія сочетанія, въ которыхъ инструментальныя имена соединяются съ другими существительными въ качествѣ приложенія или опредѣленія къ этимъ существительнымъ. Намъ уже неоднократно приходилось говорить о вліяніи синтактическихъ сочетаній на значеніе тѣхъ словъ, которыя входятъ въ ихъ составъ. Въ виду чрезвычайной важности этого явленія мы позволимъ себѣ въ данномъ мѣстѣ остановиться на немъ болѣе подробно, чѣмъ мы это дѣлали до сихъ поръ. Возьмемъ, во-первыхъ, русскія прилагательныя на *-ючій* (*учій*), *-ячій*, (*ачій*). Прилагательныя эти въ русскомъ языкѣ утратили причастное значеніе, которое они имѣли въ обще-славянскомъ языкѣ и отчасти сохранили въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ старо-славянскомъ. Дальнѣйшія ихъ значенія зависѣли какъ разъ отъ тѣхъ именъ, съ которыми они вступили въ сочетаніе. Во многихъ случаяхъ сохранилось значеніе nominis agentis, близкое къ первоначальному причастному: ср. *лежачій* въ выраженіи «лежачаго не бьютъ», *сточая вода*, *плакучая ива* (ива, которая плачетъ), *зрячій*, *вонючій*, *пахучій*, и т. п.; но напр выраженіе *горячая вода* мы уже не можемъ перевести черезъ «вода, которая горитъ»; т. е. *горячій* стало обыкновеннымъ прилагательнымъ, равно какъ и *могучій*, которое утратило свою связь съ глаголомъ *мочь*; наконецъ, новый оттѣнокъ мы находимъ въ сочетаніяхъ *сидячая жизнь*, *падучая болѣзнь*.

Понятное дѣло, что изъ подобныхъ сочетаній можетъ для даннаго имени выработаться значеніе, совершенно несовмѣстимое съ первоначальнымъ.

Напр. нѣмецкое *billig* (др. и ср. нѣм. *billîch* «gemäss, geziemend», Kluge Wörterb.) значитъ собственно «приличный, подходящій, справедливый»: ср. такіе обороты, какъ wie billig «по справедливости», recht und billig; was dem Einen recht, ist dem Andern billig» и т. д. [1])—Спрашивается, какъ развилось значеніе

[1]) Исторія этого слова и его производныхъ показываетъ, что оно часто ассоціировалось со словами, обозначающими „справедливый, правосудный“ и пр. Очень характерно въ этомъ отношеніи *Unbill*, которое явилось параллельно со словомъ

«дешевый»? Вѣдь въ сущности выраженіе вродѣ eine billige Ware можетъ показаться абсурдомъ. Такое значеніе *billig* выработалось синтактическимъ путемъ, изъ сочетанія *billiger Preis* букв. «справедливая», а слѣдовательно «неповышенная», «доступная», «дешевая».

Точно также объясняется исторія нѣмецкаго *Sinn*, которое соединяетъ въ себѣ два противоположныхъ значенія: 1) чувство (значеніе основное: ср. Sinn des Gehors, sinnlich, Sinnenlust и др.; ср. также переносное выраженіе man kann nicht nach seinem Sinne machen, т. е. «по его желанію») 2) смыслъ, разсудокъ (почти=Verstand; ср. der Sinn des Wortes, Unsinn и пр.). Это зависѣло отъ того, что *Sinn* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ употреблялось либо совмѣстно либо параллельно съ *Verstand* и потому могло быть понято, какъ его синонимъ: ср. ohne Sinn und Verstand или нпр. von Sinnen kommen «сойти съ ума», seine Sinne hatten ihn verlassen и др.,—ср einen um den Verstand bringen «сводить съ ума», den Verstand verlieren, zu Verstande kommen «образумиться, опомниться» и пр. [1]).

Далѣе напр. франц. *pas* (passus), *point* (punctum), *personne*, *aucun* (* alcunus, aliqui unus), *rien* (rem) вслѣдствіе своего употребленія въ отрицательныхъ оборотахъ сами обратились въ отрицательныя частицы, несмотря на *le pas*, *le point*, *la personne* (A. Darmesteter La vie des mots, p. 124 sq).

Особенно въ этомъ отношеніи поучительна исторія предлоговъ и союзовъ (ср. Darmesteter ibid.). Спеціально для изслѣдованія предлоговъ даетъ обширный матеріалъ соотвѣтствующая глава въ Vergleichende Syntax Дельбрюка (I 666—774), который и самъ интересовался подобными вопросами. Ср. напр. то, что онъ

Unbilde „несправедливость". См. *Kluge* Wörterb. [5] подъ *Unbill*· „*Unbill* M., ein schweizerisches Wort, bei Maaler 1561 gebucht, aber erst um 1760 schriftsprachlich geworden und von Mylius in Hamiltons Marchen 1777 neu gebucht: urspr. nhd. *Unbilde* F. aus mhd. *Unbilde* N. „Unrecht, Ungeziemendes", welches eigentlich Abstraktum zu mhd. (selten) *unbil* (neben gewohnlichem *unbillîch*) Adj. „ungemass, ungerecht" ist".

[1]) См. Karl Schmidt. Die Gründe des Bedeutungswandels Программа (Берлинской Königliches Realgymnasium 1894), p 25 и 32. Вообще отдѣлъ о синтактическихъ сочетаніяхъ (p. 31 подъ Verschmelzung) принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ отдѣловъ этой богатой по матеріалу брошюры.

говоритъ о предлогѣ μετά съ accusativ'омъ (p. 742): «μετά съ accusativ'омъ значитъ zwischen hinein (въ середину), напр. ἦ δ'Οὔλυμπόνδε βεβήκει δώματ' ἐς αἰγιόχοιο Διὸς μετὰ δαίμονας ἄλλους (Iliad. 1, 222). Часто мысль стремленія къ массѣ болѣе выдвигается на первый планъ, чѣмъ мысль погруженія въ нее, напр. ὡς εἰπὼν τοὺς μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δὲ μετ'ἄλλους (Il. 4, 292); по аналогіи съ такими оборотами, μετά затѣмъ начинаетъ употребляться по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, напр. αὐτὰρ ὁ βῆ σὺν δουρὶ μετ' ἀντίθεον Πολύδωρον (Il. 20, 407). Такъ возникаетъ значеніе hin nach, nach (къ, по направленію къ)»....

Обращаясь теперь къ nomina instrumenti, мы обратимъ вниманіе, прежде всего, на употребленіе греч. λευστήρ. Это первоначальное nomen agentis значило собственно «побиватель камнями»; значеніе это видоизмѣняется въ сочетаніи πέτρον λευστῆρα ῥίψας (Lycophr. 1187; подобный плеоназмъ извѣстенъ еще у Софокла и Эврипида—πέτροις λευσθῆναι Soph. *O. C.* 435; Eur. *I. A.* 1350), гдѣ λευστήρ обращается въ nomen instrumenti; наконецъ, совершенно иное значеніе получаетъ это слово въ сочетаніи λευστὴρ μόρος (Aesch. *Sept.* 181): здѣсь уже пропадаетъ всякій инструментальный оттѣнокъ, и первой частью сочетанія указано, что вторая—μόρος—имѣетъ своимъ главнымъ признакомъ извѣстное отношеніе къ глагольному корню λευ- (λευσ-); еще менѣе можетъ идти рѣчь о залогѣ λευστήρ въ данномъ сочетаніи, равно какъ напр. и о залогѣ ῥιπτός въ μόρος ῥιπτός (Soph. *Trach.* 356). Съ этой точки зрѣнія легко можно объяснить χιτὼν εὐνητήρ и χιτὼν ἐγκοιμήτωρ (Poll. X 123: ὁ παρὰ τοῖς κωμῳδοῖς χιτὼν εὐνητήρ, ὃς τοῦ νῦν ἐγκοιμήτωρ [sc. ἐγκοιμήτορος] ἡδίων ἐστίν): само по себѣ εὐνητήρ значитъ «усыпитель, успокоитель», а ἐγκοιμήτωρ, повидимому, «тотъ, кто спитъ» (ср. ἐγκοιμάομαι); понятно, что изъ этихъ значеній нельзя прямо придти къ значеніямъ «ночная сорочка,—сорочка, въ которой спятъ ночью»; подобное значеніе могло развиться изъ синтактическихъ сочетаній, причемъ въ одномъ изъ такихъ сочетаній εὐνητήρ могло ассоціироваться болѣе съ εὐνάομαι «сплю», чѣмъ съ εὐνάω. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, инструментальный смыслъ слова въ значительной степени затемнился.

Вѣроятно, также объясняется пассивное значеніе въ *jaculum*.

Мы не знаемъ всѣхъ тѣхъ сочетаній, въ которыхъ это слово употреблялось въ древнѣйшую эпоху латинскаго языка; но что оно первоначально употреблялось главнымъ образомъ въ сочетаніяхъ, это намъ извѣстно: напр., *rete jaculum* у Плавта, позднѣе *funis* или *laqueus jaculus* у Колумеллы. Аналогичное явленіе мы нашли бы, во-первыхъ, въ русскомъ литературномъ и научномъ языкѣ, именно въ прилагательныхъ на *-тельный*.

Въ старо-слав языкѣ (откуда, вѣроятно, и заимствована большая часть данныхъ прилагательныхъ) они вполнѣ сохраняли значеніе тѣхъ nomina agentis, отъ которыхъ они произведены (Miklosich Vgl Gramm. II p. 146). Это отчасти наблюдается и въ русскомъ языкѣ: ср. *дѣятельный*, *исполнительный* (напр. *чиновникъ*), *наблюдательный* (напр. *ученый*) и пр. Въ другихъ случаяхъ связь съ nomina agentis уже утрачена, и часть нашихъ прилагательныхъ получаетъ чисто пассивное значеніе, причемъ различные оттѣнки значенія зависятъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ именъ, съ которыми наши прилагательныя соединились. Напр., старо-слав. **гадательнъ** было nomen agentis «vaticinans» (Miklosich, ibid.), — въ русскомъ языкѣ это — пассивное имя; ср. *сомнительный*; между обоими значеніями колеблется *подозрительный*; въ старо-русскомъ языкѣ *желательный* было nomen agentis — ср. *доброжелательный* (напр., «вси желательны есми помереть»... Дювернуа Матеріалы для словаря русск. яз.) — теперь это — пассивное имя [1]); *исполнительный* приметъ разные оттѣнки, смотря по тому, съ чѣмъ мы его бу-

[1]) Съ исторіей нашего *желательный* интересно сопоставить исторію лат *volens, amans, amicus* и *inimicus*. Все это—имена дѣйствительнаго залога (ср. по поводу *amicus* очень хорошія замѣчанія у г. Гельвиха Наблюденія надъ прилагат. у Плавта, стр. 185); но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ развивается и страдательное значеніе. „желательный, пріятный, ненавистный". Ср volentia plebi facturus habebatur (Sall. ap Non. p. 186, 20); plebi volentia fuere (Tac. *ann.* XV 36); Muciano volentia rescripsere (id *hist.* III 52); credidit volentia magis quam necessaria suadentibus (Heges. 1, 44, 3). Что касается *amans*, то пассивное значеніе мы находимъ у превосходной степени этого имени: vale mi amicissime, vale mi amantissime (Fronto ad M. Caes. 2, 10), amantissimae vineae (Vulg. *Amos.* 5, 11); amantissima eorum „самое любимое ими" (Vulg. *Isai.* 44, 9) и др (см. словарь Георгеса). Для *amicus* ср. amicum est mihi съ Acc. c. infin „мнѣ пріятно, угодно" (Horat. *carm.* II 17, 2); nihil homini amico est opportuno *amicius* („пріятнѣе", Plaut. *Epid* 3, 3, 34), secundum te nihil est mihi amicius („пріятнѣе") solitudine (Cic. *ad Att.* 12, 15). Для *inimicus* ср. inimicum est (Hor. *sat.* I 5, 49), inimicissimum omnium est (у Цельса); dis inimice („ненавистный") senex (Hor *sat.* II 3, 122) и мн. др

демъ соединять: ср. *исполнительный чиновникъ* (готовый исполнять), *исполнительная власть* (=которая исполняетъ), *исполнительный листъ*; ср. далѣе *зрительная труба* (инструментально) и *зрительныя ощущенія*; *наблюдательный человѣкъ* и *наблюдательный постъ*, *нюхательный* или *курительный табакъ*, наконецъ *метательный снарядъ* (ср. *jaculum*) и др.

Во-вторыхъ, при объясненіи *jaculum*, а также нѣкоторыхъ другихъ именъ съ инструментальнымъ суффиксомъ, но съ пассивнымъ значеніемъ, нельзя упускать изъ виду прилагательныхъ на *-torius* (*ssorius*, *-sorius*) и субстантивированныхъ именъ на *-toria*, *-torium* (*ssoria*, *-soria* и пр.). Будучи произведены отъ nomina agentis на *-tor* (*-ssor*, *-sor*) эти имена имѣли первоначально активное значеніе, но въ позднемъ языкѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ развилось пассивное значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень ясно дѣйствіе аналогіи,—возьмемъ названія различнаго рода одежды: *amictorium*, *cinctorium*, *praecinctorium*, *strictoria*, *subligatorium*, *succinctorium*, *indutorius*, *suffibulatorium*, *fibulatorius* (напр. *fibulatoria* saga). Первыя семь именъ могутъ быть поняты, какъ инструментальныя, такъ какъ соотвѣтствующіе имъ глаголы употребляются съ творительнымъ падежомъ одежды; но *fibulatorius* получило свое значеніе «застегиваемый» очевидно по аналогіи этихъ именъ, такъ какъ глаголъ *fibulare* не имѣлъ при себѣ творительнаго падежа. Съ другой стороны, въ сочетаніи съ существительными, въ родѣ *vestis* и т. п., всѣ эти имена получали особенный оттѣнокъ («предназначенный для чего-либо»), который приближалъ ихъ къ герундивамъ: ср. *litterae dimissoriae*, *onus deportatorium*, или глоссы *ereptorius* «adimendus», *subjunctorium* «ὑποζύγιον», *locatorius* «μισθωσιμαῖος» и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что страдательное значеніе у этихъ именъ развилось сравнительно поздно и притомъ развилось главнымъ образомъ благодаря ихъ сочетаніямъ съ существительными: по крайней мѣрѣ, у одного изъ нихъ—*risorius* намъ извѣстны оба значенія 1) «смѣшной», 2) «смѣющійся» (ср. serena facie, risorio ore у Августина). Опираясь на *risorius*, мы могли бы точно также понять страдательное значеніе и въ *ridiculus*, *ridiculum* («заслуживающій осмѣянія», «тотъ, надъ кѣмъ», — или «то, надъ чѣмъ—смѣются»), хотя оно можетъ быть объяснено и другимъ путемъ (ср. слѣдующій ниже пунктъ).

Мы указали такой случай, когда первоначальное nomen instrumenti переходитъ въ nomen acti благодаря сочетанію съ опредѣляемымъ существительнымъ. Исторіа латинскаго *piaculum* покажетъ намъ, что такое же семасіологическое измѣненіе можетъ наступить тоже при посредствѣ синтактическихъ сочетаній, но другимъ путемъ. Выпишемъ важнѣйшіе примѣры употребленія *piaculum* изъ словарей Георгеса и Клотца. Общее значеніе слова «средство къ умилостивленію (боговъ)»; отсюда А) «умилостивительная жертва»: porco piaculum facere или dare (Катонъ и Макробій), porco femina piaculum pati (Цицеронъ), sacra piaculaque apud lucum Dianae per pontifices dare (Тацитъ); В) «искупленіе=наказаніе»: a violatoribus gravia piacula exegit (Ливій XXIX 18 и др.).—II) «Все, что требуетъ искупленія»: А) piaculum rerum praetermissarum (Ливій), piaculum committere (Ливій), piacula sibi contrahere (Ливій), piaculum mereri («позволить себѣ проступокъ», id.), piaculo soluti (Тацитъ *ann.* I 30); eo die verberari piaculum est (Фабій Пикторъ у Геллія X 15); palam mutire plebejo piaculum est (Энній у Феста Thewr. de Pon. 124); piaculum est misereri nos hominum male rem gerentium (Plaut. *Truc.* 2, 1, 13); В) «несчастный случай, несчастіе»: ut domus tuta existimetur a piaculis omnibus (Плиній). Откуда появилось второе, страдательное, значеніе? Отвѣтъ на это мы получимъ уже изъ разбора нѣкоторыхъ примѣровъ первой группы: обороты piaculum facere и dare сходны съ оборотами *sacrum* (sacra) facere и dare, *poenas* dare; съ оборотомъ piacula exigere ср. *poenas* exigere. Переходя во вторую группу, мы видимъ, что обороты piaculum committere, contrahere, mereri тождественны съ оборотами *poenam* committere, mereri, contrahere, а также съ *scelus* committere, *nefas* contrahere; связь piaculum съ scelus объяснитъ намъ употребленіе обоихъ словъ въ смыслѣ «несчастный случай»: для *piaculum* мы уже привели примѣръ изъ Плинія, для *scelus* ср.: accidit infandum nostrae scelus puellae (Mart. VII 14). Далѣе, piaculum est съ accus. c. inf. напоминаетъ собою nec *fuerat* nudas *poena* videre deas (Propert. III 13, 18). Въ свою очередь, этого послѣдняго оборота, а также aliquid poenae est, нельзя отдѣлить отъ *religio* est, *religioni* est съ acc. c. infinit. Дальнѣйшая связь *religio* съ *piaculum* обнаруживается въ оборо-

тахъ piaculo solvere ∽ religione solvere. Въ виду всѣхъ этихъ сопоставленій, можно, во-первыхъ, утверждать, что нѣкоторыя изъ значеній *piaculum*, *poena*, *religio* могли возникнуть путемъ вліянія одного изъ этихъ словъ на другія, съ нимъ связанныя. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что пассивное значеніе въ данныхъ словахъ могло выработаться синтактическимъ путемъ. Напр.. *religione*, *piaculo solutus* первоначально могло значить «избавленный отъ религіозныхъ обрядовъ, отъ очистительной или умилостивительной жертвы»; такъ какъ подобное избавленіе равнялось признанію невиновности даннаго лица, то выраженія эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, получали значеніе «свободный отъ грѣха, требующаго умилостивительной жертвы». Или, напр., глаголы *committere*, *contrahere* и *mereri*, въ сочетаніяхъ съ которыми намъ извѣстны *poena* и *piaculum*, положительно затемняли значеніе своихъ дополненій: съ одной стороны, можно было сказать scelus committere, scelus mereri, nefas contrahere, т. е. употребить при этихъ глаголахъ имя съ пассивнымъ значеніемъ; съ другой—committere mulctam, poenam, contrahere poenam и даже porcam и пр.

Мы указали три фактора, которые приводятъ къ затемненію первоначальнаго значенія инструментальныхъ именъ. Но нельзя упускать изъ виду еще одного важнаго обстоятельства. А именно, намъ извѣстно, что многіе глаголы употребляются какъ съ дополненіями, такъ и самостоятельно. Въ первомъ случаѣ подчеркивается идея залога, во второмъ– идея эта почти отсутствуетъ сравнительно съ идеей дѣятельности, дѣйствія. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ одно и то же имя, произведенное отъ подобнаго глагола, можетъ разсматриваться и какъ инструментальное (точнѣе, каузативное, въ смыслѣ «средство къ возбужденію дѣйствія, обозначеннаго глагольнымъ корнемъ») по отношенію къ глаголу, употребляющемуся безъ дополненій, и какъ пассивное—по отношенію къ тому же глаголу, но употребляющемуся съ дополненіемъ. Таково лат. *ridiculum* или *ridiculus*: отчасти это будетъ qui, quod ridetur, ridendus (-um) est. Такой смыслъ м. б. виденъ у Лукреція II 48, м. б. также у Горація *epist.* II 1 v. 238: idem rex ille, qui tam *ridiculum* tam care prodigus emit, edicto vetuit, ne quis se praeter Apellen pingeret; изъ связи (v. 233) видно, что ridiculum poema («достойная осмѣ-

нія») принадлежала Херилу, incultis qui versibus et male natis rettulit acceptos, regale nomisma, Philippos. Такой оттѣнокъ, уже несомнѣнно, имѣло ridiculum est съ infinitiv'омъ—въ устахъ разгнѣваннаго человѣка.

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія интранзитивнаго *ridere*, *ridiculus* или *ridiculum* будетъ «тотъ, кто (то, что) смѣшитъ, заставляетъ смѣяться»: ср. *ridiculus* «шутъ», *ridicula* «шутки», напр. Cic. *de or.* 2, 71, 286: saepe etiam sententiose ridicula dicuntur.

Точно также я объяснилъ бы *miraculum*: это будетъ собственно «средство вызвать дѣйствіе mirari», по скольку глаголъ mirari употребляется абсолютно,—и съ другой стороны, это будетъ пассивное имя съ точки зрѣнія *miror aliquid*. Можетъ быть, сюда же относится и *spectaculum*, которое можно понять какъ каузативное имя при абсолютномъ употребленіи *spectare* и какъ пассивное при *spectare aliquid*. Прибавлю, что всѣ эти три слова имѣли болѣе или менѣе сходную судьбу: ср. выраженія ridiculo, miraculo, spectaculo esse и др.

Мы должны теперь отмѣтить еще одинъ очень важный факторъ, приводящій къ тому же результату, какъ и первые четыре. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ языкъ не проводитъ рѣзкой разницы между орудіемъ и результатомъ дѣйствія—подъ вліяніемъ двойственности воззрѣній на орудіе вообще или по крайней мѣрѣ на инструментальное имя. На стр. 39 было указано, что одно и то же слово можетъ обозначить какъ Zunge (языкъ—членъ человѣческаго тѣла), такъ и Sprache (языкъ—совокупность звуковъ, словъ и оборотовъ, вырабатываемыхъ посредствомъ Zunge); а между тѣмъ, Zunge относится къ Sprache, какъ орудіе къ результату. Это характерное явленіе объясняется тѣмъ, что какъ на Zunge, такъ и на Sprache мы можемъ смотрѣть одинаково какъ на «средство говорить» (напр. «мы говоримъ *языкомъ*, а не другой частью тѣла», «мы говоримъ *языкомъ* образованнаго общества», т. е. «мы употребляемъ *слова* и *выраженія*, свойственныя образованному обществу»): разница только та, что первое воззрѣніе будетъ болѣе образнымъ, чѣмъ второе.—Эта двойственность воззрѣнія распространяется и на видовыя понятія: такъ напр. *голосомъ* въ различныхъ языкахъ называется не только ор-

ганъ рѣчи и пѣнія, но и совокупность звуковъ, вырабатываемыхъ этимъ органомъ: напр. «голосъ пѣвца», «я слышу голоса»,—ср. нѣм. *Stimme*, лат. *vox*, греч. φωνή. Въ виду этого, для насъ совершенно понятно, что инструментальныя имена, образованныя отъ корней «говорить, пѣть», во всѣхъ языкахъ могутъ принимать пассивное значеніе. Изъ древне-инд. языка можно указать *hótrā* «воззваніе»; м. б. *stotrám* «хвалебная пѣснь»; *vāditram* музыкальный инструментъ», а также «музыка»; *mantras* или *mantram* «изреченіе». Правда, послѣднее слово образовано отъ корня *man-* «думать»; но извѣстно, что понятія «говорить» и «думать» во многихъ языкахъ отождествляются: такъ, въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ понятіе «говорить» выражается глаголами «гадать» и «думать», оба значенія имѣетъ греческое φημί; ср еще нѣм. *Rede*, *reden*, родственныя по корню съ латинскимъ *ratio* [1]). Изъ латинскаго языка намъ извѣстны *fabula* и *oraculum* (изреченіе оракула), изъ греческаго—ῥήτρα; изъ кельтійскихъ языковъ: др. ирл. *briathar* «слово», *cētal* «пѣсня», *scēl* «разсказъ» (изъ пракельт. **skue-tlon*, кор. **seq-* «говорить»). Славянскіе примѣры: старослав. **рекло** «dictum», **жрѣло** «vox» или **грѣло** «guttur, vox», словинское *bajilo* «incantatio»; русское *балы* «fabulae»; можетъ быть, сюда же относится латышское *mīkla* «загадка» (отъ *miñti* «думать»). Германскіе примѣры: др. верхне-нѣм. *galstar* «пѣсня» (*galan* «пѣть») при англо-сакс. *gealdor*, др. исл. *gal-dr*.

Можно и еще указать такіе случаи, когда пассивное значеніе въ инструментальномъ имени возникаетъ подъ вліяніемъ особенности представленій, связанныхъ съ этимъ именемъ. Таково греч. χαρακτήρ, которое было первоначально nomen agentis, затѣмъ nomen instrumenti «чеканъ», и наконецъ nomen acti: «изображеніе, полученное при помощи чекана», «монета». Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни обозначали предметы вродѣ «печати» и т. п.—своими ли словами или заимствованными, какой бы корень или словообразовательный суффиксъ мы ни употребляли для образованія соотвѣтствующихъ словъ,—характернымъ внѣшнимъ при-

[1]) Kluge Wörterb.: „*Rede* F. aus mhd. *rede*, ahd. *redia reda* F. „Rechenschaft, Rede u. Antwort, Rede, Erzahlung, Nachricht“; entsprechend asächs. *redia* F. „Rechenschaft“, got. *raθjō* F. „Rechenschaft, Rechnung, Zahl“; dazu got. *ga-raθjan* „zählen“ und weiterhin in regelmässiger Lautentsprechung lat. *ratio*.“

знакомъ подобныхъ предметовъ намъ всегда будетъ представляться то изображеніе, которое находится на самомъ этомъ предметѣ (моментъ инструментально-активный) и которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть передано другому предмету или веществу (моментъ пассивный). Слова *moneta*, σφραγίς, *signum*, *печать*, *Stempel*, *Gepräge*, *Siegel*, фр. *timbre*, ит. *bollo* и мн. др., естественно, обозначаютъ не только инструментъ или орудіе для отпечатанія извѣстныхъ знаковъ, но и отпечатокъ, полученный при посредствѣ этого орудія.

Такъ надо объяснять пассивное значеніе въ χαραχτήρ и напр. въ поздне-лат. *signaculum*, которое значитъ 1) печать, какъ инструментъ, 2) печать, какъ знакъ. Но по поводу χαραχτήρ надо сказать еще нѣсколько словъ,—именно для объясненія значенія «монета», полученнаго этимъ словомъ. Дѣло въ томъ, что у всѣхъ народовъ наблюдается тенденція—считать однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ монеты ея гербъ, вычеканенное на ней изображеніе. Поэтому, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ очень часто встрѣчается названіе монетъ по ихъ гербамъ: ἀγκύρα (τὸ τριώβολον. Κύπριοι. Hesych.), βοῦς, κόρη, γλαῦξ (τετράδραχμον. Ἀθήνησι. Hesych.), μέλισσα, ἵππος (τετράχαλκον. Λάκωνες. Hes.), χελώνη, πέλεκυς (δωδεκαμναῖον), Παλλάδος πρόσωπον (στατήρ, ἐπὶ μὲν ἑνὸς μέρους Ἀθηνᾶς πρόσωπον, ἐπὶ δὲ θατέρου τὴν γλαῦκα... Hesych.) и др. (Schrader Linguistisch—historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, p. 127). У новыхъ народовъ ср. ит. *fiorino* при *fiore* «цвѣтокъ», средне-нѣм. *kriuzer* при *kriuz* «крестъ», русск. *кораблешники* (*корабль*) [1]), франц. *écu* (*scutum*) и мн. др. (Schrader ibid. p. 139).

Это—первое замѣчаніе относительно χαραχτήρ. Во-вторыхъ, въ связи съ этимъ словомъ мы поймемъ исторію καυτήρ, которое значило 1) инструментъ для прижиганія, 2) клеймо отъ прижиганія, обжогъ. А разъ въ языкѣ понятіе «обожженная часть тѣла или кожи» можетъ обозначаться инструментальнымъ именемъ, то подобный способъ обозначенія вполнѣ примѣнимъ и къ понятію «обмороженная часть тѣла» и т. п. Такъ я желалъ бы понять χίμετλον или χείμετλον (Arist. *Vesp.* 1167 «отмороженная часть

[1]) Ср. современное народное обозначеніе сторублевой бумажки.

тѣла»: τὸ ἐν χειμῶνι γενόμενον ἕλκος ὑπὸ ψύχους Hesych., или, какъ выражается схоліастъ къ Ликофрону 1290, τὰ ἐκ χείματος ἀποψύγματα, τὰς τῶν ποδῶν ἀποκαύσεις· ὑπὸ γὰρ τοῦ ψύχους ἀποκαίονται οἱ πόδες αὐτῶν). Нечего и говорить о томъ, что всѣмъ народамъ свойственно сопоставлять дѣйствіе мороза съ дѣйствіемъ жара («морозъ *обжигаетъ*»): ср. у самихъ грековъ, кромѣ только что процитированной замѣтки схоліаста къ Ликофрону, напр. Xenoph. *Cyn.* 8, 2 (ἡ χιὼν καίει τῶν κυνῶν τὰς ῥῖνας). Правда, могутъ возразить, что χίμετλον — имя вторичное, но инструментальные суффиксы таковы, что они до извѣстной степени сохраняютъ свое значеніе даже во вторичныхъ образованіяхъ: ср. греч. δακτυλήθρα («рукавица», Xenoph. *Cyr.* VIII 8, 9), при которомъ нѣтъ глагола δακτυλέω и мн. др.

Въ третьихъ, заслуживаютъ вниманія инструментальныя имена, произведенныя отъ глаголовъ *вить*, *плести*, *прясть*, *ткать*: такъ лат. *tēla* значитъ 1) ткацкій станокъ, 2) основа (der Aufzug bei dem Gewebe, der Zettel, die Werfte) и 3) ткань (das Gewebe); ср. *stamen*, которое значило 1) der Weberzettel, die Werfte, der Aufzug, die Kette, 2) der Faden, 3) das Gewebe, ein Kleid. Или напр. *colus* значило 1) прялка, 2) нить, напр. coli quas indoctae nevere manus (Senec. *Herc. Oet.* 672); rumpere supremas colos (о нитяхъ жизни, Val. Flacc. 6, 645). Ту же исторію имѣли и греческія слова: напр. κλωστήρ значило какъ «прялка», такъ и «нить», или, точнѣе сказать, «клубокъ нитокъ»; ἱστός было не только инструментальнымъ, но и пассивнымъ (напр. Il. 3, 125: ἡ δὲ μέγαν ἱστὸν ὕφαινε) и пр. Ср. литовско-славянскіе примѣры (взяты у Лескина Die Bildung der Nomina im Littauischen и у Миклошича Vergl. Gramm. II): чешское *přadlo* «Gespinnst»; лит. *pinklas* «Geflecht» (отъ *pìnti* «плести»), *tiñklas*, латышское *tīkls*, пруск. voc. *tinklo* «Netz» (ср. латышскій глаголъ *tinu*, *tīt* «свивать»), лит. *pinklis* «Mischmasch, Verworrenes», *pinklė* «Netz (der Spinne)», «Schlinge» (ср. *pinklas*), латышское *saiklis* «Schrank, d. i. Garbenband von Stroh» (отъ *sẽt* «связывать»), литовское *audẽklas*, латышское *pineklis* «Fessel» (отъ *pīt*, lit. *pìnti* «flechten»), *tineklis* «Gewickeltes» (отъ *tinu*, *tīt*) при литовскомъ *výstyklas* «Windel» (отъ *výstyti* «wickeln») и мн. др.

По поводу этого перечня, далеко не полнаго, замѣтимъ слѣдующее:

1) Нѣсколько искусствъ и ремеслъ заразъ отнесены нами въ одну группу, потому что все это ремесла близкія другъ къ другу и даже развивавшіяся одно изъ другого (см. Schrader Linguistisch-historische Forschungen pp. 161—187).

2) Для удачнаго разъясненія исторіи значенія словъ, связанныхъ съ этими ремеслами, необходимо выйти за предѣлы науки о языкѣ: многое выяснится только при знакомствѣ съ устройствомъ напр ткацкаго станка, съ назначеніемъ его отдѣльныхъ частей,—равнымъ образомъ при знакомствѣ съ исторіей данныхъ ремеслъ у отдѣльныхъ народовъ. Хотя въ указанной книгѣ Шрадера есть нѣкоторые матеріалы для рѣшенія этой задачи, но самъ я къ сожалѣнію долженъ отъ нея отказаться [1]). Замѣчу только одно: разговоръ со спеціалистами приводитъ къ заключенію, что нѣкоторыя изъ словъ этой сферы, кажущіяся профану пассивными, на самомъ дѣлѣ обозначаютъ такіе предметы, которые въ ткацкомъ ремеслѣ могутъ разсматриваться, какъ орудія.

При всемъ томъ, я позволю себѣ высказать, на всякій случай, два соображенія по поводу приведенныхъ мною примѣровъ.

Во-первыхъ, исторія такихъ словъ, какъ *colus*, κλωστήρ и т. п., нѣсколько напоминаетъ исторію словъ, обозначающихъ *мѣру* (я имѣю въ виду смѣшеніе активнаго и пассивнаго моментовъ въ значеніи тѣхъ и другихъ словъ). Интересно знать, нѣтъ ли органическаго родства въ нашихъ воззрѣніяхъ на то и на другое? Въ этомъ случаѣ, были бы характерны такія выраженія, какъ *colus plena*, *colus vacuus* и т. д.

Во-вторыхъ, возьмемъ такое понятіе, какъ «пеленка», или, еще лучше, «свивальникъ»: по существу своему, это—инструментальное имя, это будетъ «то, чѣмъ свиваютъ»; но если мы обратимъ вниманіе на внѣшнюю форму, которую приметъ свивальникъ на тѣлѣ ребенка, то свивальникъ будетъ представляться намъ, какъ «нѣчто свитое»,—такая же двойственность представленій, какъ при понятіяхъ «печать, штемпель». Такимъ образомъ, въ нашихъ представленіяхъ, связанныхъ съ данными словами, оба момента

---

[1]) Моей некомпетентностью въ подобнаго рода вопросахъ объясняется и то обстоятельство, что я не приложилъ ко многимъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ русскаго перевода.

въ значеніи этихъ словъ—какъ активный, такъ и пассивный—могутъ идти параллельно, не вытѣсняя другъ друга, такъ какъ одинъ изъ этихъ моментовъ (активный) имѣетъ отношеніе къ самому назначенію предмета, обозначеннаго даннымъ словомъ, а другой моментъ (пассивный)—къ его внѣшней формѣ. Такъ я желалъ бы понять отношеніе литовскаго *výstyklas* «свивальникъ» (Windel) къ латышскому *tineklis* «Gewickeltes». Далѣе, уже совершенно ясно, что если языкъ началъ обозначать «нѣчто свитое» инструментальнымъ именемъ, то, по аналогіи, онъ можетъ обозначать такимъ же образомъ «нѣчто сплетенное, связанное».

Въ виду всего вышеизложеннаго, неудивительно найти въ отдѣльныхъ языкахъ имена съ инструментальными суффиксами, но съ пассивнымъ значеніемъ. Такъ какъ одни и тѣ же условія этого семасіологическаго измѣненія дѣйствительны для каждаго отдѣльнаго индо-европейскаго языка, то весьма вѣроятно, что процессъ превращенія nominum instrumenti въ nomina acti начался еще въ пра-индоевропейскую эпоху.

По пути мы разъяснили почти всѣ nomina instrumenti съ пассивнымъ значеніемъ въ обоихъ классическихъ языкахъ; въ нашъ обзоръ вошли также многія имена изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ. Подробно разбирать оставшіяся имена изъ языковъ неклассическихъ мы не будемъ, предоставляя эту работу спеціалистамъ по каждой отдѣльной индоевропейской группѣ. Однако мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей на такіе случаи, въ которыхъ различные языки приходятъ къ одинаковымъ результатамъ:

1) Инструментальныя имена съ пассивнымъ значеніемъ «пища», «питье» отъ глаголовъ *ѣсть* и *пить*: др инд. *atram* «пища», слов., болг., сербск. *jelo*, польское *jadło*, *jedło* тоже (но русское діалектическое *ѣдало* значитъ «челюсть»), старо-лит. *valgykla* «пища» (отъ *válgyti* «ѣсть»); слов. *pilo* «potus» (ср. ibid. *jelo*; но сербское *пило* значитъ «vas»), литовское *girklas* «напитокъ» (отъ *gérti*) при инструм. *gerklė̃* «горло».

2) Инструментальныя имена съ пассивнымъ значеніемъ отъ глаголовъ *дава́ть*: др. инд. *dā́tram* и м. б. *sanitram* «даръ» (опредѣлить первоначальный оттѣнокъ значенія этого послѣдняго име-

ни трудно, въ виду пестроты значеній глагола *san-*); сербск. *дарило* «даръ», лит. *dǔklė* «отдача».

§ 2. *Nomina instrumenti, переходящія въ nomina actionis.* Путь для подобнаго перехода былъ намѣченъ нами уже раньше. Въ первой главѣ были указаны двѣ возможности подобнаго перехода: во-первыхъ, инструментальное имя обращается въ локальное, а тѣ локальныя имена, которыя обозначаютъ мѣсто движенія, могутъ переходить, подъ вліяніемъ синтактическихъ сочетаній и процессовъ аналогіи, въ nomina actionis: такъ объясняли мы ἀγών въ смыслѣ «состязаніе», *curriculum* въ смыслѣ «бѣгъ», д. и. *čaritram* и *yātrā* въ смыслѣ «движеніе»; аналогіей съ *curriculum* были объяснены *reverticulum*, *meaculum*, *remeaculum*, *demeaculum*. Вліяніе ἀγορά было допущено для объясненія ἕδρα въ смыслѣ «засѣданіе». Во-вторыхъ, такой же переходъ возможенъ черезъ посредство измѣненія nominis instrumenti въ nomen acti: въ этомъ новомъ значеніи данное имя можетъ примкнуть къ классу такихъ именъ, которыя, въ зависимости отъ синтактическихъ сочетаній, употребляются какъ въ смыслѣ nominum acti, такъ и въ смыслѣ nominum actionis. Это послѣднее значеніе, по аналогіи съ указанными именами, можетъ получить и такое nomen acti, которое произошло изъ nomen instrumenti. Такъ, нами было указано, что *poculum*, собственно «то, изъ чего пьютъ», подъ вліяніемъ той среды, въ которой оно употреблялось, могло также значить «напитокъ» (nomen acti); въ этомъ значеніи оно соприкасалось съ *vinum*, которое могло употребляться и какъ nomen acti и какъ nomen actionis; по аналогіи, это послѣднее значеніе проникло и въ *poculum*, а отсюда въ *potacula*.

Оба эти фактора, т. е. аналогію и синтактическія сочетанія, мы теперь приложимъ къ другимъ примѣрамъ и прежде всего разберемъ исторію ἕδρα. У Гомера это слово имѣетъ всюду локальное, т. е. конкретное, значеніе; изъ болѣе поздняго языка, кромѣ ἕδρας ποιεῖν и ἕδρα въ см. «засѣданіе», намъ извѣстны: Μαρδόνιος περιημέκτεε τῇ ἕδρῃ (=«бездѣйствіе», «праздное сидѣніе», Herod. IX 41); τῶν στρατιωτῶν ἀχθομένων τῇ ἕδρᾳ (Thuc. V 7; ср. у него же II 18 καθέδρα въ см. μέλλησις, ἐπίσχεσις); χωρῶμεν ἐγκονῶμεν, οὐχ ἕδρας ἀκμή («не время для сидѣнія, не

время сидѣть», Soph. *Ai.* 811); οὐχ ἕδρας ἔργον οὐδ' ἀμβολᾶς (Bacchylid. *fr.* 23).

Это значеніе могло возникнуть по аналогіи съ ἕδος, къ которому ἕδρα было ближайшимъ синонимомъ и съ которымъ оно почти одинаково употреблялось,—между прочимъ въ сакральномъ языкѣ. Что же касается ἕδος, то оно было не только локальнымъ именемъ, но и nomen actionis (судя по суффиксу,—значеніе первоначальное), напр. οὐχ ἕδος ἐστι «некогда сидѣть» (Iliad. 11, 647, ср. 23, 205). Съ другой стороны, мы имѣемъ полное основаніе допустить ассоціацію ἑδρα со словами, обозначавшими «постель»: λέχος, κοῖτος, κοίτη, εὐνή. А эти слова были какъ локальными, такъ и nomina actionis (для первыхъ трехъ это послѣднее значеніе—вѣроятно первоначальное): для λέχος интересенъ напр. переводъ Гесихія (κοίτη, κλίνη, γάμος, μῖξις, συνουσία, γυνή), для κοῖτος ср. Odyss. 3, 334 (ὥρη κοίτοιο), для κοίτη—Herod. I 10 и V 20 (ὥρη τῆς κοίτης,—ср. ἕδρας ἀκμή), для εὐνή очень хорошимъ примѣромъ можетъ служить гомеровское φιλότητι καὶ εὐνῇ μιγῆναι,—оборотъ, напоминающій собою φιλότης καὶ ὕπνος (Iliad. 13, 636; 14, 353). Кромѣ того, всѣ указанныя слова употреблялись въ двусмысленныхъ сочетаніяхъ, которыя способствовали закрѣпленію въ нихъ двухъ значеній,—напр. ἕδραν ἔχειν (Aesch. *Eum.* 41) или κοίτας ἔχειν (Eur. *Troad.* 494), гдѣ ἕδρα и κοίτη можно понять и какъ локальное имя («имѣть мѣсто для сидѣнія, лежанія») и какъ nomen actionis («сидѣть, лежать»).

Въ предъидущемъ § было указано, что *piaculum* соприкасалось съ *sacrum*; но *sacrum* могло обозначать какъ предметъ жертвы, такъ и жертвоприношеніе, священнодѣйствіе. Возьмемъ двѣ пары оборотовъ, приведенныхъ въ томъ же 2 §: *sacra dare*∞*piacula dare*, *sacra facere*∞*piaculum facere*. Въ послѣднемъ выраженіи, возникшемъ по аналогіи съ *sacra facere*, *piaculum* обозначаетъ уже не очистительное средство, не жертвенное животное, но очистительный обрядъ,—т. е. здѣсь *piaculum* есть nomen actionis.

Равнымъ образомъ, греч. θύσθλον,—съ тѣхъ поръ какъ оно стало значить «предметы, приносимые въ жертву»,—могло ассоціироваться съ именами, обозначавшими какъ жертвенные предметы, такъ и процессъ жертвоприношенія. Такимъ именемъ было напр. θυσία (ср. еще θῦμα, σπονδή и др.). Изъ примѣровъ

его употребленія въ качествѣ nominis actionis обратимъ вниманіе на ἐν ἱερῶν θυσίαις, гдѣ ἱερῶν есть несомнѣнный genitivus objectivus (ср. ἱερὰ θύειν),—полной параллелью къ этому выраженію является слѣдующее мѣсто у Ликофрона: ἔγχωροι... αἰανῆ θεὸν λοιβαῖσι κυδανοῦσι καὶ θύσθλοις βοῶν (v. 929=720). Это θύσθλα въ данномъ сочетаніи, конечно, придется понимать какъ nomen actionis «приношеніе въ жертву».

Изъ той же сакрально-юридической сферы слѣдуетъ разобрать латинское *lūstrum*, которое довольно своеобразнымъ путемъ обратилось въ абстрактное имя. По основному значенію, это—инструментальное имя «очистительная жертва». Такъ какъ эта жертва приносилась періодически въ опредѣленные дни черезъ каждые пять лѣтъ, то ея обозначеніе—*lūstrum*—естественно ассоціировалось съ абстрактными именами, обозначавшими «время» и, по аналогіи съ ними, само стало значить «приношеніе жертвы», «время приношенія извѣстнаго рода жертвы», «пятилѣтній промежутокъ», «вообще тѣ дѣйствія, которыя были связаны съ днемъ приношенія *lustrum*» и т. д. Ср. во-первыхъ глоссу Павла Діакона (Thewr. de Pon. 86): cum ejusdem vocabuli prima syllaba producitur, significat nunc tempus quinquennale, nunc populi lustrationem; во-вторыхъ, интересно замѣчаніе Варрона *ling. l.* VI 11: lustrum nominatum tempus quinquennale a luendo, i. e. solvendo, quod quinto quoque anno vectigalia et ultro tributa per censores solvebantur (т. е. здѣсь подъ lustrum разумѣется срокъ взысканія и платежа податей). Далѣе, такія выраженія, какъ lustrum condere, perficere, обозначаютъ «закончить отправленіе должности цензора», sub lustrum—«при окончаніи цензуры»; съ императорской эпохи, когда въ день приношенія *lustrum* стали праздноваться капитолинскія игры, это слово стало употребляться и въ значеніи «игры»: въ этомъ отношеніи характеренъ оборотъ *lustri certamen* [1]).

---

[1]) Исторія слова *lūstrum* очень сходна съ исторіей словъ *чай, кушанье* и т. п. Въ концѣ первой главы мы указывали на то, что эти слова могутъ употребляться на правахъ nomina actionis (*передъ чаемъ* и т. п.); такое употребленіе развилось подъ вліяніемъ такихъ словъ, которыя обозначали не только совокупность предметовъ питанія, но и моменты ихъ принятія въ пищу. Что́ способствовало та-

Латинское *lāna* (ср. др. инд. *ūrṇā*, ст. слав **влъна** и др.) было само по себѣ конкретнымъ существительнымъ «шерсть»; но въ выраженіи *lanam facere* (первоначально «обрабатывать шерсть») оно получило новый оттѣнокъ какъ-бы «обработка шерсти, пряжа». Съ *lāna* въ его первоначальномъ значеніи соприкасались *tēla* и *stamen*, изъ которыхъ первое было завѣдомо инструментальнымъ именемъ съ основнымъ значеніемъ «ткацкій станокъ», [1]) затѣмъ «основа, матеріалъ, обрабатываемый на станкѣ» (въ этомъ второмъ значеніи *tēla* совпадаетъ со *stāmen*[1]). Такимъ образомъ, основное значеніе у *stamen* и вторичное у *tēla* были близки къ основному значенію *lāna*; по аналогіи съ *lāna*, оба слова получили абстрактное значеніе, которое мы отмѣтили для *lāna*: ср. lanā et telā victum quaeritare («пряжей и тканьемъ»—Terent. *Andr.* 75); для *stamen* ср. Propert. I 3, 41: fallebam stamine somnos («пряжей»).

Лат. *fabula*, получивъ значеніе «разсказъ» («то, что разсказано»), ассоціировалось съ именами вродѣ *narratio* (nomen actionis+acti) и само стало употребляться въ позднемъ языкѣ какъ nomen actionis: ср. fabulae convivales (Tacit. *ann.* VI 5), inter fabulas privatas (Lampr.), tempus fabulis conterere (Plin. *ep.*) и мн. др.

Какъ nomen actionis, употребляется и *spectaculum*, напр. въ выраженіи nondum commisso spectaculo; но это, должно быть, объясняется особенностями театральнаго языка, въ которомъ понятія «пьеса, зрѣлище» выражаются одинаково съ понятіями «представленіе пьесы» и т. п.

Далѣе, возможенъ такой случай, когда первоначальное nomen instrumenti употребляется на правахъ nominis actionis по аналогіи съ такими nomina actionis, которыя допускаютъ инструментальное значеніе: ср. toga picta plerumque *amiculo* (вм. *amic-*

кой ассоціаціи словъ *чай* и т. п. со словами *обѣдъ* и т. п.? Дѣло въ томъ, что чаепитіе (какъ и обѣдъ) пріурочивается къ опредѣленному времени и притомъ періодически повторяется изо дня въ день, въ болѣе или менѣе опредѣленные часы. Вслѣдствіе этого, между предметомъ и временемъ его примѣненія къ дѣлу, естественно, возникаетъ связь, въ силу которой данный предметъ становится показателемъ этого времени.

[1]) Инструментальное значеніе для *tela* (какъ напр. и для *curriculum*) засвидѣтельствовано сравнительно поздно, но что оно было основнымъ, на это указываетъ суффиксъ.

tui, *vestitui*) erat accumbenti (Саллюстій у Макробія *sat.* 2, 9); поводомъ для такого выраженія было то обстоятельство, что инструментальное *amiculum* мало отличалось отъ *amictus*, *vestitus* и т. п., которыя, будучи первоначально nomina actionis, употреблялись также въ качествѣ инструментальныхъ именъ.

Не совсѣмъ ясно для меня *temperacula ferri* «обработка желѣза» (у Апулея *flor.* 6 p. 5, 18); можетъ быть, это зависитъ отъ того, что у Апулея встрѣчается вообще не мало существительныхъ на *-culum* со значеніемъ nominum actionis.

Далѣе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ *offensaculum*. Это позднее слово, собственно, извѣстно какъ конкретное: offensacula pedibus latenter opponere (Lactant.), per offensacula multa ire (Prudent.); но у того же Апулея (*met.* 9, p. 221, 3) оно встрѣчается въ слѣдующей, не совсѣмъ легкой для объясненія, комбинаціи: *crebris* denique *offensaculis* et *assiduis lapsibus* jam contusis cruribus meis vix tandem ad campestres semitas fessus evadere potui. Не будь въ данномъ мѣстѣ et assiduis lapsibus,— *offensacula* можно было бы понять какъ конкретное имя: противъ этого не говоритъ и сочетаніе *offensaculum* съ *creber*, которое можетъ соединяться какъ съ отвлеченными, такъ и съ конкретными существительными (напр. ictus crebri и, съ другой стороны, crebra aedificia, castella). Но въ связи съ et assiduis lapsibus наше слово похоже на nomen actionis («мои ноги были разбиты отъ того, что я постоянно спотыкался и падалъ»).

Въ заключеніе этого перечня мы остановимся на греч. λουτρόν, лат. *lavacrum* и *balneum* (изъ βαλανεῖον).

Λουτρόν (λοϜετρόν) собственно значитъ «то, чѣмъ моютъ, моются», «вода для омовенія». [1]) Древность такого значенія засвидѣтельствована, во-первыхъ, гомеровскимъ сложнымъ именемъ λοϜετροχόος (ср. особ. Odyss. 20, 297) «льющій воду для омовенія», во-вторыхъ, употребленіемъ слова λοϜετρόν у Гомера, напр. Il. 14, 6: εἰς ὅ κε θερμὰ λοετρὰ ἐυπλόκαμος Ἑκαμήδη θερμήνῃ καὶ λούσῃ ἄπο βρότον αἱματόεντα («нагрѣетъ воду и ею смоетъ»...)— ср. Od. 8, 437: θέρμετο δ'ὕδωρ. Или, напр., Il. 23, 44: οὐ θέμις

[1]) Ср. у Аристотеля (*probl.* 4, 30) πλύντρον въ смыслѣ πλύμα т. е. „вода для мытья“.

ἐστὶ λοετρὰ καρήατος ἄσσον ἱκέσθαι, т. е. «не должна коснуться моей головы *вода*» (Ameis остроумно сопоставляетъ съ этимъ мѣстомъ Od. 6, 220: ἀμφὶ δ'ἐλαίῳ χρίσομαι· ἦ γὰρ ὄηρὸν ἀπὸ γροός ἐστιν ἀλοιφή). У Гомера, можетъ быть, только одинъ оборотъ не совсѣмъ ясенъ: οὔη ἐν'ἄμμορός ἐστι λοετρῶν 'Ωκεανοῖο (Il. 18, 489=Od. 5, 275); его переводятъ такъ: «не участвуетъ въ купаньѣ (nomen actionis!) въ Океанѣ», но вѣроятно, его можно понять и буквально: «не бываетъ въ *водѣ* Океана для купанья». Такое же значеніе сохраняется за λουτρόν и въ сакральномъ языкѣ, гдѣ оно значитъ «возліяніе». Въ болѣе позднемъ языкѣ оно начинаетъ употребляться какъ nomen actionis въ смыслѣ «купанье, омовенье» и въ Новомъ Завѣтѣ оно значитъ «крещеніе». Не располагаю матеріаломъ для объясненія этого перехода λουτρόν въ nomen actionis, но могу указать въ самомъ греческомъ языкѣ параллельное явленіе: именно, ἀλοιφή употреблялось въ древнюю эпоху исключительно въ смыслѣ «мазь», позднѣе оно встрѣчается и какъ nomen actionis, напр. Plut. *Thes.* 23, гдѣ ἀλοιφαί (а равно и θερμὰ λουτρά) сопоставлено съ κοσμήσεις и съ σκιατραφίαι, т. е. съ настоящими nomina actionis.

Сходную исторію имѣло лат. *lavacrum*,—слово довольно поздно засвидѣтельствованное: оно значило 1) «комната, въ которой моются» (lavacra, quae corruerant, exstruere), 2) «вода для омовенія» (lavacrum calidum и т. п.), 3) «купаніе, омовеніе» (напр. Apul. *Met.* 5, p. 160, 2: mox lavacro fatigationem sui diluit), а въ языкѣ Св. Писанія «крещеніе».

Равнымъ образомъ, *balneum* или *balineum*, которое было заимствовано изъ греческаго со значеніемъ «баня, какъ мѣсто, гдѣ моются, купаются»,—въ позднемъ языкѣ могло употребляться въ смыслѣ «омовеніе, купаніе»: напр. post balneum (Цельсъ), caventur pridiana balnea (Плиній) и пр. Если не ошибаюсь, сходнымъ образомъ употребляются соотвѣтствующія слова и въ новыхъ языкахъ: напр. слово *ванна* обозначаетъ приборъ или сосудъ, въ которомъ находится вода для купанья; но съ другой стороны мы говоримъ *принять ванну*, *послѣ ванны* и т. п.; ср. также *баня* въ переносныхъ выраженіяхъ *задать кому-нибудь баню* и т. д.

§ 3. *Nomina instrumenti, переходящія въ nomina loci.* Переходъ изъ инструментальныхъ именъ въ локальныя принадлежитъ къ числу наиболѣе легкихъ семасіологическихъ переходовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ локальныя имена, то найдемъ въ ихъ числѣ не мало такихъ, которыя могутъ быть поняты какъ инструментальныя: напр. лат. *umbraculum*, въ виду глагола *umbrare* «давать тѣнь, покрывать тѣнью», значитъ собственно «то, что даетъ тѣнь»; изъ этого основного значенія съ одинаковой легкостью выводятся какъ инструментальное («солнечный зонтъ»), такъ и локальное («тѣнистое мѣсто»); лат. *scala* «лѣстница» можно разсматривать и какъ локальное («мѣсто, по которому всходятъ») и какъ инструментальное имя («средство взойти на верхъ»), греч. ποτιστρα «водопой» есть, въ сущности, «то́, что даетъ воду; то́, что поитъ» (instrum.) и мн. др.—При всемъ томъ, практическое изученіе инструментальныхъ именъ въ разныхъ языкахъ показываетъ, что не всѣ эти имена переходятъ и могутъ переходить въ nomina loci; мало того, историческое изученіе любого языка убѣдитъ насъ въ томъ, что большая часть подобныхъ переходовъ принадлежитъ эпохѣ относительно поздней; а сравнительное изученіе всѣхъ или нѣсколькихъ индо-европейскихъ языковъ приводитъ къ заключенію, что въ праязыкѣ и въ древнѣйшіе періоды отдѣльныхъ языковъ такой переходъ существовалъ только въ очень немногочисленныхъ именахъ, произведенныхъ отъ глагольныхъ основъ съ опредѣленнымъ значеніемъ. Увеличеніе числа подобныхъ именъ въ дальнѣйшей исторической жизни каждаго языка объясняется процессомъ аналогіи.

Въ индо-европейскомъ праязыкѣ такой переходъ былъ, повидимому, пріуроченъ къ именамъ, происходящимъ отъ глаголовъ «жить, пребывать, находиться въ спокойномъ состояніи (сидѣть, лежать или стоять)», и, можетъ быть, отъ глаголовъ движенія, ассоціирующихся съ первыми. Примѣры:

д. в. нѣм. *stadal* «Stadel, Scheune», д.-инд. *sthātram* «мѣсто для стоянія», лат. *stabulum*, русское *стойло*, чешское *stavadlo* «мѣсто для стоянія», лит. *stovỹkle* «stabulum».

др.-инд. *mandiram* «домъ», гр. μάνδρα «стойло».

Гр. ἕδρα, д. исл. *setr*; гр. ἕδεθλον, лат. *sediculum* «sedile» (Paul. Fest. 500), латышское *sedeklis*, гр. ἑλλά изъ *ϝεδ-λά (καθέδρα. Λά-

κωνες Hesych.), лат. *sella*, гот. *sitls* «καθέδρα (Marc. 11, 15), θρόνος (Col. 1, 16), κατασκήνωσις» (Mt. 8, 20; Luc. 9, 58). наше *село*; старо-слав. **сѣдало** и **сѣдѣло**, слов. *sedalo* «мѣсто для сидѣнія»; др. исл. *sǫ:ull*, др. в. нѣм. *satul* «сѣдло»—ср. русское *седло* (изъ **седьло*); латышское *tupeklis* «Gesass» [1]).

Др. инд. *kšetram* (авест. *šoiθrem*) «жилище»; лит. *buklà* «родина», чешск. *bydlo* «жилище» (соотвѣтствующее польское слово значитъ «имущество, скотъ», т. е. оно сохранило инструментальное значеніе «то, чѣмъ существуютъ, средства къ жизни»); мало-русск. *жытло* «жилище», ср. русское діалект. *жило*; латышскія *dsīwŏklis*, *majŏklis*, *miteklis* «жилище»; греч. λέκτρον, др. исл. *lātr* «Wildlager»; греч. κλιντήρ, гот. *hleiθra* «σκηνή», греч. κοιμήθρα «мѣсто для спанья» (такъ переводитъ Свида ἰαυθμός); болг. *легло* «постель»; лат. *cubiculum* «мѣсто для спанья, спальня», *latibulum*, *latebrae*,—ср. лит. *būklas* «latebrae ferarum» и *gulỹkla* «Thierlager»; лат. *habitaculum* «жилище».

Если языкъ обозначаетъ посредствомъ инструментальнаго имени стойло для скота, то совершенно естественно встрѣтить такое же обозначеніе другихъ помѣщеній (закрытыхъ или открытыхъ) для животныхъ. Новыя имена мѣста образуются прежде всего отъ глаголовъ движенія, ассоціирующихся съ глаголами «пребыванія», а затѣмъ и отъ остальныхъ глаголовъ. Такъ возникли обозначенія: 1) выгона: лит. *ganyklà*, латышское *ganikla* или *ganeklis* (впрочемъ, здѣсь прецедентомъ было индо-европ. **agrós*—ср. д. и. *ágras*, греч. ἀγρός, лат. *ager* и др. «выгонъ», «пашня»); ср. далѣе лит. *volyklà* «Stelle, wo man sich herumgewalzt hat»; лат. *volutabrum* «мѣсто, гдѣ копаются свиньи» (напр. Verg. *Georg.* III 411: saepe volutabris pulsos silvestribus apros...), ср. *lŭstrum* у Варрона *res rust.* II 4, 8 (lustra, in quibus volutantur sues) и у Павла Діакона Thewr. de Pon. 86 (*lustra* significant lacunas lutosas, quae sunt

[1]) Литовско-латышскіе и славянскіе примѣры взяты изъ упомянутыхъ выше сочиненій Лескина и Миклошича, германскіе изъ книги Фонъ-Бадера Die Verbalabstracta in den germ. Sprachen, санскритскіе изъ Линднера Altindische Nominalbildung. Далѣе я пользовался матеріаломъ, собраннымъ у Остгофа (Forschungen im Gebiete der indogerm. nominal. Stammbildung, I) и у Бругмана (Grundriss II); наконецъ, значительная часть примѣровъ изъ классическихъ языковъ подобрана мною самимъ.

in silvis aprorum cubilia); лит. *knisỹklė* «Wühlplatz (der Schweine)», греч. ἁλινδήθρα и κυλίστρα (о первомъ см. въ Bekkeri Anecdota: τόπος ἐν ᾧ καλινδοῦνται οἱ ἵπποι καὶ ἄλλοι ἐξακούμενοι τὸν κάματον; по поводу второго см. Poll. I 183, гдѣ приведены еще два синонима—ἁλίστρα и ἐξαλίστρα: τὸ δὲ κυλῖσαι καὶ ἁλῖσαι ἑρεῖς καὶ ἐξαλῖσαι, καὶ τὸ χωρίον ἁλίστρα καὶ ἐξαλίστρα καὶ κυλίστρα). Аналогіей съ этими словами, вѣроятно, объясняется греч. εὔστρα «мѣсто для опаливанія свиней» (βόθρος, ἐν ᾧ τοὺς ὗς εὔουσιν Hesych.; ср. Poll. VI 91: εὖστραι δὲ οἱ βόθροι ἐκαλοῦντο, ἐν οἷς εὕεται τὰ χοιρίδια),—съ которымъ, въ свою очередь, связано позднее καύστρα «мѣсто для сожженія труповъ» и м. б. φλογίστρα (см. словарь Пане).

2) Обозначенія водопоя: лит. *girdyklà*, сербск. *појило*, гр. ποτίστρα и въ позднемъ языкѣ πίστρα (у Страбона; у Эврипида *Cycl.* 47 слово это употреблено еще въ инструментальномъ значеніи «сосудъ, то изъ чего пьютъ»).

3) Вѣроятно въ связи съ инструментальнымъ обозначеніемъ водопоя возникли въ различныхъ языкахъ, въ виду разнообразнаго назначенія воды, такія же обозначенія мѣста для плаванья, купанья, стирки бѣлья: лат. *lavacrum*, *natabulum*, греч. κολυμβήθρα, сербск. *купало*, лит. *maudỹklė* «Badestelle», сербск. *перило* «Waschplatz».

Инструментально-локальныя имена отъ глаголовъ *движенія*: 1) обозначенія лѣстницы и ступеней (части жилища!): гр. *βάθρον* и *βατήρ*, *διαβάθρα*, лат. *scāla*, *grāla*, болг. *стѫпало* «ступень»; обще-германское **hlaiðrō-* «Leiter» и т. п. 2) Прочія имена: д. и. *čaritram* и *yātrā* «дорога», лат. *deverticulum*; *curriculum*, *ambulacrum*, *conciliabulum* и др.; гр. ὀρχήστρα и, по аналогіи съ нимъ, θέατρον; съ другой стороны, отъ ὀρχήστρα трудно отдѣлить два синонимическихъ другъ съ другомъ слова—παλαίστρα и κονίστρα (ср. переводъ κονίσασθαι черезъ ἀγωνίσασθαι у Гесихія, и Poll. III 154: τὰ δὲ χωρία τῆς ἀσκήσεως ἀποδυτήριον, γυμνάσιον, παλαίστρα, κονίστρα).

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ спеціально о латинскихъ инструментально-локальныхъ именахъ. Благодаря аналогическимъ процессамъ, суффиксъ—*culum* скоро пріобрѣлъ въ латинскомъ языкѣ значеніе суффикса мѣстнаго. Напр.,

къ *cubiculum* (спальня) примкнуло *cenaculum* «столовая, помѣщавшаяся въ верхнемъ этажѣ» (δειπνητήριον Gloss. Labb.,—ср. Varro *l. l.* V 162: ubi cubabant cubiculum, ubi cenabant cenaculum vocitabant); отсюда выработалось значеніе «комната верхняго этажа, верхній этажъ» (ὑπερῶον Gloss. Labb.; ср. Varro *ibid.*: posteaquam in superiore parte cenitare coeperunt, superioris domus universa cenacula dicta) [1]). Ср. далѣе *deverticulum* и пр. Благодаря этимъ прецедентамъ суффиксъ—*culum* мы часто находимъ въ именахъ, обозначающихъ общественныя зданія и сооруженія: ср *oraculum* въ см. «Orakelort», *spectaculum* въ смыслѣ «театръ»; *auguraculum* appellabant antiqui quam nos arcem dicimus, quod ibi augures publice auspicarentur (Paul. Fest. 14); ср. наконецъ деноминативное *tabernaculum* (ср. *hibernaculum*), а также *senaculum* (такъ назывались зданія, въ которыхъ происходили засѣданія сената—см. Varro *l. l.* V 156, Fest. Thewr. de Pon. 518).

Мы указали, что переходъ инструментальныхъ именъ въ локальныя первоначально пріурочивался къ весьма опредѣленному числу глагольныхъ корней или основъ, отъ которыхъ произведены эти имена; дальнѣйшее увеличеніе числа nominum loci мы объясняли процессами ассоціаціи и аналогіи. Весьма характерно, что и nomina actionis, произведенныя отъ тѣхъ же глагольныхъ корней или основъ, также способны обращаться въ nomina loci; при этомъ, пути аналогіи въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковы: въ этомъ насъ убѣдитъ анализъ соотвѣтствующихъ nominum actionis въ такихъ языкахъ, гдѣ они распространены и гдѣ мы можемъ прослѣдить исторію ихъ возникновенія,—спеціально въ обоихъ классическихъ языкахъ и особенно въ латинскомъ. Приведемъ важнѣйшіе примѣры, которые такимъ образомъ явятся средствомъ для провѣрки положеній, высказанныхъ въ первой половинѣ этого параграфа.

---

[1]) Вслѣдствіе этого семасіологическаго измѣненія, вызваннаго культурно-историческими причинами, связь *cenaculum* съ *cenare* была сильно затемнена, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ курьезная глосса у Павла Діакона: *cenacula* dicuntur, ad quae *scalis ascenditur* (Thewr. de Pon. 38).

Такъ, при др.-инд. *kšetram* ср. *kšiti-s* «мѣсто жительства»; съ *kšitis* родственны по значенію *vasatis* «гнѣздо» и *vāstu* «мѣсто, домъ» (отъ глагола *vas-* «жить»), далѣе *ramatis* «мѣсто пріятнаго пребыванія» (отъ *ram-* «спокойно пребывать; наслаждаться»); сюда же относится авест. *šyēitis* «мѣсто пріятнаго пребыванія», «родина»=др. перс. *šiyātis* «мѣсто жительства»; при др.-инд. *sthātram* ср. *sthitis* «мѣсто стоянія».—Имена, произведенныя отъ глаголовъ движенія, приведены выше, на стр. 55.

Въ греческомъ языкѣ можно указать на слѣдующіе случаи: στάσις «мѣсто въ боевомъ строю» (ср. *sthitis*); аналогіей съ нимъ объясняется, во-первыхъ, τάξις (въ военномъ языкѣ), во-вторыхъ βάσις въ см. «подставка» (при βάθρον): извѣстно, что βέβηκα было, между прочимъ, синонимомъ къ ἕστηκα; ср. далѣе κλίσις при κλιντήρ; βόσις «пастбище» (Iliad. 19, 268 и др.) получило мѣстное значеніе по аналогіи съ ὄρυσις (Od. 9, 134), а въ этомъ послѣднемъ мѣстное значеніе легко могло выработаться изъ страдательнаго; οἴκησις въ см. «жилище» (ср. Soph. *Phil.* 31: ὁρῶ κενὴν οἴκησιν ἀνθρώπων οἴχα) и пр.

Латинскіе примѣры: *habitatio*, *mansio*, *cubitus*, *accubitio*, *accubitatio*, *discubitio*, *lectus* (при *cubiculum*), *cenatio* (при *cenaculum*), *sessio* (при *sella*), *statio* (ср. *sthitis*, στάσις), *stabulatio* при *stabulum*, *ambulatio* и *gestatio* при *ambulacrum* [1]), *contio* «мѣсто собранія» (при *conciliabulum*); *quies* въ смыслѣ «мѣсто отдохновенія» (Lucr. I 405); *aratio*, *aquatio*, *pastus*, *pastio*, *lignatio*, *lavatio* (ср. *lavacrum*), *natātio* (ср. *natabulum*), *actus* «выгонъ» и др.

Германскіе примѣры: ново-верхненѣм. *Trift* «выгонъ», обще-герм. **staʊi-* «Stätte»: др. в. нѣм. *stat*, англо-сакс. *stedi-*, ново-верхненѣм. *Stadt* (ср. *sthitis*, στάσις, *statio*) [2]).

Литовско-латышскіе примѣры: лит. *kiutis* «ein Loch, das sich die Schweine wühlen» (при *kiútau* «still daliegen»),—ср. вышеупомянутое инструментальное *knisỹklė*; лит. *būtė* «мѣсто пребыванія,

---

[1]) *ambulatio* въ см. „мѣсто для прогулки" извѣстно со временъ Цицерона, *gestatio* относится ко временамъ Плинія; *ambulacrum* извѣстно еще у Плавта (*Most.* 754 sq.: sed senex gynaeceum aedificare volt et balineas et ambulacrum et porticum; ср. *ibid.* 817: viden vestibulum ante aedis hoc et ambulacrum?).

[2]) Отсюда очевидно, что **stəti-s*, подобно соотвѣтствующему инструментальному имени, еще въ индо-европейскую эпоху имѣло, между прочимъ, мѣстное значеніе.

жилище»,—ср. *būklà*; *pirtìs*, латышское *pirts* «Badestube»,—ср. лит. *maudỹklė*; лит. *gultė* «Lagestätte»; лит. *getis* и *genestỹs* «выгонъ» при *ganyklà*; латышскія: *dūkste* «morastige Stelle», *lūkste* «Weise auf morastigem Grunde», *sūkste* «Sumpfstelle» и пр. и пр.

На латинскихъ примѣрахъ я позволю себѣ остановиться подробнѣе. Они показываютъ, что въ латинскомъ языкѣ было два параллельныхъ процесса, которые оба начались съ довольно древней эпохи; впрочемъ, большинство переходовъ nominum actionis въ nomina loci принадлежитъ эпохѣ болѣе поздней сравнительно съ переходомъ соотвѣтствующихъ nomina instrumenti въ nomina loci: такимъ образомъ, латинскій языкъ два раза пережилъ одни и тѣже явленія семасіологической аналогіи. Подобно тому какъ при *cubiculum* появились *cenaculum*, *hibernaculum* и далѣе *habitaculum*, такъ и при древнихъ *lectus*, *habitatio*, *statio* позднѣе возникаютъ локальныя *mansio* (временъ Плинія), *cubitus* («постель», у Плинія: hic foliis *cubitus* sibi *sternunt*, — ср. *lectum sternere*), *accubitio* («обѣденный диванъ»—у Лампридія), *accubitatio* («мѣсто за столомъ»—Ael. Spartianus), *discubitio* («скамья для отдохновенія»—у Іеронима и въ надписяхъ), *cenatio* («столовая, напр. c. sarax populi—у Сенеки, Плинія, Марціала); еще раньше, уже у Цицерона, сдѣлалось локальнымъ именемъ *sessio* (у Цицерона въ см. *exedra*, позднѣе въ смыслѣ «мѣсто сидѣнія вообще»,—напр. у медиковъ sessiones oculorum «глазныя орбиты», т. е. буквально «мѣста, въ которыхъ сидятъ глаза»).

Въ группѣ локальныхъ nominum actionis, относящихся къ понятіямъ «выгонъ», «водопой» и пр., нѣкоторыя изъ словъ засвидѣтельствованы позднѣе, чѣмъ соотвѣтствующія инструментально-локальныя имена: напр. *stabulatio* (ср. древнее *stabulum*) встрѣчается впервые у Апулея и Колумеллы; да и вообще эти имена, за исключеніемъ *aratio* (уже у Плавта значитъ «пашня»), принадлежатъ (я имѣю въ виду ихъ м ѣ с т н о е значеніе) либо классической либо позднѣйшей эпохѣ,—таковы: *actus* «выгонъ» (у Цицерона и др.), *pastio* въ смыслѣ «пастбище» у Цицерона и Варрона, *pastus* въ томъ же значеніи у Вергилія (*Georg.* I 381: a pastu decedens), *aquatio* въ см. «водопой» у Колумеллы и Плинія, *lignatio* «мѣсто, гдѣ рубятъ дрова» у Колумеллы.

Но нѣкоторыя изъ локальныхъ nomina actionis встрѣчаются

въ литературѣ хотя и поздно, но раньше соотвѣтствующихъ инструментально-локальныхъ именъ: таковы два синонима—*lavatio* и *natatio*: первое изъ нихъ засвидѣтельствовано въ смыслѣ ‹ванная комната› впервые у Витрувія, тогда какъ *lavacrum* извѣстно въ мѣстномъ значеніи лишь со временъ Геллія; равнымъ образомъ *natatio* въ см. ‹мѣсто для плаванія› извѣстно еще у Цельса, между тѣмъ какъ *natabulum* засвидѣтельствовано въ подобномъ значеніи впервые у Апулея.

Этимъ мы заканчиваемъ главу объ инструментальныхъ именахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всю настоящую работу. Не смотря на всѣ старанія автора, эта послѣдняя глава имѣетъ видъ скорѣе программы, чѣмъ систематическаго изслѣдованія. Это объясняется свойствомъ того матеріала, съ которымъ приходилось имѣть дѣло. Уже на первыхъ порахъ для автора выяснилось, до какой степени необходимо сопоставленіе инструментальныхъ именъ въ классическихъ языкахъ съ соотвѣтствующими именами другихъ индо-европейскихъ языковъ: только такимъ образомъ можно выработать точку зрѣнія на данныя явленія и установить методы для ихъ изслѣдованія. Но для систематической работы въ этомъ направленіи нѣтъ достаточнаго матеріала, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ изслѣдователь можетъ располагать только болѣе или менѣе полнымъ перечнемъ инструментальныхъ именъ въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ безъ указанія тѣхъ синтактическихъ сочетаній, въ которыхъ эти имена встрѣчаются. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла систематическая исторія значеній инструментальныхъ именъ превышаетъ силы о д н о г о изслѣдователя. Вотъ почему автору пришлось ограничиться лишь наиболѣе ясными примѣрами и указать только путь къ рѣшенію вопроса.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 3, строка 8 сверху. Ср. старославянское склоненіе соотвѣтствующихъ именъ: именительный **любы** (**ы**=*$\bar{u}$), род. **любъ-ве** (**ъв**=*$\breve{u}\mu$).

Стр. 11, строка 3 сверху: «Что касается значеній «вѣкъ» и т. п. (въ *saeculum*), то они, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ греческаго γενεά,—произошли изъ значенія «поколѣніе». Къ концу печатанія настоящей работы я обратился къ изслѣдованію словъ, обозначающихъ «время» въ различныхъ языкахъ. Это изслѣдованіе пока еще не готово во всѣхъ своихъ подробностяхъ и появится уже впослѣдствіи, какъ отдѣльная публикація, но я долженъ теперь же замѣтить, что оно не позволяетъ мнѣ принимать вліяніе греческаго γενεά на латинское *saeculum*. Въ общемъ, повидимому, придется дать такое толкованіе темпоральнымъ значеніямъ *saeculum*: 1) не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *saeculum* ассоціировалось въ латинскомъ языкѣ съ такими словами, которыя обозначали не только «поколѣніе», но и «время жизни извѣстнаго поколѣнія»—напр. *aetas* (ср. aurea aetas∞aureum saeculum); 2) понятія «время» и «поколѣніе, живущее въ извѣстное время» вообще соприкасаются другъ съ другомъ: ср. хотя бы общепринятое въ нашихъ хронологическихъ датахъ употребленіе имени дѣятеля вмѣсто эпохи, въ которую онъ дѣйствовалъ.

Стр. 19, строка 14 сверху. Нами было указано въ своемъ мѣстѣ, что для отдѣла, кончающагося данной строкой, мы много пользовались работой Шрадера Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde; съ своей стороны мы только кое-гдѣ пополнили его данныя и опредѣленнѣе поставили тезисъ, что культурные термины разныхъ языковъ подвергаются сходнымъ семасіологическимъ измѣненіямъ, если были сходны соотвѣтствующія культурно-историческія измѣненія въ

жизни народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ. Но и другія сочиненія Шрадера могутъ дать обширный и интересный матеріалъ для подобнаго рода работы — такова его главная книга Sprachvergleichung und Urgeschichte (2-е изданіе); или напр. его брошюра Die älteste Zeittheilung des indogermanischen Volkes (Berlin, 1878), извлеченіе изъ которой можно найти и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Sprachvergleichung. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ этой брошюры (стр. 6) одинъ характернѣйшій примѣръ, который показываетъ, какъ извѣстное слово получаетъ въ различныхъ языкахъ одно и то же оригинальное и съ перваго взгляда неожиданное измѣненіе въ значеніи—при наличности одинаковыхъ культурно-историческихъ поводовъ: «Franz. *mousquet*, ital. *moschetto* heissen 1. Sperber (von der gleichsam mit Mucken [*mouches*] besprenkelten [*moucheter*] Brust). 2. Wurfgeschoss, Gewehr (davon unser «Musket»), ferner ital. *terzuolo*, franz. *tiercelet* (*tertius*, *tertiolus*) 1. Männchen einer Art Habichte; 2. Sackpuffer, Terzerol. Welcher Gelehrte, und wenn er ein Salomo wäre, würde je den Uebergang von einem Sperber zum Mordgewehr, von einem Habicht zur Pistole haben begreifen können,—wenn ihn nicht eben die Culturgeschichte belehrte» dass Habicht und Sperber nicht minder als Falke einst die beliebten und besungenen Stossvögel der mittelalterlichen Welt waren die von dem Schiessgewehr verdrängt den Arten desselben ihre Namen hinterliessen?»

Стр. 38, строка 21 сверху. По поводу румынскаго *cuvînt* и болгарскаго *сборъ* см. Miklosich Vgl. Wörterb. d. slav. Spr. p 9: bulg. *zbor* «Versammlung, Rede»; *zborja*, *zborjuvam*, *zborvam* «reden» (vgl. serb. *divaniti;* griech. ὁμιλῶ; rm. *kuvînt* «conventus, rede»; *kuvînta* «reden»). Интересно отмѣтить, что существительныя изучаемаго разряда обыкновенно сохраняютъ при значеніи «рѣчь» старое значеніе «собраніе»; между тѣмъ какъ произведенные отъ этихъ существительныхъ глаголы имѣютъ почти исключительно значеніе «говорить».

Стр. 41, строка 11 сверху. Для слова *вѣсъ* въ древнерусскомъ языкѣ очень хорошо засвидѣтельствовано не только современное значеніе, но и значеніе «вѣсовая гиря»,—напр. «всякая мѣрила и съ поуды и з вѣсы» (около XI вѣка); «вѣсу Полоцкому быти Ризького

полупудомъ болши» (XV в.). Ср. далѣе заимствованное изъ тюркскаго *безменъ*. Мнѣ лично это слово извѣстно какъ названіе особаго инструмента для взвѣшиванія: но его исторія показываетъ, что оно употреблялось и частью употребляется до сихъ поръ (напр. въ Иркутскѣ) въ смыслѣ «вѣсъ»=«опредѣленная тяжесть предмета»,—ср.: «въ безменѣ вѣситъ полъ-третья фунта, а малыхъ гривенокъ въ безменѣ 5 гривенокъ, а золотниковъ въ безменѣ 240 золотниковъ» (Торговыя книги XVI—XVII в.; примѣры эти взяты у Срезневскаго Матеріалы для словаря древнерусскаго языка, выпускъ I; ср. словарь Даля и также Академич. Словарь: «отвѣсить масла два безмена»). Наконецъ очень интересно *вага*—славянское заимствованіе изъ нѣмецкаго (др. в. нѣм. *wāga*, ново-нѣм. *Wage*). Слово это во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (словинскомъ, чешскомъ, польскомъ, верхнелужицкомъ и др.) и въ діалектахъ русскаго языка (напр. въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ) имѣетъ инструментальное значеніе «вѣсы»; наряду съ этимъ значеніемъ мы мѣстами встрѣчаемъ значеніе «вѣсъ» и отсюда далѣе «цѣнность, стоимость»,—ср. нарѣчія воронежское, курское, саратовское и пр.: «эка вага, не вздымешь»; «дѣло это не велико, вагою ниже рубля»,—говорятъ на югѣ; «хомутъ да дуга, и вся вага»—курская пословица; ср. далѣе малорусское *вагомъ* «по вѣсу» и бѣлорусское *вага* въ значеніи «вѣсы» и «цѣнность» (примѣры эти взяты изъ словаря Даля и изъ сравнительнаго словаря славянскихъ языковъ Миклошича, стр. 374).

Стр. 43, строка 21 сверху. Ср. в. нѣм. *wëgen*, др. в. нѣм. *wëgan* (откуда далѣе новонѣм. *wiegen*) имѣло оба значенія—wagen и wiegen (Kluge Wörterb.). Для русскаго *вѣсить* въ см. «взвѣшивать» ср. выраженіе *вѣсить товаръ* (Срезневскій, l. c., p. 493) и поговорку «*живутъ хорошо, золото вѣсятъ*» (словарь Даля).—Прибавимъ еще *важить* (отъ *вага*): въ южныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ оно значитъ «тянуть, вѣсить», въ тамбовскомъ нарѣчіи «подвѣшивать, подымать вагою», въ смоленскомъ и воронежскомъ «вѣсить» и «взвѣшивать» (словарь Даля. Ср. Уманець и Спілка Словарь Росийсько-Украіньскій (Львів 1893) подъ словомъ *вѣсить*: 1) Почали *важити* сіль; 2) сей куль *важитъ* пять пудівъ).

Стр. 52, строка 24 сверху. Ср. Petron. *sat.* 33, 35: accessere continuo duo servi et symphonia strepente scrutari paleam coeperunt erutaque subinde pavonina ova divisere convivis. convertit ad hanc *scaenam* Trimalchio vultum...

Къ стр. 58—62. Намъ приходилось говорить, что отдѣльныя *блюда* или *кушанья* могутъ разсматриваться какъ моменты обѣда и употребляются какъ темпоральныя имена, какъ nomina actionis. Ср. еще лат. формулу *ab ovo usque ad mala* «отъ закуски вплоть до десерта»,—напр. Horat. *sat.* I 3, 6: si collibuisset, ab ovo usque ad mala citaret («все время, начиная отъ—вплоть до»...). Можетъ быть, сюда же относится одно мѣсто изъ Петронія (41, 35 ed. Bücheler): *ab hoc ferculo* Trimalchio ad lasanum surrexit («послѣ этого блюда», «послѣ этой перемѣны»); изъ языка, болѣе или менѣе близкаго по времени, можно привести въ параллель очень частое у Овидія *ab his* «послѣ этого», напр. *Met.* 3, 273: surgit ab his solio. Что касается болѣе древняго языка, то мы имѣемъ одно любопытное мѣсто у Плавта (*Pseud.* 284), гдѣ однако трудно опредѣлить съ точностью значеніе предлога (postquam hercle isti *a mensa* surgunt satis poti viri...): ближе къ истинѣ будетъ, вѣроятно, предположеніе, что данное сочетаніе принадлежитъ къ числу двусмысленныхъ, т. е. что *a mensa* можно истолковать и въ локальномъ и въ темпоральномъ смыслѣ.—Гораздо важнѣе для насъ одно изъ писемъ Цицерона къ Пету (*famil.* IX 20), гдѣ Цицеронъ описываетъ свое времяпрепровожденіе и шутитъ надъ увеличеніемъ своего аппетита: integram famem ad ovum affero, itaque (ab ovo) usque ad assum vitulinum opera perducitur. Это сочетаніе напоминаетъ собою такія выраженія, какъ oppugnatio *ad noctem* perducta (Ливій) или *a prima pueritia usque ad ultimum diem* familiarem amicitiam perducere (Seneca rhet.),—т. е. ovum и assum vitulinum являются въ данномъ сочетаніи моментами обѣда. Къ такому же результату приведетъ насъ и переводъ этой фразы на нѣсколько языковъ: «и такимъ образомъ я продолжаю свою работу *вплоть до жаренаго*», «und so setze ich meine Arbeit *bis zum Kalbsbraten* fort»; равнымъ образомъ, и по-французски мы употребимъ здѣсь *jusqu'au rôti* и т. д —Чтобы покончить съ латинскимъ языкомъ, скажемъ два слова о *vinum* (ср. стр. 60) и *cibus* (стр. 61,

строка 8 сверху и 1 снизу). Для перваго ср. Петронія (*sat.* 34, 26): vita vinum est (=жизнь есть *пьянство*); для второго интересенъ примѣръ у Цельса protinus post cibum (послѣ *ѣды*, послѣ принятія пищи).

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ русскаго языка въ дополненіе къ 59 страницѣ. Наше слово *блины* употребляется не только конкретно, но и въ смыслѣ nominis actionis: «звать кого на блины»; «отложи *эти блины* (=«угощеніе блинами» или «приготовленіе блиновъ») до другого дни»; «*блинами* называется столъ у родителей молодой, на другой день послѣ свадьбы» (Даль; надѣюсь, что эти примѣры удовлетворятъ А. И. Соболевскаго,—ср. его статью въ Филол. Обозр. VIII 2, стр. 159—160).—По поводу слова *столъ* ср. у Даля: «*большой столъ*—обѣдъ на другой день свадьбы у родителей невѣсты; за нимъ слѣдуетъ *блинный*, у молодыхъ, гдѣ сама молодая печетъ блины, и наконецъ *похмельной* опять у тестя».—Изъ современнаго литературнаго языка (правда, нѣсколько архаизованнаго) ср. у А. Толстого (Князь Серебр., стр. 68): «Царь почти вовсе не ѣлъ. *Въ продолженіе стола* онъ много разсуждалъ, шутилъ и милостиво говорилъ съ своими окольными. Лицо его не измѣнилось въ концѣ *обѣда*».

Въ заключеніе, отмѣтимъ такіе случаи, когда слова *обѣдъ* и т. п. ассоціируются съ чисто темпоральными словами (ср. стр. 59, строка 3 сверху): «солнышко на *обѣдъ* пошло»; «вѣтерокъ теплый потянулъ *съ обѣда*» (Даль, подъ словомъ *обѣдъ*); ср. онежское *полуденъ* въ см. «югъ» и «южный вѣтеръ»; интересно также обозначеніе (въ Арханг. губ. и въ Сибири) юго-востока и юговосточнаго вѣтра словомъ *обѣдникъ* (см. объ этомъ у Даля); ср. еще народную примѣту: «если первый громъ *съ полудня*, то грозное лѣто будетъ» (Даль подъ словомъ *полденъ*).

Стр. 70, строка 2 сверху. Ср. еще πρεσβεία въ см. «послы» (Plato *legg.* XII 950 d: κήρυξιν ἢ πρεσβείαις ἢ καί τισι θεωροῖς), θεωρία въ см. οἱ θεωροί (Xenoph. *Mem.* IV 8 § 2: ἕως ἂν ἡ θεωρία ἐκ Δήλου ἐπανέλθῃ), συμμαχία въ см. οἱ σύμμαχοι (Thuc. VI 73).

Библиотека Социалистической Академии

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Прошу читать:*
5	1 сверху	основу *ti-*
—	10 снизу	zu Herod
8	10 »	Ph. Wegener
14	10 »	VIII 2, 159)
18	5 сверху	Thewr.
—	16 »	гот. *dulθs.*
24	17 »	**bhrātr̥̆ns*
—	23 »	nom. pl.
25	7 »	семасіологическое
32	9 »	всеобщности,
33	4 снизу	ἐλαφρός
37	10 сверху	Ὑπερβορέων
41	11 снизу	ad certum
42	9 »	λαβών,
49	6 »	actionis:
—	10 »	μεταστάς...
—	11 »	Soph. *Ai.* 749:
55	16 »	лат. *discus*
56	23 сверху	frabugjandane
—	3 снизу	*sedźić*
58	5 сверху	quelqu'un;
63	13 »	цѣлый»
65	13 »	φάος; также транзитивно у
73	12 снизу	«Schifler».
74	18 сверху	*talzjands*
77	13 снизу	до спхъ поръ
78	4 сверху	*u̯dźiu* «нюхаю».
79	17 »	*se-tar-*
—	2 снизу	Präsens